

Кэти М. Ду

А
И
М
Б

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кэти Ди
Лимб

«Автор»

2026

Ди К. М.

Лимб / К. М. Ди — «Автор», 2026

Один роковой секундный миг на скользком ночном шоссе навсегда связывает жизни двух абсолютно разных людей — Софии Громовой, девушки из успешной и влиятельной семьи, и Ильи Грача, обычного парня с окраины. Страшная автомобильная авария оборачивается для них не больничной палатой, а пробуждением в пугающем Лимбе — замкнутом пространстве без времени, дат и чисел. Здесь стерты прошлые статусы, а все человеческие законы заменены жестокими правилами Системы. Теперь им вдвоем предстоит пройти через серию смертельных испытаний, где каждый неверный шаг превращает человека в пепел на глазах у остальных. Смогут ли они сохранить человечность и довериться друг другу, когда на кону стоит единственный шанс на выживание? И какая цена у свободы в мире, где даже любовь может оказаться ловушкой?

© Ди К. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЛИМБ	5
глава 1	7
Золотая клетка Громовой	7
глава 2	14
Встречный курс Грача	14
глава 3	18
Секунда до пепла	18
глава 4	22
Пробуждение в Лимбе	22
глава 5	29
Обратный отсчёт	29
глава 6	35
Полигон	35
глава 7	46
Госпиталь	46
глава 8	51
Дурдом	51
глава 9	56
Отражение в чужой тьме	56
глава 10	64
Гнилая рокировка	64
глава 11	74
Цена фальшивых масок	74
глава 12	83
Спасительное тепло	83
глава 13	88
Силуэты в зеркалах	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Лимб

ЛИМБ

У этого мира нет названия, потому что мертвецам не нужны географические карты, а живые сюда не возвращаются. У него нет координат, нет широты и долготы. Если вы попытаетесь отыскать его на картах человечества, вы найдете лишь глухую, пульсирующую пустоту где-то между последним вздохом на операционном столе и первой прямой линией на медицинском мониторе.

Здесь нет времени. Это, пожалуй, первое, что ломает человеческий разум, когда он оказывается внутри. Забудьте про тиканье настенных часов, про рассветы, сменяющиеся закатами, про череду понедельников и пятниц. В этом месте вечно царит один и тот же безликий, выхолощенный серый полумрак, струящийся из ниоткуда. Вы не можете сказать, сколько вы здесь находитесь — провели ли вы на железной кушетке несчастные пять минут реанимации, пока врачи бьют разрядами тока в вашу грудную клетку, или ваш разум блуждает по бетонным коридорам уже долгие, бесконечные месяцы. Время в человеческом понимании — это роскошь. Здесь его заменили существованием. Существованием на грани излома.

Здесь нет дат. Календари сгорели. Прошлое стерто до состояния невнятных, размытых вспышек, а будущего не существует вовсе, пока Система не позволит тебе сделать следующий шаг. Вы не вспомните, какой сегодня год, месяц или день недели. Всё, что у вас остается — это ваше имя, ваша суть и первобытный, сковывающий внутренности страх перед неизвестностью.

Многие, едва очнувшись на жестких койках под бездушным миганием беззвучных датчиков, принимают это место за ад. Они начинают кричать, звать бога, биться в закрытые металлические двери и требовать ответов от безмолвных стен. Но этот мир — не ад. В аду есть справедливость. В аду грешники страдают за свои прижизненные поступки, а праведники получают покой. Этому миру абсолютно плевать, кем вы были там, за невидимой чертой реальности.

Системе Лимба безразлично, сколько нулей было на банковском счету у твоих родителей и в какой элитный университет тебя возил личный водитель по утрам. Ей плевать, если ты всю жизнь работал на износ, крутил баранку разбитого такси, перебивался случайными заработками и надеялся только на прочность собственных кулаков. Здесь ваши прошлые заслуги, дорогие шмотки, связи, дипломы и социальные статусы превращаются в ничто. Они весят меньше, чем пыль под ногами.

Лимб — это гигантский, стерильный и абсолютно безжалостный фильтр. Пространство, созданное с одной-единственной целью: отсеять слабых. Проверить человеческий материал на излом и выяснить, достоин ли ты вернуться обратно в мир людей, или твое тело в реанимации окончательно превратилось в бесполезный кусок мяса, который пора отключать от аппаратов искусственного дыхания.

Жесток ли этот мир? На первый взгляд — безусловно. Система не знает жалости, не принимает извинений и не дает вторых шансов. Ошибка на испытании карается мгновенно. Здесь нет судей, адвокатов или присяжных. Ты просто делаешь неверный шаг, нарушаешь невидимую границу, совершаешь глупость — и в следующую секунду твое тело стремительно, с тихим шуршанием рассыпается в серый, безликий пепел прямо на глазах у тех, с кем ты еще минуту назад делил пайку хлеба. И этот пепел смешивается с вечной пылью на бетонном полу, напоминая оставшимся: количество мест на выход строго ограничено.

Но если взглядеться в этот серый полумрак глубже, сквозь панику и слезы, открывается другая, куда более пугающая истина. Этот мир не жесток — он честен. Он устроен так, что судьба каждого человека здесь зависит исключительно от него самого. Лимб сдирает с людей кожу, обнажая их истинное нутро. Замкнутое пространство общего бокса, где десять человек

заперты друг с другом без права на личную жизнь, без возможности спрятаться, превращается в идеальную чашку Петри для человеческих пороков.

В условиях, когда на кону стоит выживание, маски слетают в первые же часы. Тот, кто в реальном мире казался успешным и сильным, здесь может превратиться в трусливое, шныряющее по углам существо, готовое подставить товарища ради лишней секунды безопасности. Тот, кто привык к обожанию и роскоши, начинает плести гнилые интриги, используя чужие слабости как живой щит. А те, кто казались обычными одиночками, вдруг находят в себе стержень, способный выдержать любое давление Системы.

Лимб не ломает тебя — он лишь показывает, из чего ты сделан. Из хрупкого фарфора, который разлетится вдребезги при первом же ударе, или из закаленной, суровой стали, способной удержать на себе чужую, еще более хрупкую жизнь.

Система начинает свой отбор. Десять человек в одинаковых темных робах. Десять коек в холодном армейском боксе. Одинаковые условия, общие душевые, где каждый твой вдох подслушан, а каждый шаг просчитан. И впереди — круги испытаний, где каждый сам за себя. Здесь глупо надеяться на чудо или милосердие. Если ты хочешь дышать в реальности, если ты хочешь снова увидеть небо и почувствовать вкус настоящей жизни — тебе придется научиться драться. Драться с Системой, драться с крысами, которые заперты вместе с тобой, и, самое главное, драться с собственным страхом.

Двери Лимба закрыты. Датчики пульса на кушетках готовы к работе. Система запускает первый цикл.

И где-то в этой звенящей, ледяной тишине бетонного склепа впервые раздается ритмичный, сухой металлический звук, который для кого-то станет кошмаром, а для кого-то — единственным ориентиром в кромешной тьме.

Клик.Клик.

Магниты сомкнулись. Испытание началось.

глава 1

Золотая клетка Громовой

Утро началось идеально. Тёплые, золотистые лучи июньского солнца робко пробивались сквозь тяжёлые портьеры из натурального шёлка, раскрашивая просторную спальню в мягкие пастельные тона. София Громова открыла глаза и сладко потянулась на огромной кровати под невесомым кашемировым одеялом. Настроение было на редкость чудесным — редкое явление для последнего месяца учёбы, когда нервы у всех студентов трещали по швам.

Её комната, оформленная дизайнерами в изысканном стиле неоклассики, напоминала ожившую картинку из дорогого журнала: идеальный паркет из светлого дуба, туалетный столик из карельской берёзы, уставленный флаконами селективного парфюма, и огромные панорамные окна с видом на закрытый элитный посёлок. Здесь всё дышало успехом, роскошью и абсолютным, удушающим контролем её влиятельной семьи. Родители Софии не жалели денег на единственную дочь, стремясь выстроить её жизнь по безупречному, заранее написанному сценарию.

Сбросив одеяло, София прыгнула на мягкий ковёр. На дворе стояло начало лета — знойный, дышащий свободой июнь. Самое прекрасное и одновременно ужасное время для любого студента. Время зачётов, бессонных ночей и финальных экзаменов. Для Софии этот месяц был особенным: последний курс престижного экономического университета, финишная прямая и получение заветного красного диплома. Именно поэтому последние недели превратились для неё в марафон на выживание. Она катастрофически не высыпалась, проводя ночи за бесконечным написанием и полировкой дипломной работы, графиков и экономических моделей.

Впрочем, никто и никогда не видел её уставшей. Громовы обязаны были выглядеть безупречно при любых обстоятельствах — этому правилу её учили с детства. Даже сейчас, несмотря на лёгкие тени усталости под глазами, она выглядела превосходно. Тонкая, изящная фигура в шёлковой пижаме, ровная осанка и фарфоровая кожа.

Однако, стоило Софии подойти к ростовому зеркалу в ванной комнате, как её прекрасное настроение слегка пошатнулось. Взгляд упёрся в собственное отражение, и на губах появилась недовольная гримаса. Существовали две вещи в собственной внешности, которые София искренне, всем сердцем беззаветно презирала: её кудрявые волосы и веснушки.

Природа наградила её невероятным, густым водопадом иссиня-черных волос, но они вились упрямыми, крупными кольцами, которые жили своей собственной, хаотичной жизнью. Сколько бы денег родители ни тратили на шёлковое выпрямление и салонные уходы, стоило погоде чуть испортиться, как идеальная укладка превращалась в облако непослушных кудрей. А лицо... Переносица и аккуратные скулы Софии были усыпаны россыпью мелких золотисто-коричневых крапинок. Мама всегда говорила, что это мило, но София видела в зеркале лишь досадное несовершенство, портившее её аристократичный образ фарфоровой куклы.

— Опять этот кошмар, — недовольно пробормотала она под нос, включая плойку-выпрямитель и одновременно потянувшись к плотному тональному крему с максимальным маскирующим эффектом. Каждое утро превращалось в ритуал: тщательно, миллиметр за миллиметром, замазывать эти ненавистные «солнечные поцелуи» и безжалостно жечь волосы раскалённым утюжком, вытягивая их до идеальной, зеркальной гладкости. Только когда с зеркала на неё посмотрела безупречная девушка с прямыми прядями и абсолютно ровным, матовым цветом лица, София облегчённо выдохнула.

В этот момент на тумбочке оглушительно завибрировал новёхонький смартфон. София взглянула на экран — звонила Оля, её лучшая и, пожалуй, единственная настоящая подруга в университете.

— Привет, Громова! Ты уже на полпути к нашему адскому котлу? — весёлый, бодрый голос Оли ворвался в динамик без лишних предисловий. На заднем плане слышался шум уличного движения.

— Привет, Оль. Я только закончила собираться, — улыбнулась София, зажимая трубку между плечом и ухом, пока натягивала строгую, но дорогую блузку из белого хлопка. — Настроение на удивление хорошее. Наверное, предчувствие, что диплом наконец-то примут без правок.

— Ой, сними розовые очки, Сонь! Какая работа, какие правки? Ты забыла, кто у нас сегодня принимает зачёт по макроэкономическому планированию? — Оля многозначительно сделала паузу, и София буквально физически почувствовала, как подруга на том конце провода мечтательно закатила глаза.

— Графики? План-графики производства? — София нахмурилась, вспоминая сложнейшую тему. — Я всю ночь их зубрила.

— Да бог с ними, с графиками! Принимает-то Виктор Николаевич! Наш новоиспечённый кандидат наук, тридцать лет чистого мужского обаяния, широких плеч и костюмов с иголки. Самый сексуальный преподаватель на всём экономическом факультете! — Оля захихикала в трубку, не сдерживая эмоций. — Короче, план такой: нам срочно нужно выучить эти чёртовы графики так, чтобы сдавать ему зачёт как можно дольше. Будем тупить, задавать наводящие вопросы, заглядывать в его бездонные глаза и делать вид, что макроэкономика — это страсть всей нашей жизни!

София прыснула от смеха, прикрывая рот ладонью. Абсурдность плана подруги мгновенно развеяла остатки утренней академической серьёзности.

— Оля, ну ты точно ненормальная! — сквозь смех воскликнула София, качая из стороны в сторону идеально прямой головой. — Виктор Николаевич нас раскусит на первой же минуте. Он строгий, как налоговый инспектор, и срежет нас вопросом про эластичность спроса, глазом не моргнув. Будешь потом на пересдаче любоваться его «широкими плечами» до самого июля.

— Зато это будут самые лучшие пересдачи в моей жизни! — парировала Оля, продолжая заразительно хохотать. — Всё, Громова, прекращай занудствовать, включай режим роковой женщины и хватай свои чертежи. Увидимся у главного входа через полчаса, не опаздывай!

В трубке раздались короткие гудки. София покачала головой, чувствуя, как лицо расплывается в тёплой улыбке. Всё-таки с Олей учиться было гораздо легче.

Она бросила последний взгляд на зеркало, проверяя, надёжно ли скрыты веснушки, подхватила со стола кожаную папку с дипломными материалами и вышла из комнаты. Внизу её уже ждал сытный завтрак, приготовленный кухаркой, и личный водитель на представительском автомобиле, готовый отвезти её навстречу очередному дню, который — София была в этом абсолютно уверена — должен был пройти просто великолепно.

София вышла на крыльцо университета, щурясь от яркого полуденного солнца. Оля уже ждала её у массивных колонн главного входа, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

Оля была полной противоположностью утончённой и строгой Софии. Невысокая, уютная и невероятно живая, она обладала той тёплой, природной привлекательностью, которая мгновенно располагала к себе людей. У неё было круглое миловидное лицо с мягкими, плавными чертами, аккуратный носик и большие, выразительные орехово-карие глаза, в которых вечно плясали весёлые чертёты. Её русые густые волосы средней длины были наспех собраны

в простой хвост на затылке, из которого то и дело выбивались непослушные мягкие прядки, забавно очерчивая лицо. Одевалась Оля просто и со вкусом: лёгкий оверсайз-жакет поверх футболки и удобные кеды, в которых было удобно бегать по бесконечным этажам академии.

— Ну наконец-то, Громова! — воскликнула Оля, заметив подругу, и бросилась навстречу. — Я уже думала, тебя родители на личном вертолёте доставлять будут. Наш декан, старик Палыч, свирепствует с самого утра. Говорят, он уже завернул троих отличников из первой группы. У них там графики поплыли.

— Привет, Оль, — София крепче прижала к себе тяжёлую кожаную папку с дипломом. — Не пугай меня. Я над этими графиками три ночи не спала. Если Палыч меня завернёт, я устрою экономический кризис в масштабах отдельно взятого деканата.

— Ой, тебя он не завернёт, ты же у нас ходячая энциклопедия, — Оля хихикнула, увлекая подругу за собой. — Ладно, некогда болтать, погнали в логово дракона. Если мы сейчас не сдадим, то пропустим обеденный перерыв Виктора Николаевича. А я обязана увидеть, как его тридцать лет обаяния пьют кофе!

Девушки дружно подхватили друг друга под локти и решительно толкнули тяжёлые двери университета.

Внутри главный корпус престижного экономического университета напоминал огромный, гудящий улей, охваченный предэкзаменационной лихорадкой. Величественный старинный интерьер с высокими сводчатыми потолками, монументальной лепниной и широкими мраморными лестницами сегодня казался тесным из-за сотен студентов. Повсюду сидели, стояли и буквально лежали на подоконниках взмыленные выпускники. Коридоры были заполнены шуршанием распечатанных чертежей, нервным шёпотом и запахом крепкого кофе из автоматов. Кто-то судорожно дописывал формулы прямо на коленке, кто-то мерил шагами длинный коридор, монотонно бубня под нос тезисы защиты.

Аудитория деканата встретила их звенящей тишиной и строгой, почти сакральной атмосферой. Просторный кабинет с дубовыми панелями был заставлен шкафами с архивными папками и диссертациями. За огромным столом, заваленным стопками пояснительных записок, восседал декан факультета — Пётр Павлович, которого студенты между собой ласково или с трепетом звали Палычем. Это был грузный мужчина почтенного возраста, с суровым лицом, глубокими морщинами на лбу и пронизательным взглядом из-под густых седых бровей. На кончике его носа неизменно покоились очки в тонкой роговой оправе, через которые он смотрел на студентов как заправский ревизор.

Оля пошла первой, заметно растеряв свою утреннюю уверенность. Палыч долго и придирчиво перелистывал её диплом, шумно вздыхая и методично чиркая красной ручкой по полям.

— Ну что, голубушка, — проскрипел декан, поправляя очки. — Текст неплохой. Но вот в третьей главе, в расчётах рентабельности предприятия, у вас явная просадка. И поправки в план-график нужно внести. Переделать две таблицы и принести мне на подпись завтра утром. Свободны.

Оля вылетела от стола, тихо выдохнув: «Пронеслась душа по кочкам, жить буду!», и уступила место подруге.

София подошла к столу, плавно опустив перед деканом свою безупречную работу. Пётр Павлович взял её диплом, и в кабинете повисла долгая, напряжённая пауза. Он листал страницу за страницей, вчитывался в экономические модели, внимательно изучал сложные графики производства, которые София выверяла до каждого миллиметра. На его суровом лице не дрогнул ни один мускул. София замерла, едва дыша.

Наконец Палыч закрыл папку, снял очки и впервые за день мягко, по-отцовски улыбнулся.

— Ну что я могу сказать, Громова. Как всегда — блестяще. Ни одного замечания, ни единой правки. Логика железная, аналитика на высшем уровне. Всё, что тебе остаётся — это защитить эту красоту на официальной комиссии через две недели. Свободна, готовь речь.

Высочив в коридор, София не сдержала радостного писка. Оля тут же закружила её в объятиях:

— Ну я же говорила! Ты просто гений, Громова! Всё, официальная часть закончена, теперь переходим к плану «Б». Бегом на кафедру макроэкономики, пока Виктор Николаевич не ушёл!

Девушки быстрым шагом направились в дальнее крыло корпуса, где располагались кабинеты молодых преподавателей. Подойдя к нужной аудитории, Оля осторожно приоткрыла дверь на пару сантиметров. София, поддавшись весёлому азарту подруги, пристроилась рядом, заглядывая через её плечо.

Внутри кабинета, у окна, спиной к ним стоял тот самый новый преподаватель, Виктор Николаевич. Он действительно выглядел безупречно: высокий, подтянутый, в идеально сидящем тёмно-синем костюме-тройке, который выгодно подчёркивал его широкие мужские плечи. Он неторопливо просматривал какие-то бумаги, держа в одной руке фарфоровую чашку, от которой поднимался ароматный пар свежесваренного кофе. От всего его облика веяло уверенностью, лоском и тем самым мужским шармом, от которого пищали все студентки факультета.

Оля и София синхронно захихикали, прикрывая рты ладонями, чтобы не рассмеяться в голос от собственной дерзости.

— Боже, Сонь, посмотри на эти плечи, — шёпотом запричитала Оля, толкая подругу локтем в бок. — Он же просто сошёл с обложки журнала «Экономика и стиль», если бы такой существовал!

Но их весёлый шпионаж продлился недолго. Виктор Николаевич, словно почувствовав чужой взгляд, резко повернулся к двери. Его пронизательные серые глаза мгновенно сфокусировались на двух парах девчоночьих глаз, торчащих в щели приоткрытой двери. Он ничуть не удивился. Напротив, его губы тронула вежливая, едва заметная, но понимающая полуулыбка. Он плавно кивнул головой:

— Добрый день, девушки. Вы что-то хотели спросить по поводу зачёта?

От неожиданности Оля и София испуганно пискнули. Внутренний контроль Громовой и наглость Оли испарились в ту же секунду.

— Нет-нет, Виктор Николаевич! Мы просто... дверью ошиблись! До свидания! — выпалила Оля.

Девушки с грохотом захлопнули дверь и, не сговариваясь, пулей припустили по коридору, давась от громкого, безудержного смеха. Они бежали мимо удивлённых студентов, пока не влетели в просторное, шумное помещение университетского буфета.

Только здесь, ухватившись за край свободного столика, они смогли остановиться, тяжело и прерывисто дыша от адреналина и смеха.

— Твою мать, Громова, это было близко! — хохотала Оля, обмахиваясь ладонью. — Видала, как он улыбнулся? Он точно понял, что мы на него пялились! Всё, мне срочно нужен чай и самый большой пирожок с вишней, иначе моё сердце не выдержит такой концентрации макроэкономической сексуальности!

София сидела напротив подруги, чувствуя, как щёки горят от смеха и быстрого бега. Настроение по-прежнему было взрывным и солнечным.

Уютный и шумный университетский буфет встретил девушек звенящими запахами свежей выпечки, крепкого кофе и вечным студенческим гулом. София и Оля устроились за небольшим столиком у окна, поставив перед собой две большие кружки горячего чая и тарелку с вишнёвыми пирожками. Адреналин после весёлого побега от красавчика-преподавателя постепенно утихал, уступая место приятному расслаблению. Диплом был проверен, за окном сияло яркое июньское солнце, и мысли девушек плавно перетекли на самую волнительную тему — долгожданное лето и грядущий выпускной.

— Ну всё, Громова, официально заявляю: моя главная цель на оставшиеся две недели — это охмурить Виктора Николаевича, — Оля закинула ногу на ногу и с видом заправского стратега откусила пирожок. — На вручение дипломов я куплю такое платье, чтобы у него вся макроэкономика в голове перевернулась. Длинное, с разрезом до бедра. Встану на шпильки, пройду мимо кафедры, и пусть только попробует не пригласить меня на танец на банкете! А ты в чём пойдёшь? Только не говори, что опять выберешь свой любимый строгий футляр цвета мокрого асфальта.

София весело фыркнула, размешивая сахар в кружке. — Вообще-то я присмотрела красивое шёлковое платье изумрудного цвета. Но без экстремальных разрезов, Оль. Мне ещё перед комиссией стоять, не хочу, чтобы декан вместо защиты диплома валидол пил.

— Изумрудный — это шик, под твои зелёные глаза будет просто бомба, — одобительно кивнула Оля, а потом её лицо стало более серьёзным, и она опёрлась подбородком на ладони. — Слушай, Сонь... А если честно? Вот получим мы эти корочки, отгуляем выпускной. Что дальше? Какие планы на лето? Ты в Турцию или на Мальдивы с родителями? Или, может, наконец-то закрутишь сумасшедший летний роман?

Улыбка Софии слегка померкла. Она опустила взгляд на свою кружку, наблюдая, как на поверхности чая расходятся маленькие круги. — Ой, Оль, про любовь и отношения мне даже думать некогда. Точнее, просто не дают, — София тяжело вздохнула, и в её голосе послышались горькие нотки. — Ты же знаешь моего отца. На меня, как обычно, у него уже готов подробный план на ближайшие пять лет: магистратура в Лондоне или сразу кресло аналитика в его холдинге. А если на горизонте появляется хоть какой-то парень... Всё, пиши пропало. Каждый раз, как только родители узнают, что я с кем-то просто начала общаться, папа тут же включает свои связи. Через сутки у него на столе лежит полное досье на несчастного парня, до третьего колена! Он начинает махать этими бумажками перед моим лицом и заявляет, что этот человек совершенно мне не подходит по статусу.

Оля сочувственно покачала головой:

— Да уж... С твоим папой не забалуешь. И как вы этот вопрос решаете?

— Как-как... Дико ругаемся, — грустно усмехнулась София. — У нас уже целая семейная схема выработана. После такой ссоры мы не разговариваем ровно трое суток. Причём график стабильный, хоть часы сверяй! Первые сутки из них я демонстративно дуюсь и сижу запершись в своей комнате. Вторые сутки папа напроць пропадает на работе, делая вид, что у него ядерный кризис в компании. А на третьи сутки мы оба ходим по дому и просто молча сверлим друг друга злыми взглядами. И только на четвёртый день миримся. Так что личная жизнь у меня под строжайшим семейным арестом.

— Жесть, — Оля шуточно перекрестилась вишнёвым пирожком. — Ладно, подруга, не кисни! Пока твой папа не собрал досье на Виктора Николаевича, я побежала подавать документы на его сердце. Пойду всё-таки расспрошу его про этот чёртов зачёт, пока он добрый и сытый после кофе.

Оля допила чай, звонко поцеловала Софию в щеку и пулей вылетела из буфета, оставив Софию улыбаться ей вслед.

Не успела София доест свой пирожок, как её сумочка отозвалась знакомой мелодией. На экране высветилось короткое: «*Papa*». Девушка сделала глубокий вдох, настраиваясь на серьёзный лад, и провела пальцем по экрану.

— Да, пап, привет, — мягко ответила она.

— Привет, дочурка, — раздался в трубке глубокий, властный, но бесконечно тёплый голос Игоря Громова. — Ты ещё в университете? Как дела с дипломом?

— Всё просто отлично! Декан проверил, у меня ни единого замечания. Сказал готовиться к официальной защите.

— Умница, я и не сомневался, — в голосе отца послышалась гордость, но он тут же перешёл к делу. — Софь, если ты уже закончила со всеми делами, давай сразу домой. Жду тебя. Нам нужно обсудить одно очень важное дело по поводу твоего будущего обучения. Геннадий уже на месте?

София поднялась из-за стола, подхватила свою папку и направилась к выходу из буфета, лавируя между студентами. Через панорамные окна холла она увидела, что на парковке у главного входа действительно уже стоит их семейный представительский автомобиль. Около водительской двери стоял Геннадий — их верный личный водитель, высокий сидящий мужчина в строгом костюме. Заметив Софию в окне второго этажа, он широко улыбнулся и приветливо помахал ей рукой.

— Да, папуля, я уже иду к Геннадию, — заулыбалась София в трубку. — Он как раз машет мне рукой из окна, словно я улетаю на Марс. Наверное, боится, что меня похитят голодные студенты-первокурсники.

Отец на том конце провода негромко, басовито рассмеялся:

— Ладно, шутница. Давай, дочурка, аккуратнее на дорогах. Люблю тебя, моя кучеряшка.

София мгновенно вспыхнула, вспомнив про утренние мучения с утюжком и замазанные веснушки.

— Ну, папа-а-а! Какая кучеряшка, я всё выпрямила! — притворно возмутилась она.

Отец лишь весело, по-доброму посмеялся в ответ и отключился. София спрятала телефон в сумочку, чувствуя, как на душе становится тепло. Несмотря на весь его тотальный контроль, она безумно любила отца.

Однако стоило Софии переступить порог университета и сесть на заднее сиденье прохладного, пахнущего дорогой кожей салона автомобиля, как идеальный летний день начал стремительно рушиться.

Буквально за пятнадцать минут ласковое июньское солнце бесследно исчезло, словно его кто-то выключил. Небо над городом затянуло тяжёлыми, иссиня-чёрными, грозowymi тучами. Стало темно, как поздним вечером. А затем на город обрушился яростный, тропический ливень. Потоки воды стеной хлынули на лобовое стекло, превращая оживлённое городское шоссе в бурлящую реку.

Видимость упала практически до нуля. Огромные дворники автомобиля работали на максимальной скорости, со свистом рассекая воду, но они едва справлялись. Машины вокруг ползли со скоростью черепахи, утопая в серой водяной пыли и ослепляя друг друга включёнными фарами и аварийками.

Геннадий, крепко сжимая руль обеими руками и подавшись всем телом вперёд, то и дело нервно всматривался в бушующую за стеклом стену дождя. Он уже полдороги не на шутку ругался под нос, не сдерживая эмоций.

— Да что ж за закон подлости такой, а?! — в очередной раз в сердцах воскликнул водитель, резко притормаживая перед остановившейся впереди машиной. — София Игоревна, вы посмотрите, что творится! Пять минут назад лето было, а сейчас — библейский потоп! Ливнёвки в городе вообще не работают, воды по самые колеса. Ни хрена же не видно, прости господи! Будто вслепую едем. Нашли время для шторма, аккурат в час пик!

София сидела на заднем сиденье, прижав к груди кожаную папку с дипломом. Она заворожённо и с нарастающей тревогой смотрела в окно, по которому сплошными потоками сбегала вода. Вспышки далёких молний на секунду озаряли мрачную трассу. Сердце девушки почему-то сжалось от странного, необъяснимого предчувствия.

глава 2

Встречный курс Грача

Илья проснулся оттого, что в открытую форточку бесцеремонно ворвался крик дворовых чаек, устроивших разборку из-за помойного бака. Он закинул руки за голову и уставился в серый, покрытый сетью мелких трещин потолок. Вставать не хотелось катастрофически. На часах было начало десятого, июньское солнце уже всю припекало сквозь дешёвые пластиковые жалюзи, но Илья продолжал неподвижно валяться в постели, ловя лицом редкие сквозняки.

Его комната в старой панельной трёхкомнатной хрущёвке на окраине города была забита хламом, который Илья считал исключительно полезным. В углу сиротливо пылилась старая боксёрская груша с потрескавшейся кожей, у стены стоял просевший диван, а на колёсиках дешёвого компьютерного кресла вечно висела какая-то промасленная ветошь. На подоконнике среди пустых банок из-под энергетиков покоился разобранный карбюратор от старой «девятки». Здесь пахло железом, дешёвым дезодорантом и бензином — привычный, почти родной запах для любого, кто проводил в гаражах больше времени, чем дома.

Илья жил с отцом и младшим братом Максимом, которому недавно стукнуло пятнадцать. Мамы не стало пять лет назад, и с тех пор их сугубо мужское трио выживало как умело. Именно поэтому Илья в свои двадцать четыре пахал везде, где только подворачивалась копейка. В своё время он честно отбарабанил одиннадцать классов школы, сдал экзамены на троечки, а дальше учиться просто не пошёл — не на что было, да и нужды особой не видел. Сначала отец, суровый мужик с вечно чёрными от мазута ногтями, взял его к себе в небольшой частный автосервис на окраине. Илья быстро научился перебирать движки и варить кузова, но денег в сервисе вечно не хватало: клиенты то и дело просили «в долг до получки».

Чтобы хоть как-то держаться на плаву и подкидывать денег на продукты, Илья устроился подрабатывать в такси на арендованной машине. Платили там неплохо. Город был огромным, заказов хватало в любое время суток, а по выходным пьяные, но благодушные завсегдатаи ночных клубов порой оставляли такие чаевые, что на них можно было жить неделю.

Илья лениво перевернулся на бок, засунул руку под подушку и нащупал там два небольших, тяжёлых неодимовых шарика. Он достал их и привычным, доведённым до автоматизма жестом пустил перекатываться по ладони.

Клик. Клик.

Магниты со звоном сцеплялись и разделялись между его длинными, сильными пальцами. Это было его личное успокоительное — привычка, которая помогала разгрузить мозги перед тяжёлой сменой. Он лежал, катал магниты и лениво размышлял: а надо ли вообще сегодня куда-то тащиться? В автосервисе сегодня был выходной, на такси можно было выйти и вечером. Лень окутывала тело, как тяжёлое одеяло.

Но судьба в лице младшего брата решила за него.

Дверь в комнату с грохотом отлетела, и на пороге возник запыхавшийся Максим. На его круглой, усыпанной подростковыми прыщами физиономии блуждала виноватая, но в то же время хитрая улыбка.

— Илюх, слышь... — замялся мелкий, пряча руки за спиной. — Мне это... кроссовки новые надо. Срочно.

Илья даже шарики перестал крутить. Он приподнял одну бровь и уставился на брата как на сумасшедшего.

— Чего? Макс, ты страх потерял? Мы тебе ровно месяц назад купили новые «найки». Настоящие, китайские, на рынке! Я за них три смены в такси отпахал, чтобы ты перед девчонками во дворе выпендривался.

Вместо ответа Максим вздохнул и с трагическим видом вытащил из-за спины правый кроссовок. Зрелище было эпичным. Плотная резиновая подошва полностью оторвалась от тканевого носа и теперь уныло висела на одной честном слове, напоминая пасть голодного крокодила.

— Мы это... в футбол на школьном стадионе играли, — буркнул Максим, шмыгнув носом. — Ну и я по штанге случайно засадил. Насмерть.

Илья секунду смотрел на этот обувной труп, а потом внутри него вскипела праведная братская ярость.

— Ах ты ж вредитель мелкий! — Закричал Илья, резко подскакивая на кровати.

Но стоило ему рвануть вперёд, как ноги запутались в старом одеяле. Илья с глухим матом рухнул обратно на матрас, забавно перебирая руками по воздуху. Эта заминка дала Максиму фору в пару секунд. Подросток, сообразив, что сейчас прилетит расплата, с диким хохотом швырнул растерзанный кроссовок прямо в комнату и бросился наутёк по узкому коридору хрущёвки.

— Максим, твою мать! — Заорал Илья вслед, наконец-то выпутавшись из простыней и выбегая в коридор в одних трусах. — Я тебе, нахрен, скотчем эти кроссовки к ногам намотаю! До тридцати лет в них ходить будешь! Понял?!

Из кухни донёсся залиvistый, наглый хохот брата и хлопок входной двери — мелкий оперативно эвакуировался во двор, пока старший не перешёл от угроз к действиям.

Илья тяжело выдохнул, взъерошил свои и без того растрёпанные тёмно-каштановые волосы и поднял с пола злополучную обувь. Он покачал головой, и на его лице против воли появилась беззвучная, усталая улыбка. С одной стороны — злился, с другой — прекрасно помнил себя в пятнадцать лет, когда обувь на нём буквально горела.

Он побрёл в ванную, шлёпая босыми ногами по старому линолеуму. Включил ледяную воду и плеснул себе в лицо, смывая остатки сна. Судьба сама за себя сказала, что ехать сегодня надо, и как можно скорее. На одних только новые кроссовки для этого футболиста придётся угробить весь сегодняшний день.

Через полчаса Илья, уже одетый в привычные потёртые джинсы и простую тёмную футболку, забирал ключи от арендованной «соляриса» на стоянке. Он привычно закинул в карман магнитные шарики, запустил приложение для приёма заказов и выехал на улицы залитого солнцем города.

Илья закинул детское кресло на заднее сиденье «соляриса», смачно хлопнув дверью. Утренний развоз — это всегда отдельный вид мазохизма. С восьми до одиннадцати город превращался в филиал детской поликлиники: сонные, раздражённые мамочки, хнычущие малыши, вечные крошки от печенья на ковриках и стойкий запах детских влажных салфеток в салоне. Илья рулил спокойно, профессионально уворачиваясь от подрезающих маршруток, и терпеливо выслушивал капризы маленьких пассажиров. Работал он на автомате, пока мысли крутились вокруг утренней катастрофы с обувью брата.

Ближе к полудню наступило затишье — так называемый «добрый час», когда утренний пик уже схлынул, а вечерний ещё не думал начинаться. На сером пластике приборной панели лениво поблёскивал экран телефона, в приложении висел статус «Поиск заказов». Илья почувствовал, как в желудке заурчало. Он припарковал машину у обочины прямо напротив знако-

мой круглосуточной шаурмичной, откуда на всю улицу разносился умопомрачительный запах жареного мяса и специй.

Заказав двойную с курицей и острым соусом, Илья прислонился спиной к тёплому капоту машины, достал из кармана телефон и набрал отца. Тот сегодня тоже подрабатывал на выезде — чинил какому-то знакомому коммерсанту дизельный генератор за городом.

— Да, Илюх, здорово. Чего у тебя? — в трубке раздался глуховатый, прокуренный голос отца, перекрываемый металлическим скрежетом какого-то инструмента.

— Здорово, пап. Да так, в такси катаюсь, сейчас вот на обед встал, — Илья достал из кармана магнитные шарики и привычно запустил их крутиться в ладони. *Клик. Клик.* — Звоню узнать, как ты там? Не перетрудился?

— Да нормально всё, гайки кручу, как обычно. К вечеру освобожусь. У тебя как с кассой?

— Да копейки пока, мамочек по больницам развозил, — Илья усмехнулся, вспоминая утренний погром. — Слышь, пап... Тут это. Оболтусу нашему младшему снова обувь нужна. Срочно.

В трубке на пару секунд воцарилась тишина, прерываемая только звяканьем ключей, а потом отец хрипло, басовито расхохотался.

— Да ты шутишь! Мы ж ему в прошлом месяце только копыта эти новые покупали! Он чё, жрёт их, что ли?

— Хуже, пап. Они в футбол на школьном стадионе играли, и Максик со всей дури по штанге зарядил. Короче, у правого кроссовка подошва оторвалась намертво. Пасть открыл, как крокодил голодный. Я за ним с утра в одних трусах по коридору бегал, обещал скотчем к ногам примотать.

Отец на том конце провода аж закашлялся от смеха. Издеваться над косяками мелкого было в их семье традицией, сродни конфеткам к чаю — всегда весело, шумно и без злобы. Максимка у них вообще был ходячей катастрофой: то в крапиву залетит, то чужой забор на велосипеде протаранит, то телефон в унитаз уронит. Но любили его все до безумия, понимая, что растёт пацан, и без шишек тут никак.

— Слышь, Илюх, — отсмеявшись, протянул отец. — Ты скотч-то оставь, пригодится. Давай лучше на саморезы посадим. У меня в гараже как раз остались, длинные такие, кровельные, с прессшайбой. Прямо через стельку к пятке прикрутим, чтоб надёжно. И клей «Момент» сверху зальём. До свадьбы не снимит, гарантирую!

— На саморезы — это тема, — хохотнул Илья, забирая у продавца горячий, завернутый в лаваш сверток. — Ладно, пап, давай, крути свои гайки. Вечером дома пересечёмся, надо будет этому футболисту хоть какие-то кеды на рынке присмотреть.

— Давай, сын, аккуратнее там. Удачи на дорогах.

Илья отключил вызов, спрятал телефон и за пару минут уничтожил шаурму, даже не заметив её вкуса. Приложение упорно молчало, заказов поблизости не было. Илья сел за руль, завёл мотор и лениво покрутил головой. Подаваться в спальные районы не хотелось — там сейчас глухо. И тут в голову пришла мысль прокатиться поближе к центру, в сторону элитного экономического университета.

Там всегда крутилась сытая, изнеженная публика. Илья не раз замечал, как эти пафосные студенты, сыновья и дочери местных богатеев, брезговали вызывать обычные эконом-машины через телефон. Они вываливались из дверей своего вуза стайками, громко смеялись, шуршали пакетами из дорогих бутиков и упрямо махали своими брендовыми сумками прямо у дороги, надеясь поймать попутку в старом стиле. Стояли у бордюра, задрав носы, словно они снимались в каком-то голливудском кино, а не топтали асфальт обычного российского города.

«Такси, такси... Ловите тачку, идиоты. Словно приложениями пользоваться разучились», — раздражённо подумал Илья, выворачивая руль. Его, парня с рабочей окраины, эта показная роскошь и беспечность всегда немного подбешивали. Но деньги были нужны, а эти

мажоры за короткую поездку до центрального ресторана могли отвалить пару тысяч сверху, даже не считая сдачи. Ради новых кроссовок для Макса можно было и потерпеть их заносчивые физиономии.

Он уже подъезжал к району университета, когда погода решила посмеяться над ним во второй раз за день, словно утреннего крокодила на обуви брата ей было мало.

Буквально за пару минут небо из нежно-голубого превратилось в иссиня-чёрное, глухое месиво. На город обрушился такой яростный, глухой ливень, какого Илья не видел с самого детства. Вода хлынула сплошной, плотной стеной, мгновенно превращая лобовое стекло в ревущий водопад. Старые дворники «соляриса» бешено затрещали на максимальной скорости, но толку от них не было — видимость упала практически до нуля. Дорога перед капотом превратилась в бурлящую серую реку.

Илья крепко вцепился в руль, подавшись всем телом вперёд и почти вплотную прижавшись лицом к стеклу, чтобы хоть что-то разглядеть в этой водяной каше. Машина шла тяжело, колеса то и дело срывались в аквапланирование. Вокруг ослепительно вспыхивали чужие стоп-сигналы и аварийки. Атмосфера стала давящей, зловещей.

— Да что б тебя... Что за хрень?! — выругался Илья вслух, врубая обогрев стёкол на полную мощность. — Ни хрена же не видно!

Он сбросил скорость до минимума, аккуратно двигаясь в правом ряду и пытаясь нащупать глазами разметку. Ехал едва-едва, буквально на ощупь. И в этот самый момент, когда Илья максимально сконцентрировался на дороге впереди, судьба нанесла свой удар.

С левой, соседней полосы, сквозь пелену летящих брызг и серый туман, внезапно вылетела тёмная масса. Какая-то иномарка, потеряв управление на залитом водой асфальте, крутанулась юзом. Илья успел лишь заметить краем глаза ослепительный блеск чужих фар, направленных прямо на него.

— Твою мать! — Сердце Ильи ухнуло куда-то вниз.

Оглушительный, скрежещущий удар смял левое крыло «соляриса». Машину Ильи с дикой силой крутануло на мокрой трассе, как игрушечную. Руль выбило из пальцев с такой мощностью, что Илья едва не сломал кисть. Машину Грача швырнуло боком, вынося прямо на встречную полосу.

глава 3

Секунда до пепла

Время — это иллюзия, которая рассыпается в прах в тот самый момент, когда металл начинает рвать человеческую плоть. На мокром, скользком шоссе, превратившемся из-за июньского ливня в сплошное водяное зеркало, законы физики окончательно отменили человеческие планы.

«Солярис» Ильи, выброшенный мощным боковым тараном на встречную полосу, летел боком, абсолютно неуправляемый и беспомощный. Навстречу ему, разрезая стену дождя тяжёлым капотом, нёсся представительский лимузин Громовых. Вспышка. Два заноса. Две траектории, которые сошлись в одной роковой точке, откуда уже не было возврата.

Оглушительный, чудовищный скрежет разрываемого железа перекрыл даже раскаты грома. Визг тормозов и бесполезный, отчаянный свист заблокированных шин по воде утонули в грохоте столкновения. Сила удара была такой мощности, что многотонный лимузин буквально подмял под себя легковую машину Ильи, превращая её левый бок в грудку сплюсненного, звенящего хлама.

Внутри «соляриса» в эту долю секунды разверзлся настоящий ад. Система безопасности арендованной машины сработала с трагическим опозданием — белые подушки выстрелили уже тогда, когда деформированная водительская дверь сокрушительным прессом вдавилась внутрь салона. Старый, разболтанный защёлкнутый ремень безопасности и вовсе заклинило: он не удержал тело парня, лопнув у основания. Илью тряхнуло с такой страшной силой, словно он вообще не был пристёгнут. Его швырнуло на рулевую колонку, а затем голова с глухим стуком встретилась с боковым стойками кузова. В последнюю долю секунды перед глазами Ильи пронеслась лишь ослепительная вспышка встречных фар и дикий, первобытный ужас, сковавший горло. Он даже не успел закричать. Сознание парня погасло мгновенно, катапультировав его из разбитого, дымящегося салона в глухую, ледяную пустоту. Магнитные шарики вылетели из его кармана и с тихим звоном покатались по залитому кровью и дождевой водой коврику.

Тяжёлый лимузин Громовых пострадал не меньше. Основной удар пришёлся прямо в водительскую сторону. Металл встречной машины и собственный капот смялись в единый жуткий узел, который мгновенно зажал Геннадия. Пожилой водитель скончался на месте, в ту же секунду — деформированная дверь и руль просто вмяли его в кресло, не оставив хрупкому, уставшему с годами сердцу ни единого шанса. Он так и остался сидеть, крепко сжимая разорванное рулевое колесо, навсегда застыв в этой буре.

Софию, сидевшую на просторном заднем сиденье, швырнуло вперед, как тряпичную куклу. В своей привычной беспечности богатой и защищённой девочки она никогда не пристёгивалась в семейном автомобиле, считая массивный кожаный салон неприступной крепостью. Эта ошибка стоила ей слишком дорого. В момент удара её изящное тело сорвало с места и с дикой силой швырнуло по всему замкнутому пространству салона. Сначала она сильно ударилась головой об толстое боковое стекло — по прозрачной поверхности тут же побежала паутина трещин, окрасившаяся каплями алой крови. Затем София по инерции влетела грудной клеткой в жёсткую спинку переднего сиденья.

Машина наконец замерла, уткнувшись в дорожное ограждение. Вокруг шипел разбитый радиатор, капало масло, а за разбитыми окнами продолжал бушевать безразличный июньский ливень.

София пришла в себя через несколько секунд, хотя эти мгновения показались ей вечно-стью. Она лежала на боку, скорчившись на дорогом кожаном кресле, и невидящим, стеклян-

ным взглядом смотрела в серый кожаный потолок автомобиля. Вся её идеальная реальность, утренний смех с Олей, планы на выпускной и изумрудное платье — всё это исчезло, разбившись вместе с лобовым стеклом.

Мир вокруг бешено, тошнотворно кружился, словно она оказалась на безумной карусели. В ушах стоял невыносимый, сверлящий высокочастотный звон, заглушавший все внешние звуки. Но самым страшным была боль. Она пришла не сразу, а нахлынула горячей, разрывающей волной, концентрируясь где-то в груди. Каждый вдох отзывался внутри такой дикой, острой вспышкой, что у Софии темнело в глазах. Она попыталась вдохнуть, но вместо воздуха в лёгкие хлынула обжигающая пустота. Девушка хрипло, судорожно стонала, чувствуя, как начинает задыхаться. Осколки рёбер внутри шевелились при каждом движении, раздирая внутренности.

Сквозь пелену звона до неё стали долетать далёкие, приглушённые крики. Проезжавшие мимо водители тормозили, бежали к разбитым машинам, пытались дёргать заклинившие двери лимузина. София слышала удары по металлу, видела смутные силуэты за стеклом, но не могла даже пошевелить пальцем. Её тело, всегда такое послушное и лёгкое, больше не принадлежало ей. Оно превратилось в тяжёлый, изломанный кокон, охваченный огнём.

А затем сквозь пелену дождя пробился новый звук — завывание приближающихся сирен. Пронзительный, давящий на остатки сознания вой скорой помощи и спасателей.

Дверь лимузина со скрежетом отлетела в сторону, срезанная гидравлическими ножницами. В салон ворвался ледяной, мокрый воздух, смешанный с каплями ливня. Чьи-то чужие, сильные руки в грубых перчатках осторожно, но крепко легли на её изломанное тело. Перед глазами, размываясь и двоясь, замелькали белые халаты и яркие куртки спасателей. Лица врачей были смазанными, нечёткими, словно София смотрела на них сквозь лобовое стекло, заливаемое штормовыми потоками воды.

При каждом, даже самом аккуратном касании медиков тело Софии прошибала такая нечеловеческая, лютая боль, что её стоны превращались в прерывистый, хриплый клёкот. Она почти полностью потеряла способность дышать. Воздуха катастрофически не хватало, губы синели, а изо рта вырывался лишь кровавый шлейф.

Над её лицом склонился врач в маске, его глаза были полны предельной концентрации. До слуха Софии долетали лишь обрывки его криков, обращённых к фельдшеру:

— Быстрее, носилки! Давление падает! Тут множественные переломы рёбер... Похоже, закрытый пневмоторакс, пробито лёгкое! Она уходит, срочно интубацию и в операционную! Наркоз готовьте!

София уже не понимала смысла этих страшных медицинских терминов. Её сознание цеплялось за последнюю ниточку жизни. Она судорожно, как вытасенная на берег рыба, открывала рот, пытаясь поймать хотя бы один крошечный, спасительный глоток воздуха. Ей хотелось закричать, позвать отца, Олю, сказать, как ей страшно... Но лёгкие были залиты кровью.

Вспышка далёкой молнии в последний раз озарила разбитый салон машины и лица врачей. Силы окончательно покинули Грому. Ниточка натянулась и с тихим щелчком лопнула. Острая боль резко отступила, растворяясь в навалившейся сверху густой, бархатной и абсолютно чёрной темноте, которая навсегда поглотила залитое дождём шоссе.

Центральная городская клиническая больница в это грозное июньское надвечерье напоминала прифронтовой госпиталь. Яростный ливень с силой колотил в огромные стеклянные двери приёмного покоя, за которыми в стерильном полумраке коридоров уже назревала буря. Вспышки сирен скорой помощи, прорезавшие водяную стену на въезде в больничные ворота, заставили дежурную бригаду мгновенно прийти в движение.

Два реанимобиля затормозили у пандуса один за другим, тяжело осев на колесах от резкого торможения. Задние двери распахнулись одновременно. Из первой машины спасатели и фельдшеры на полном бегу выкатили каталку с Софией Громовой. Девушка была бледной, как больничная простыня, её некогда идеальная белая блузка была разорвана на груди и покрыта пятнами крови, а изо рта вырывался хриплый, прерывистый свист.

— Принимай! Девушка, двадцать два года, закрытая травма грудной клетки, подозрение на разрыв легкого, внутреннее кровотечение, давление семьдесят на сорок! — Орал на бегу врач скорой, удерживая над её лицом кислородную маску.

Буквально в паре метров позади них, громыхая колесами по кафельному полу, бригада санитаров тащила вторую каталку. На ней, раскинув мощные, испачканные в мазуте и крови руки, лежал Илья. Его волосы слиплись от хлынувшей из рассеченного лба крови, а лицо застыло в неподвижной маске глубокого беспамятства.

— Парень, двадцать четыре года, тяжелая черепно-мозговая, сочетанные травмы, без сознания с момента ДТП! Глубокая кома! — Передавал сводку второй фельдшер, на ходу подкачивая мешок Амбу.

Пострадавших тут же рассредоточили у главного распределительного узла приёмного покоя. Каталку со стонущей Софией под пронзительный крик дежурного хирурга: «*Срочно первую операционную, готовьте торакальный набор!*» увезли в левое крыло, где двери реанимационного блока захлопнулись с глухим стуком. Илью же, чьё дыхание поддерживалось исключительно аппаратно, свернули направо, направляя к лифтам нейрохирургии.

Оба врача скорой помощи, уставшие, насквозь промокшие от ливня и пропахшие железом, тяжело выдохнули и направились к центральной стойке регистрации. За широким пластиковым столом сидела молодая медсестра-регистратор, которая судорожно вбивала данные в компьютер под мигание ламп дневного света.

Врачи синхронно выложили перед ней на стойку пластиковые файлы с документами, которые спасатели успели вытащить из бардачков и карманов разбитых машин до того, как их залило водой.

— Фиксируй, Маш, — хрипло произнес первый доктор, вытирая тыльной стороной ладони капли пота со лба. — Из такси парень, Грачев Илья Николаевич, двадцать четыре года. Из лимузина девушка — Громова София Игоревна, двадцать два года.

Медсестра быстро застучала по клавишам, мельком взглянув на паспорта. Её глаза округлились, когда она увидела громкую фамилию Громовой, известную во всем городе благодаря её отцу-бизнесмену.

— О господи... А что там вообще произошло? — Тихо спросила девушка, не переставая вносить данные в базу. — Такой ливень, они на трассе не разъехались?

Второй врач, который занимался Ильей, опёрся локтями о стойку и покачал головой, вспоминая жуткую картину на шоссе.

— Там чистый закон подлости, Машенька. Какой-то лихач на иномарке в такую погоду летел, словно бессмертный. Его занесло, крутануло, и он левым бортом протаранил этот бедный «солярис» парня. Удар был такой силы, что машину Грачева вышибло с полосы как пулю, прямо на встречу. А там этот представительский лимузин Громовых шёл. Машина тяжелая, но от такого лобового столкновения её просто выбросило с трассы напрямик в бетонные отбойники. Шансов увернуться не было ни у кого. Видимость — метр перед капотом.

— А водитель лимузина? — Спросила Маша, внося адрес прописки Софии.

— Водитель лимузина, пожилой мужчина, погиб на месте, — помрачнел первый врач. — Но самое паршивое, что его даже не металлом убило. Эксперты на месте глянули — там инфаркт. Мужчина в возрасте уже был, Геннадием звали. От этого внезапного испуга, когда на него из темноты и водяной стены вылетела машина, у него сердце просто не выдержало. Разорвалось до того, как металл смялся. Настоящий кошмар.

Медсестра испуганно прикрыла рот ладонью, слушая подробности трагедии. На экране компьютера высветились две свежие карточки пациентов с пометкой «Критическое состояние. Реанимация».

— Маш, ты давай, не тяни, — первый доктор постучал пальцем по пластику стойки, указывая на номера телефонов, найденные в документах. — Свяжись с родственниками. У парня там в контактах отец и какой-то Макс записаны, а у девушки... Ну, Громову-старшему звони напрямую. Пусть едут сюда. Обе операции будут тяжелыми, долгими, и гарантий сейчас никто не даст.

Девушка со сжатым от страха сердцем кивнула, потянулась к стационарному телефону и начала набирать первый номер.

глава 4

Пробуждение в Лимбе

Темнота отступала неохотно, уползая рваными, грязными клочьями. София открыла глаза и тут же зажмурилась от резкого, бездушного люминесцентного света, который безжалостно ударил по зрачкам. Голова отозвалась тупой, пульсирующей болью, словно внутри черепной коробки кто-то методично бил маленьким молоточком.

Она лежала на спине. Спиной София чувствовала леденящую жёсткость узкой металлической кушетки, больше похожей на операционный стол, чем на нормальную кровать. Вместо привычной дорогой шёлковой пижамы или мягкой хлопковой блузки на ней был надет плотный, глухой комбинезон-роба из грубой ткани глубокого тёмно-серого цвета. Комбез сидел на её хрупкой фигуре мешковато, неприятно царапая кожу в районе шеи.

В ушах стоял странный, тонкий звук. На висках и за ушами что-то тянуло — София несмело повела пальцами вверх и нащупала тонкие, гибкие провода. К её голове были подключены круглые плоские датчики. Сначала они издавали мерное, беззвучное пульсирование, но стоило Софии зашевелиться, попытаться приподняться на локтях и испуганно завертеть головой по сторонам, как приборы сошли с ума. Писк стал резким, частым и оглушительным, забивая сознание паникой. Казарменный бокс вокруг казался бесконечным серым склепом из монолитного бетона: ни окон, ни дверей, ни единого намёка на то, какой сейчас день или год.

— Тише, девочка. Не совершай резких движений, Система этого не любит, — раздался прямо над ней холодный, ровный голос, лишённый каких-либо человеческих интонаций.

София вздрогнула. Прямо над её лицом нависла женщина, чей облик заставил сердце девушки пропустить удар. У неё было абсолютно гладкое, словно застывшее лицо без единой морщины, но её густые волосы были ослепительно, неестественно белыми, будто выжженными чистым серебром. Этот контраст молодой кожи и мёртвой седины пугал до чёртиков. Женщина смотрела на Софию пустыми, прозрачными глазами ревизора.

— Добро пожаловать в Лимб, София Игоревна Громова, — женщина даже не моргнула. — Моё имя — Эвелина. Я твой Куратор и проводник в этой Системе. Твоё перемещение прошло успешно, показатели стабилизируются.

С этими словами Эвелина хладнокровно, одним резким движением сорвала датчики с висков Софии. Писк мгновенно прекратился, оставив после себя звенящую, вакуумную тишину. София судорожно вздохнула, хватаясь за горло. Она ничего не помнила после той страшной вспышки фар на залитом ливнем шоссе.

— Где... где я? Где мой папа? Позовите моего отца! — Голос Софии сорвался на испуганный хрип. Она попыталась спустить ноги с кушетки, но колени предательски задрожали.

И в эту секунду прямо над её ухом, в паре метров справа, раздался отчётливый, резкий скрежет металла. Сухой, ритмичный и до безумия раздражающий звук.

Клик. Клик.

София резко повернула голову на звук, едва не заработав спазм в шее.

На краю соседней металлической койки, небрежно закинув ногу на ногу, сидел парень. Высокий, пугающе широкоплечий, с рельефными узловатыми мышцами рук, на которых отчётливо проступали вены. В серой казенной робе Лимба он умудрялся выглядеть так, словно этот бетонный бункер принадлежал ему. У него были хищные, породистые черты лица: тяжёлая мужская челюсть, упрямый подбородок и тёмно-каштановые, жёсткие волосы, небрежно упавшие на лоб. Но больше всего Софию поразили его глаза. Насквозь ледяные, пронзительно-свет-

лые на фоне смуглой кожи, они смотрели на неё с явной ухмылкой и вызовом. В этом парне не было ни капли страха, который сковал её саму.

Он лениво перекатывал между длинных пальцев правой руки два тяжёлых металлических шарика, которые со звоном сцеплялись и разделялись, издавая тот самый противный металлический клик.

— Какого чёрта ты гремишь своими железками? — Морщась от головной боли, со злостью выпалила София. — У меня и так голова раскалывается!

Парень поймал один из шариков на лету, и его пальцы замерли. Он медленно опустил взгляд на её лицо, приподнял бровь и ухмыльнулся ещё шире:

— Ого, новенькая очнулась и сразу качает права. Добро пожаловать в ад, принцесса. Твой папа сюда не дозвонится — здесь сеть не ловит.

— Илья, прекрати паясничать, — сухо оборвала его Эвелина, даже не повернувшись в его сторону. Она сделала шаг назад от кушетки Софии. — Твоя задача — ввести её в курс дела вместе с остальными. Скоро начнётся первый раунд.

Куратор развернулась и бесшумно растворилась в сером полумраке коридора, оставив Софию одну на один с этим наглым незнакомцем. София проводила её растерянным взглядом, а потом снова повернулась к парню. Тот снова запустил свои магниты, лениво наблюдая за ней: *клик-клик*.

Сухой металлический скрежет больно ударил по и без того гудящей голове Софии.

— Ну всё, хорош расслаивать, — Илья резко развернулся на пятках. — Хватит сидеть, пошли. Пора знакомиться с местной фауной.

Он зашагал к выходу, даже не оборачиваясь, уверенный, что она пойдёт следом. Но София не двинулась с места. Она упрямо сжала челюсти, хотя внутри всё дрожало от непонимания.

— Эй! Я вообще-то тебя не знаю! — крикнула она ему в спину, едва поднимаясь с жёсткой металлической поверхности. Колени были как ватные, пришлось крепко придерживаться за кушетку, чтобы не позорно шлёпнуться обратно на металл.

Грач остановился у самого выхода из бокса. Он медленно обернулся через плечо, окинул её насмешливым взглядом и хмыкнул.

— Я Грач, Илья. Ну а ты София Громова, это я уже знаю. Двадцать два года, хрен знает кто. Мне двадцать четыре. Ещё вопросы есть, принцесса?

София аж задохнулась от такой наглости. Она насупилась, сделала глубокий вдох и тихо, передразнивая его уверенный, хриловатый тон, пробубнила под нос:

— *«Мне двадцать четыре, и я хрен знает кто»...* Хам ходячий.

Илья услышал её бормотание. Он лишь усмехнулся, ничуть не обидевшись, и в тишине снова раздался этот раздражающий скрежет магнитных сфер в его ладони. Он подкинул один шарик, поймал его и кивнул головой на коридор: *«Шевелись, Громова»*.

София, аккуратно переставляя ноги и всё ещё чувствуя слабость во всём теле, медленными шагами пошла за ним. Они вышли из стерильной операционной зоны и побрели по бесконечным, гулким каменным коридорам. Стены из серого монолитного бетона давили со всех сторон. Здесь не было ни единого окна, ни одной лампочки, которая указывала бы на выход — только ровный, мертвенный свет, сочащийся прямо из потолка.

— Ладно, Грач, — София ускорила шаг, чтобы идти вровень с ним, хотя её одежда неприятно шуршала при каждом движении. — Объясни нормально, без своих дурацких шуток. Что это за место? И в чём наша задача?

Илья на секунду притормозил, пряча шарики в глубокий карман комбинезона, отчего в коридоре наконец-то воцарилась относительная тишина.

— Это Лимб, — коротко бросил он, глядя прямо перед собой. — Добро пожаловать в пространство без времени и дат. Здесь нет календарей, нет часов, и никто не скажет тебе, утро сейчас или глухая ночь. Наша задача здесь одна — выжить.

Он покосился на её растерянное лицо и продолжил:— Я тут торчу уже два дня. Есть ребята, которые попали сюда ещё раньше. Но Система никого не выпускает, пока не соберётся полная группа. Мы все ждали нужного количества людей для старта испытаний. И угадай что? Ты — последняя, десятая. Самый запоздалый пассажир. Поэтому, новенькая, чем быстрее мы придём в казарму и чем быстрее начнём, тем быстрее начнём возвращаться. Хотя, если честно, хрен знает куда. Наша задача — просто выжить на испытаниях, выполнять правила Системы и всё.

София остановилась как вкопанная посреди серого коридора. В голове кашей закружились мысли, а паника, которую она так усердно подавляла, железной хваткой сжала горло.

— В смысле — выжить на испытаниях?! — её голос сорвался на повышенные тона. — Я ничего не понимаю! Что ещё за испытания? И что вообще мы тут делаем? Как мы сюда попали, кто мы? Почему я... почему я ничего не помню, кроме своего собственного имени и каких-то странных, дурацких чувств?

Илья остановился в паре шагов от неё. Он медленно повернулся, засунул руки в карманы робы и просто равнодушно пожал широкими плечами. В его стальных глазах не было сочувствия — только суровый реализм человека, который уже принял новые правила игры.

— Нам не объясняют, Громова, — тихо, но жёстко отрезал он. — Никто здесь перед тобой распинаться не будет. Всё, что я тебе сейчас сказал — это всё, что тебе стоит знать для начала. Меньше вопросов — целее будешь.

Он развернулся к массивной, покрытой каплями конденсата железной двери, которая преграждала им путь в конце коридора. Илья с глухим скрежетом повернул тяжёлую металлическую ручку, с силой потянул дверь на себя и, слегка перехватив Софию за плечо, аккуратно, но настойчиво подтолкнул её вглубь помещения.

— Заходи. Твой новый дом на неопределённый срок.

София влетела внутрь и замерла, оглядываясь. Они оказались в просторном, холодном боксе, очень напоминающем армейскую казарму. Вдоль голых бетонных стен строгими рядами стояли десять абсолютно одинаковых железных коек с натянутыми серыми матрасами.

И на этих койках уже сидели остальные ребята — те самые восемь человек, которые ждали её появления. Обстановка внутри была наэлектризована до предела. Атмосфера замкнутого пространства и неизвестности давила на каждого, но сейчас, с приходом Софии, все разговоры мгновенно смолкли. Восемь пар глаз уставились на новенькую, и каждый в этот момент занимался своим делом, пытаясь справиться со страхом перед грядущим адским отбором.

София инстинктивно сделала шаг назад, упираясь спиной в холодное железо закрывшейся двери. Взгляды восьмерых незнакомцев скрестились на ней, как прицелы. Воздух в казарме казался настолько густым, спёртым и наэлектризованным от чужого страха, злости и агрессии, что дышать стало невыносимо тяжело. Здесь не было ни одного знакомого лица, ни единой родной души. Только глухие бетонные стены и чужие люди, запертые в одном капкане.

Тишина длилась всего секунду, а затем из глубины бокса, от самого окна, раздался резкий, вкрадчивый голос Руслана. Он сидел на лучшей койке, по-хозяйски закинув ногу на колено. Его ультракороткая армейская стрижка и мрачные татуировки с розами, обвивающими всю левую руку, сразу приковывали к себе взгляд. Руслан обвёл Софию ледяным, оценивающим взглядом черных глаз.

— Ну надо же, сопливые нежности на пороге ада отменяются, — Руслан криво усмехнулся, глядя на её растерянное лицо. — Значит, вот она, наша десятая. Ради этой фарфоровой куколочки Система мариновала нас в этом дерьме целых два дня?

Рядом с ним, на соседней кушетке, вальяжно развалился Марат. Он сидел без робы, демонстрируя мощную, рельефную грудь профессионального бойца, сплошь покрытую татуировками с агрессивным пламенем. На его грубом, но красивом лице отчётливо выделялся тонкий белый шрам, рассекающий правую бровь. Марат демонстративно разминал кулаки, хрустя суставами, и нагло скалился.

— Да ладно тебе, Рус, — хохотнул Марат, дёрнув серебряной серьгой в правом ухе. — Девка породистая, чистенькая. Только в этой серой тряпке выглядит так, будто её сейчас сквозняком сдует. Хрупкая слишком. Сдохнет в первом же раунде, а нам из-за неё подставляться? Нахрен она нам сдалась в команде.

София сжала кулаки, чувствуя, как внутри вопреки липкому страху закипает гордость. Она хотела огрызнуться, но её опередил холодный, змеиный смешок с противоположной стороны бокса.

Там, лениво накручивая на палец прядь объёмных чёрных волос, сидела Камила. Даже в бесформенном комбинезоне она умудрялась выглядеть как роковая топ-модель с обложки журнала. Её серо-зелёные глаза хищно сузились, переводя взгляд с Софии на Илью, который по-прежнему стоял чуть позади новенькой, засунув руки в карманы. Камила смерила Софию презрительной полуулыбкой пухлых губ.

— Ой, мальчики, не спугните девочку. Видите же — домашний ребёнок. У неё на лбу написано, что она привыкла плакаться папочке по любому поводу и бегать жаловаться. Здесь тебе не курорт, милочка. Нам из-за твоей медлительности пеплом становится неохота. Либо паши наравне со всеми, либо сваливай обратно, откуда пришла.

В самом дальнем углу казармы, забившись почти под матрас и обняв колени, сидел бледный, худой восемнадцатилетний Мирон. Он судорожно заламывал тонкие пальцы, прячась за длинной русой челкой, и тихо, прерывисто хныкал:

— Хватит... Пожалуйста, хватит лаяться. Нам же Кураторы сказали, что Система накажет, если мы не пройдем испытание... Я не хочу рассыпаться в эту серую пыль! Я жить хочу, пустите меня домой...

— Заткнись, Мирон, тошно от твоего нытья, — огрызнулась Ксюша, сидевшая на соседней койке. Боевая пацанка с коротким каре и стальными глазами раздражённо сдула челку со лба и закатала рукава робы до самых плеч, демонстрируя подтянутые, тренированные мышцы. — От того, что ты тут сопли размазываешь, Система лояльнее не станет. Надо будет драться — будем драться. А новенькую по ходу дела проверим.

Миша, сидевший чуть поодаль на краю своей кушетки и мешковато кутавшийся в свободную робу, оторвался от созерцания бетонного пола. Мягкие темно-каштановые кудри упали ему на лоб, когда он поднял вдумчивые, спокойные карие глаза на Софию.

— Привет, — негромко сказал он, проигнорировав выпад Руслана и Марата. — Я Миша. Не обращай внимания, у всех просто крышу срывает от неизвестности и страха. Мы действительно ждали тебя. Ты последняя, десятая. Теперь группа в сборе.

Невзрачная, сутулая Света, забившаяся в тень прямо у ног Камилы как преданная собачонка, завистливо зыркнула на Софию своими водянистыми серыми глазами и зашептала Камиле на ухо, лихорадочно грызя ногти до крови:

— Камил, смотри, какая она высокомерная... Выпрямилась вся, выпендривается. Точно из этих, богатеньких сучек. Будет только мешаться под ногами и подставлять нас.

Тем временем Руслан плавно поднялся со своей койки. В его размашистых движениях сквозил опасный, уличный авторитет человека, привыкшего брать своё силой. Он сделал несколько шагов к Софии, сокращая дистанцию и пытаясь морально раздавить её своим тяжёлым, давящим взглядом.

— Короче, слушай сюда, — вкрадчиво, но с явной угрозой произнёс он, останавливаясь в паре шагов от неё. — Раз уж ты притащила сюда свою задницу последней, запомни глав-

ное правило этой казармы: здесь рулю я. И мой кореш Марат. Будешь делать то, что я скажу, поняла? Будешь шуршать по хозяйству, отдавать часть пайки, если потребуется, и не отсвечивать на испытаниях. Нам балласт в команде не нужен. Смекнула, принцесса?

София замерла. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее, спина плотно прижалась к железной двери. Наглый, приказной тон Руслана взбесил её до глубины души, но физическая угроза, исходившая от этого забитого татуировками амбала и его шрамированного друга Марата, заставила её на секунду растеряться.

Илья Грач сделал размашистый шаг и своим плечом полностью закрыл Софи фигурой от Руслана. Он достал из кармана свои неодимовые шарики и лениво, с откровенной издевкой запустил их между пальцев. *Клик-клик*. Стальные глаза Ильи опасно сузились, а на губах появилась жёсткая, хищная ухмылка.

— Слышь, комендант хренов, — Илья смерил Руслана презрительным взглядом. — Ты походу берега попутал, пока тут десятого пассажира ждал. Засунь своё «рулю я» себе глубоко в задницу и проверни три раза, чтоб поглубже засело. Ты здесь такой же кусок мяса в серой робе, как и все остальные.

Марат тут же подорвался со своей кушетки, дико оскалившись и делая шаг к Илье, сжимая огромные кулаки:

— Ты чё вякнул, сука?! Грач, ты на кого батон крошишь? Тебе напомнить, кто вчера дежурство за тебя тащил? За базаром своим следи, придурок. Прямо сейчас здесь ляжешь!

— Попробуй, качок, — Илья даже не шелохнулся. Его шарики на секунду замерли, намертво зажатые в мощном кулаке, на котором отчётливо проступили вены. Голос Грача упал до угрожающего, хриплого баса. — Хватит тут пальцы веером распускать и девчонку пугать. Руслан, твой авторитет закончился там, за чертой. Будешь качать права — я лично начищу твою ухоженную физиономию до блеска, и никакие шипы на твоих татухах тебе не помогут. В этой казарме каждый сам за себя. Мне насрать, что вы обо мне думаете. Но командовать собой я не позволю. И её не трогай. Она — часть десятки. Сами же вчера орали, что Система завалит всех нас к чёртовой матери, если командное испытание прососём.

Руслан остановился. Его глаза вспыхнули бешеной яростью, но он вовремя оценил внушительные габариты Ильи (188 сантиметров чистых мышц и злости) и его абсолютную, ледяную уверенность. Поняв, что Грач реально готов пустить в ход кулаки прямо сейчас, Руслан медленно отступил на шаг назад, криво усмехнувшись:

— Ладно, Грач. Остынь. Посмотрим, как ты заговоришь, когда начнётся первый раунд. Система быстро с таких, как ты, спесь сбивает. Превратишься в пепел — я твои железки себе заберу.

Руслан вернулся на свою кушетку, демонстративно отвернувшись. Марат, продолжая злобно зыркать на Илью и тихо ругаться сквозь зубы, сел рядом с вожаком. Камила проводила Илью долгим, оценивающим и явно заинтригованным взглядом — её зацепила эта дикая мужская сила Грача. Света испуганно сжалась у её ног, перестав грызть ногти.

Илья медленно обернулся к Софии. На его лице снова появилась та самая невыносимая, ленивая ухмылка, которая так взбесила её. Он закинул шарики обратно в глубокий карман робы и кивнул головой на свободную койку в углу, подальше от банды Руслана:

— Ну что, Громова? Добро пожаловать в коллектив. Падай на матрас, пока места не отобрали. И скажи спасибо, что у меня сегодня хорошее настроение.

София шумно, прерывисто выдохнула, чувствуя, как внутри всё ещё бешено колотится сердце от пережитого адреналина. Илья Грач бесил её своей самоуверенностью и манерами, но прямо сейчас этот хам буквально закрыл её собой от реальной физической расправы. Она молча, высоко задрав подбородок, прошла к своей кушетке и села на жёсткий серый матрас, обхватив себя руками за плечи.

София сидела на жестком матрасе, уткнувшись взглядом в собственные колени. Голова гудела, а внутри все сжималось в тугий узел от непонимания. Вся эта ситуация казалась дурным, затянувшимся кошмаром.

Вдруг серый матрас рядом с ней слегка прогнулся. София инстинктивно вздрогнула и отпрянула, но, подняв глаза, увидела перед собой русую девушку, которая до этого сидела в стороне.

Девушка слегка улыбнулась, стараясь быть максимально милой и не пугать новенькую. Она изредка, с опаской поглядывала на противоположный конец казармы, где Руслан и Марат о чем-то тихо шептались, и заговорила почти шепотом:

— Привет. Я Оля. Не бойся, я не кусаюсь. Давай я тебе хоть немного объясню, где здесь что, а то ты выглядишь так, будто тебя сейчас стошнит от этого бункера.

Оля аккуратно повернулась корпусом и указала рукой на глухую стену в глубине бокса, недалеко от массивной входной двери:

— Смотри, вон те две железные двери около выхода — это туалеты. Слева мужской, справа женский. С этим хотя бы проблем нет. А вот дальше... — Оля замялась, её улыбка стала немного виноватой. — Дальше душевые. И они, к сожалению, общие. Там внутри десять кабинок, разделенных полупрозрачными пластиковыми перегородками. За эти два дня мы так и не решили окончательно, как быть с этим вопросом.

София услышала про общий душ и буквально вытаращила глаза от шока и безразличия.

— В смысле — общие?! — переспросила она, едва сдерживая подступившую к горлу панику.

— Ну вот так, Система не особо заботится о приватности, — вздохнула Оля, продолжая контролировать взглядом парней Руслана. — Нас здесь ровно пять девочек и пять мальчиков. Мы вчера с Ксюшей предлагали сделать разделение по часам: например, сейчас время парней, а потом время девочек, в которое мы сможем спокойно посетить душ. Ну или договариваться лично, если уж кому-то очень сильно приспичит. Но Руслан со своими придурками только ржут над этим. Так что пока воюем.

София сильнее сжала себя за плечи. Мозг отказывался принимать эту дикую реальность. Общий душ? Казарменное положение? Наглые уличные парни, диктующие условия? В голове судорожно закрутились вопросы. Может, её похитили? Стерли память ради выкупа? Украли, чтобы шантажировать отца?

От бессилия и страха София опустила голову, полностью прикрывая лицо непослушными кудрями, которые уже вовсю начали пушиться без утренней укладки. Её мелко трясло.

Оля сочувственно посмотрела на неё, затем пошарила в глубоком кармане своего комбинезона, извлекла оттуда простую черную тканевую резинку и протянула Софии на ладони.

— На, держи. Запасная. Не думаю, что на испытаниях тебе будет удобно с распущенными волосами. Кураторы говорили, там придется побегать.

София медленно подняла голову, убирая пряди от лица, и посмотрела на Олю. Только сейчас, вблизи, она смогла разглядеть свою единственную доброжелательницу. Оля выглядела очень опрятно и просто. У неё было круглое, миловидное лицо с мягкими чертами и добрыми карими глазами. Светло-русые густые волосы были завязаны в высокий, аккуратный хвост на самой макушке, и лишь несколько коротких мягких прядок у висков забавно выбивались из резинки. В ней чувствовалась какая-то домашняя, теплая энергия, которой так не хватало этой холодной казарме.

— Спасибо... — тихо проговорила София, принимая резинку. Её голос все еще дрожал. Она попыталась взять себя в руки, сглотнула ком в горле и, повысив голос, спросила чуть громче, обращаясь ко всему боксу: — А кто из вас вообще попал сюда самым первым?

Оля не успела ответить. С противоположного конца казармы поднялся Руслан. Его лицо исказила наглая, хозяйская ухмылка. Он размашистым шагом пересек комнату, бесцеремонно подошел к кушетке Софии и с глухим стуком сел прямо на край её матраса. Оля инстинктивно вжалась в стену, уступая ему место.

Руслан нагло подался вперед, косясь на её плечо и практически вплотную приближая свое лицо к Софии. От него веяло холодом и опасностью.

— Первый — я, принцесса, — вкрадчиво, с тяжелым нажимом произнес он, буравя её своими угольно-черными глазами. — Я очнулся в этом дерьме раньше всех. Поэтому я здесь и главный. И если хочешь дожить до выхода — советую запомнить это с первой секунды.

Из своего угла Илья Грач резко прекратил крутить шарик. Металл звякнул в его кулаке, а глаза впились в затылок Руслана. Ему безумно хотелось поставить этого идиота на место, но он не стал вмешиваться. Какая разница, кто тут что говорит. Его главная задача — выбраться отсюда. И его главное правило — каждый сам за себя. Возможно...

София медленно повернула к Руслану голову и посмотрела на него. Она прищурилась, не разжимая рук и всё ещё крепко обнимая себя за плечи.

— Вы сами сказали, что тут каждый за свою жизнь борется, — её голос прозвучал на удивление ровно и твёрдо, несмотря на внутреннюю дрожь. — Так с чего мне тебя слушать? Мы не команда.

В тишине казармы этот выпад прозвучал как пощёчина. Ксюша и Илья синхронно приснули от смеха. Пацанка одобрительно хмыкнула, оценив зубастость новенькой, а Илья снова запустил дребезжать в пальцах свои магниты. И только сейчас София заметила, что его кровать находится прямо рядом с её кушеткой. Она тут же нахмурилась, уставившись на соседний матрас и понимая, что это непрекращающееся клацанье металла ей придётся слушать очень долго.

— Верно, принцесса, — Руслан ничуть не смутился, его губы растянулись в ехидной ухмылке, и он склонился к ней ещё ниже, сокращая дистанцию до опасного минимума. — Но в казарме я главный. Скажу — и не будешь принимать душ всё оставшееся время. Или... будешь ходить туда вместе со мной. Нам скрывать нечего.

Он протянул руку и бесцеремонно прикоснулся к её тёмной кудрявой пряди, слегка потянув её вверх и поднося к своему носу, словно вдыхал аромат.

София резко дёрнулась, вырывая волосы из его пальцев. Вся её брезгливость и гордость взбунтовались. Она мгновенно поднялась с места и торопливым шагом ушла в самый дальний угол бокса. Прижавшись спиной к бетонной стене и крепко поджав губы, она принялась затравленно рассматривать всех присутствующих, словно загнанный зверёк, у которого отобрали последнюю надежду на безопасность.

Илья лишь хмуро посмотрел на всю эту картину из-под нависших бровей. Его ленивая ухмылка испарилась. Он смерил затылок Руслана тяжёлым взглядом, а затем, шумно выдохнув, увалился спиной на свою кровать и стал безучастно смотреть в серый бетонный потолок, продолжая ритмично сжимать и разжимать кулак с шариками.

глава 5

Обратный отсчёт

Тягучий, липкий день в замкнутом боксе Лимба казался бесконечным. Время, лишённое секундных стрелок и солнечного света, превратилось в давящую серую массу. Напряжение между ребятами росло с каждым часом, вибрируя в воздухе мелкой, раздражающей дрожью. Все сидели по своим углам, боясь лишний раз встретиться взглядами, пока глухой подземный гул за стенами то нарастал, то затихал, напоминая о невидимой ловушке.

Ближе к условной середине дня звенящую тишину казармы разорвал резкий, тяжёлый лязг.

Массивная железная дверь бокса со скрежетом отлетела в сторону, и на пороге возник мужчина, чьё появление мгновенно выбило из ребят остатки сонного оцепенения. Он выглядел пугающе монументально: высокий, неестественно широкоплечий, с рельефной, литой мускулатурой, которая угадывалась даже под плотной тканью тёмно-серого комбинезона. На нём была точно такая же казенная роба, как и на всей десятке, но дополненная элементами боевой экипировки. На бёдрах поблёскивали кобура с массивным пистолетом и тактический нож, на голову была натянута низкая чёрная кепка, а нижнюю часть лица наглухо закрывала плотная тёмная маска, оставляя открытыми только холодные, немигающие глаза профессионального убийцы.

Он вошёл внутрь, резким движением захлопнул за собой дверь и глухо, через ткань маски, скомандовал:

— В ряд вдоль кроватей! Живо!

Десятка подорвалась со своих мест, громыхая дужками кроватей. Паника заставила людей суетиться. Руслан и Марат быстро протиснулись в начало строя, поближе к окну. За ними встали Ксюша, Камила, Миша, Оля, закомплексованная Света и трясущийся Мирон. София, всё ещё чувствуя слабость, оказалась в самом конце ряда, а прямо рядом с ней, плечом к плечу, встал Илья Грач, по обыкновению возвышаясь над всеми и убирая руки в карманы.

Мужчина медленно зашагал вдоль шеренги, чеканя шаги тяжёлыми армейскими ботинками по бетонному полу. Он остановился по центру, заложив руки за спину.

— Моё имя — Герман, — отчеканил он, и его низкий голос эхом разнёсся по боксу. — Я ваш старший инструктор на тренировочном этапе. Завтра для вас начнутся первые испытания Системы. Время пустых разговоров и делёжки коек закончено. Советую вам приготовиться духом, если он у вас вообще есть. Здесь каждый должен показать, кто он есть на самом деле, чтобы заслужить своё грёбаное право выбраться отсюда и снова дышать. Запомните раз и навсегда: никто здесь вам в пупок дуть не будет и сопливые слёзки вытирать не станет. Награда за победу — жизнь. Ошибка — смерть. Упал, отстал, струсил — пепел. Вопросы есть? Вопросов нет.

Герман снова пришёл в движение, неторопливо двигаясь вдоль ряда и хладнокровно разглядывая ребят, словно оценивал товар перед убоим. Каждый реагировал на этот осмотр по-своему.

Руслан стоял, нагло скрестив руки на груди, и лениво крутил в зубах деревянную зубочистку, пытаясь показать, что его не пугают ни пушки, ни маски. Камила, строившая из себя главную страсть этой казармы, демонстративно и скучающе разглядывала свои идеальные ногти. Остальные слушали затаив дыхание. Илья Грач то и дело незаметно катал в кулаке свои неодимовые шарики, издавая едва слышный клик, а София просто неотрывно смотрела в пол, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания.

Но избежать этого не удалось.

Тяжёлые ботинки Германа замерли прямо напротив неё. София почувствовала, как её обдало холодом. Мужчина наклонился чуть вперёд и согнутым указательным пальцем жёстко, но аккуратно поддел её подбородок, заставляя поднять голову.

София тут же судорожно вздрогнула, вся её фигура напряглась как струна, но она пере-силила страх и упрямо посмотрела прямо в его пустые, ледяные глаза. Герман разглядывал её бледное фарфоровое лицо, растрёпанные кудри и тонкие ключицы в течение нескольких долгих, мучительных секунд. А затем медленно убрал руку и хмуро бросил через маску:

— Плохо. Очень плохо.

Он развернулся, намереваясь пойти обратно к выходу. Что именно могло значить это короткое и зловещее «плохо», никто из ребят толком не понял, но в тишине строя Марат не удержался от наглой уличной усмешки. Желая подлизаться к инструктору и одновременно уколоть Софию, он громко хохотнул:

— Что, дядя, не понравилась наша новенькая? Хрупковата для Системы? Так у нас тут вот Камила есть! Смотрите, какая сочная мадам, настоящий эксклюзив! Хоть на испытания, хоть куда...

Камила, стоявшая через два человека от него, мгновенно вспыхнула от такой вульгарности. Она с размаху треснула Марата ладонью по мощному плечу и сквозь зубы яростно прошипела:

— Да заткнись ты, придурок!

Герман даже не обернулся на их перепалку. Он дошёл до железной двери, взялся за ручку и, прежде чем выйти, бросил через плечо последнее предупреждение:

— Завтра на рассвете стены откроются. Выспитесь, мясо.

Дверь захлопнулась с оглушительным, затихающим эхом. Шеренга мгновенно распалась. София обессиленно опустилась на свою кушетку, чувствуя, как слова Германа тяжёлым камнем легли на душу. Илья Грач встал рядом, снова запуская свои магниты — *клик-клик* — и хмуро всматриваясь в закрытую дверь.

Ближе к тому моменту, когда ребята в казарме уже собирались ложиться спать, гнетущее ожидание снова было разорвано. Металлическая дверь бокса со знакомым лязгом отлетела в сторону. Внутри вошёл Герман, всё такой же собранный и пугающий своей монументальностью. Но в этот раз он был не один. Сзади него шла девушка в стерильно-белом медицинском халате, застёгнутом на все пуговицы до самого горла. У неё было бледное, лишённое эмоций лицо, гладко зачёсанные в тугой пучок светлые волосы и холодные, цепкие глаза. В руках она держала электронный планшет, который тускло подсвечивал её острые скулы.

Процедура началась без лишних объяснений. Герман и медичка забирали из казармы строго по одному человеку. Инструктор просто называл фамилию, дверь закрывалась, а в боксе воцарялась мёртвая, удушающая тишина. Самое жуткое началось, когда ушедшие стали возвращаться обратно. Те, кто заходил в коридор испуганным или обозлённым, возвращались совершенно другими. Они ни словом, ни жестом не выдавали того, что с ними происходило за дверью. Просто молча ложились на свои кушетки, отворачивались к стене или пустым взглядом смотрели в бетонный потолок, словно из них за пару минут выкачали всю душу.

Даже Руслан после своего возвращения полностью растерял весь свой уличный боевой запал. Он вошёл в казарму непривычно притихшим, с охапкой каких-то вещей в руках. Хмуро дойдя до своей койки, он с глухим стуком бросил всё это добро в железную тумбочку у кровати, а затем тяжело рухнул на матрас.

— Блядские отродья, — глухо и злобно проговорил он сквозь зубы, укладываясь спать и закидывая руку за голову. От его бывлой спеси не осталось и следа.

София сжалась на своей кушетке, с ужасом ожидая, когда назовут её имя. Оля, Ксюша, Марат, Миша — все уже прошли через это. Очередь дошла до самого конца ряда.

— Грачев. Громова. На выход, — раздался от двери сухой голос Германа.

София инстинктивно замерла, но Илья, поднявшись со своего матраса, бросил на неё быстрый взгляд, убрал магниты в карман и коротко бросил: *«Пошли, новенькая. Два раза приглашать не будут»*. Их забрали вместе, выведя в длинный, пахнувший антисептиками коридор, и привели в просторное техническое помещение, напоминающее склад армейского обмундирования. Повсюду стояли стеллажи, забитые коробками и одинаковой серой одеждой.

Здесь их ждал пункт раздачи индивидуальных вещей. Белый халат медички замелькал перед глазами. Женщина методично, без тени жалости начала комплектовать вещи под параметры Софии. На железный стол перед девушкой с глухим стуком легли две коробки и плотные свертки. Ей выдали два запасных тёмно-серых комбинезона-робы, две пары тяжёлых тактических ботинок на шнуровке, две плотные чёрные кепки для испытаний. Следом полетели мыльные принадлежности в прозрачном пластиковом зип-пакете, зубная щётка, расчёска и базовое гигиеническое нижнее бельё. Оно было у всех одинаковым, стандартного образца Системы: простой чёрный спортивный топ без косточек и плотные трусики-слипы из грубого хлопка. Сверху легли несколько пар плотных серых носков.

Илье, стоявшему чуть поодаль, медичка швырнула точно такой же комплект, только вместо женского белья на стол упали простые чёрные мужские боксёры.

София молча и растерянно перебирала выданные вещи, чувствуя себя абсолютно бесправным номером в чужой инвентаризационной ведомости. Но настоящий кошмар для её стеснительности начался в следующую секунду. Девушка в белом халате, даже не глядя на Софию, монотонно и громко начала читать обязательный инструктаж по технике безопасности и гигиене:

— Слушай сюда, Громова. Инструкция по женской гигиене в условиях полигона. При наступлении циклов женских дней средства личной гигиены запрашивать у дежурного Куратора бокса. Утилизация использованных материалов строго в санитарном боксе...

София мгновенно вспыхнула до корней волос. Щёки обожгло диким, невыносимым стыдом. Стоять посреди холодного склада и слушать, как чужая женщина при постороннем парне вслух обсуждает особенности её организма, было выше её сил. Она опустила голову, мечтая провалиться сквозь землю.

Илья, стоявший рядом, от такого откровенного физиологического инструктажа заметно напрягся. Его брови сошлись на переносице, лицо помрачнело, а в пальцах опасно звякнул зажатый кулак.

— Вы чё, идиоты совсем? — Хмуро процедил Грач, делая шаг вперёд и заставляя медичку оторвать взгляд от планшета. — Я что, эту хренотень стоять и слушать тут должен? У вас вообще рамок нет никаких?

Герман, стоявший у стены, медленно повернул голову к Илье. Его немигающие глаза над маской сузились, а голос прозвучал леденяще спокойно:

— У тебя какие-то сложности с женскими месячными, Грачев? Ты что, только недавно из мамочки вылез, раз тебя пугают биологические процессы?

София вся сжалась, чувствуя, как от позора и подступивших слёз у неё начинает кружиться голова. Руки, удерживающие стопку комбезов, мелко задрожали. Илья, заметив её состояние, разозлился ещё сильнее. Он набычился, выпрямляясь во весь свой огромный рост и буквально нависая над Германом.

— Я давно вылез из своей мамочки, отозвался он, и в его голосе загрохотали опасные, пацанские нотки. — Но это, нахрен, её личное дело, придурок! Ты на неё посмотри, она сейчас

в обморок тут рухнет оттого, что вы в её матке капошитесь при всех! Кончай этот цирк, дай ей шмотки и завали пасть.

Герман пару секунд молча переводил взгляд с тяжело дышащего, разозлённого Ильи на побледневшую Софию, которая уже готова была разрыдаться от унижения. Инструктор лишь едва заметно повёл плечом.

— Здесь все одинаковы, Грачев, — ровно отчеканил Герман через маску. — Системе плевать на твой стыд. Просто у кого-то в этой казарме есть яйца, а у кого-то нет. Но раз уж ты так печёшься о своей новенькой, то дослушай до конца. Это касается выживаемости всей десятки.

Он повернулся обратно к Софии, и медичка продолжила свой сухой, бесстрастный инструктаж, словно её только что не обложили матом:

— При наступлении этих дней девушкам в Лимбе дают официальные поблажки. Первые три дня цикла вы имеете право на дополнительное время отдыха в боксе и освобождение от тяжёлых физических нагрузок на тренировках. На четвёртый день — всё, лафа закончилась, встаёшь в строй на общих основаниях. За невыполнение нормативов после этого срока — отбор и пепел. Свободны.

Герман развернулся на пятках и, не дожидаясь ответа, зашагал прочь из склада. Повелев забрать коробки, он повёл Софию и Илью дальше по бесконечному бетонному лабиринту коридоров.

София шла чуть позади, едва удерживая тяжелые картонные коробки. Руки сводило от напряжения. Она стыдливо опускала взгляд на выданные вещи, тщетно пытаясь свободной рукой хотя бы спрятать эти несчастные гигиенические прокладки куда-нибудь вглубь, под плотную ткань запасных роб, чтобы они не мозолили глаза. Но из-за тяжести груза коробка кренилась, вещи выскальзывали, а предательские упаковки упорно оставались на самом виду. Капли холодного пота выступили у неё на лбу от глупого, бессильного отчаяния.

Илья, шагавший рядом, краем глаза заметил её судорожные и совершенно безуспешные попытки. Он внезапно остановился, раздраженно рыкнул под нос и с глухим стуком бросил свои вещи прямо на грязный бетонный пол.

— Дай сюда, — процедил Грач.

Прежде чем София успела хоть что-то возразить, он бесцеремонно перехватил её коробку одной рукой, а второй — быстро, тупо и аккуратно запихал все эти несчастные средства гигиены поглубже, под самый низ упаковок с нательным бельем. Закончив, он сунул коробку обратно в её замершие руки, молча подхватил свои вещи с пола и размашистым шагом направился вперёд, легко обгоняя девушку.

— Шевелись быстрее, — бросил он сквозь зубы, даже не обернувшись.

София лишь обиженно поджала губы, глядя на его широкую спину. Её раздрало противоречие: с одной стороны, этот парень вёл себя как последний грубиян, с другой — избавил её от очередного приступа жгучего позора. Она покрепче перехватила спрятанный груз и поспешила за мужчинами.

Коридор внезапно закончился, и Герман вывел их в странное, пугающее помещение. Это был огромный, абсолютно прозрачный бокс, стены, пол и потолок которого были сделаны из толстого, многослойного бронированного стекла. А впереди, за этой прозрачной гранью, простиралась зловещая, абсолютная пустота.

София завертела головой, но, кроме ближнего света самого стеклянного куба, в котором они сейчас стояли, вокруг больше ничего не было видно. Бездонная, непроглядная мгла обволакивала их коробку со всех сторон, словно они зависли посреди космического вакуума или на дне океана. От этого зрелища кружилась голова.

Герман остановился в самом центре, повернувшись к застывшим ребятам. Его силуэт в тактической экипировке выглядел зловеще на фоне этой пустоты.

— Смотрите внимательно, мясо, — глухо раздался его голос из-под маски. — Это тренировочная обзорная зона. Вы должны понимать, куда попадёте завтра. В определенных испытаниях вас ждёт разная хренотень: ловушки, лабиринты, завалы. Но самое опасное — это кое-что поинтереснее обычного бетона. Живые аномалии Лимба. Их нельзя убрать из Системы или отменить по щелчку пальцев. Эта дрянь сама по себе здесь живёт, глубоко во тьме. И когда хочет — появляется на арене, а когда не хочет...

Договорить инструктор не успел.

В эту самую секунду из абсолютной тьмы, прямо перед лицом Софии, в стеклянную стену с оглушительным, мокрым хлёстом врезалось какое-то жуткое существо. София судорожно вздрогнула и от ужаса даже звука не смогла издать — крик просто застрял в её перехваченном горле. Она замерла со своими коробками в руках, вытаращив глаза и глядя на мерзкое, склизкое пятно, расплзающееся по стеклу.

Тварь за стеной была огромной, с неестественно длинными, суставчатыми руками и ногами, которые скребли по бронестеклу острыми когтями. У неё вообще не было глаз — на их месте зияла гладкая, серая кожа, но чуть ниже располагался огромный, уродливый рот, усаженный несколькими рядами острых, как иглы, зубов. Существо было покрыто отвратительной, светящейся в темноте слизью. Оно яростно билось о прозрачную перегородку, пытаясь достать живую плоть, находившуюся всего в нескольких сантиметрах от него.

Софию всю крупно, неудержимо затрясло. В глазах мгновенно потемнело, дыхание стало частым, прерывистым и паническим. Она начала быстро отходить назад, едва не роняя коробки.

Да и сам Илья, несмотря на всю свою хваленую выдержку, порядком охренел от такого зрелища. Его глаза расширились, на лбу прорезалась глубокая складка, а челюсть упрямо выдвинулась вперед. Он инстинктивно сделал шаг в сторону Софии, загораживая её от стекла, и хмуро посмотрел на Германа.

— Вы что, издеваетесь? — Процедил Грач сквозь зубы, и его голос опасно завибрировал от нахлынувшей злости. — Вы нас скормить этим тварям хотите? Какого хрена здесь происходит?

Герман даже бровью не повёл на беснующееся за стеклом чудовище. Он проводил тварь холодным взглядом, пока та со скрежетом не уползла обратно в темноту, оставив на бронестеле мутный, вонючий след от слизи.

— На время, когда испытания будут проходить в определенных зонах, Система будет выдавать вам оружие, — ледяным тоном ответил инструктор, поправляя кобуру на бедре. — А вот умеете вы им пользоваться или нет — мне абсолютно все равно. Нам плевать, кто вы были в реальности: неженки или хлюпики. Хотите жить — научитесь стрелять и бить первыми. И запомните железное правило: против других участников десятки оружие применять категорически нельзя. Направил ствол на своего, нажал на курок — Система мгновенно активирует протокол уничтожения, и ты сразу превратишься в пепел. Без суда и следствия.

Герман развернулся к выходу из стеклянного бокса. — А теперь — марш в казарму. Жрать и спать. Завтра эта дрянь будет ждать вас на полигоне.

Когда железная дверь казармы с глухим лязгом закрылась за их спинами, София почувствовала, как её ноги окончательно перестали слушаться команды мозга. Коробка в руках казалась неподъёмной, налитой свинцом.

В общем боксе царил тяжёлый, душливый полумрак. Часть ребят уже спали, точнее — делали вид, судорожно завернувшись в серые казённые одеяла. Мирон тихо, прерывисто всхлипывал во сне, забившись к самой стене. А часть десятки так и продолжали неподвижно лежать на своих кушетках, уставившись пустыми, остекленевшими взглядами в бетонный потолок. Миша даже не повернул головы, когда они вошли, лишь его пальцы сильнее сжали край мат-

раса. Атмосфера была пропитана животным, парализующим страхом перед наступающим светом.

Стоило Софии сделать шаг внутрь, как Руслан, лежавший на своей койке, резко вздёрнул голову. Его чёрные угольные глаза хищно блеснули в полумраке, а на губах заиграла ехидная ухмылка уличного жоака, который явно знал больше, чем они.

— Ну что, притихли? — вкрадчиво, с издёвкой протянул он, переводя взгляд с бледного лица Софии на помрачневшего Илью. — Как вам наша новая домашняя зверушка в стеклянном боксе? Оценили масштабы дерьма, в которое нас закинуло?

Ни София, ни Илья ему не ответили. В боксе раздавалось только их тяжёлое дыхание и шуршание одежды. Они молча, словно сговорившись, дошли до своих коек, со скрежетом открыли железные дверцы тумбочек и торопливо засунули туда выданные коробки с вещами.

София обессиленно рухнула на жёсткий матрас и сразу же отвернулась к холодной бетонной стене, подтянув колени к груди. Ей хотелось уменьшиться, исчезнуть, стать невидимой для этого жуткого мира. А вот Илья Грач лодиться не спешил. Он остался сидеть на краю своей кушетки, опустив спину и уперев локти в колени. Его ладонь привычно нырнула в карман робы, и в тишине казармы снова зазвучал этот ритмичный, сухой и дребезжащий звук.

Клик. Клик.

Только в этот раз магниты щелкали быстрее, выдавая его внутреннее бешенство.

— Нас как скот на убой собираются выводить, — хмуро, не оборачиваясь к Руслану, заговорил Илья. Его низкий, хриплый голос вибрировал от подавляемой ярости. — И это ни хрена не круто. Система сделала из нас мясо в загоне, а этот масочник Герман ещё и стволы обещает выдать. Устроят нам завтра сафари, блядь, где мы будем вместо мишеней.

Руслан на своей койке тихо, хрипло усмехнулся и закинул руки за голову, демонстрируя свои забитые шипами и розами мускулы. В его голосе сквозило абсолютное, жестокое безразличие к чужим жизням.

— А ты чё хотел, Грач? Чтобы тебе здесь ковровую дорожку расстелили? — Руслан лениво повернулся на бок, ехидно глядя на спину Ильи. — Это отбор, чувак. И у таких, как мы с Маратом, или даже у тебя, есть реальные шансы пристрелить одну эту слепую тварь и пройти дальше. Руки помнят, как силу применять. А вот у девчонок наших — навряд ли. Физику не обманешь. Так что кормом для этих склизких ублюдков завтра послужат именно они. И скорее всего, первая из них на пепел пойдёт либо Светка... — Руслан кивнул в сторону сутулой Светика, которая при этих словах судорожно сжалась и заскулила, — ...либо Громова. Они обе как черепахи плаксивые. Чуть шумок — сразу в панцирь и сопли на кулак наматывать. Твари их сожрут и не поморщатся.

София слышал каждое его слово. Каждое хлёткое, унижительное слово Руслана вонзалось в неё как иголка. Она ничего не ответила, упрямо молча, но её пальцы с дикой, побелевшей силой сжали собственные кулаки под одеялом. Зубы заскрипели от бессильной ярости и обиды. Гордость требовала обернуться и выплюнуть этому бандиту всё, что она о нём думает, но дикий, сковывающий тело страх просто привязал её к матрасу.

Стоило ей закрыть глаза, как перед лицом, в паре сантиметров от неё, снова возникала эта кошмарная склизкая тварь без глаз, скребущая когтями по стеклу и разевающая пасть с игольчатыми зубами. Софию крупно трясло под серым одеялом. Она понимала, что эта ночь — последняя спокойная ночь в её жизни, и завтра ей придётся встать в один строй с монстрами, чтобы доказать своё право дышать.

глава 6

Полигон

Пробуждение оказалось не просто резким — оно было сокрушительным.

В глаза ударил агрессивный, пульсирующий багровый свет. Одновременно с этим бетонные стены казармы содрогнулись от оглушительного, до безумия противного воя сирены. Этот давящий, механический рёв буквально ввинчивался в барабанные перепонки, выбивая из головы остатки сна.

Вся десятка подскочила на своих кушетках как по команде. Мирон испуганно вскрикнул, едва не свалившись на пол и судорожно путаясь в сером одеяле. Света сжалась в комок, прижав ладони к ушам. Жуткий вой сирены проработал так не меньше двух минут, заставляя людей задыхаться от нарастающей паники в багровом полумраке, а затем так же резко затих. Под потолком с сухим щелчком загорелся обычный, холодный белый свет.

В динамиках, спрятанных под потолочными плинтусами, тут же раздался хриплый, леденящий душу голос Германа:

— Всем встать. Время вышло. Пять минут на сборы, форма одежды — боевая. Живое, мясо, Система ждать не любит.

Ребята тут же повскакивали со своих матрасов. Бокс наводнился хаотичным шумом: скрипели железные ножки коек, хлопали дверцы тумбочек, шуршала грубая ткань комбинезонов. Миша всё ещё сидел на краю своей кушетки, зарывшись пальцами в темно-каштановые кудри, и отчаянно пытался проснуться, невидящим взглядом уставившись на свои тактические ботинки. Ксюша уже уверенно затягивала шнуровку, хмуро поглядывая на затихшие динамики.

Девчонки заметно напряглись, судорожно поправляя растрёпанные после тяжёлой ночи волосы. Камила, стоявшая у своей тумбочки, картинно схватила за голову и громко, недовольно застонала на всю казарму:

— О господи, этот рёв просто невыносим! Я слишком красива, чтобы умирать в этом сером подвале, ясно? И вообще, у меня на эту неделю были совершенно другие планы! У меня запись на маникюр в четверг, а меня заставляют бегать от каких-то слепых тварей в этом убогом комбесе!

Оля и Света тут же стали испуганно шушукаться между собой, делясь остатками ночных кошмаров. Но София в их обсуждения вступать не стала. Внутри неё, вопреки колотящему сердцу, включился режим автономности. Она молча достала из тумбочки свои мыльные принадлежности, зубную щётку и выданную пластиковую расчёску, после чего решительным шагом направилась в сторону душевой зоны, где располагались длинные ряды раковин и старые, покрытые разводами зеркала.

Ей хотелось просто смыть с лица липкий ночной страх. Но уединения в Лимбе не существовало.

Пока София, пристроившись у одной из раковин, умывалась ледяной водой и чистила зубы, к соседнему крану с грохотом подошёл Марат. С другой стороны, у соседней раковины, молча встал Илья.

Марат, абсолютно лишённый хоть какого-то воспитания или чувства такта, повёл себя как в дешёвой привокзальной пивнушке. Он упёрся руками в края раковины, выставив напоказ свои забитые татуировками плечи, и начал громко, хрипеть, зыркать по сторонам, отвратительно хрюкать и шумно высмаркиваться прямо в слив, не обращая внимания на стоящих рядом девушек.

София от этого зрелища и звуков лишь брезгливо сморщила свой аккуратный нос, инстинктивно отодвигаясь от амбала подальше. Марат, заметив её реакцию в отражении зеркала, дико, нагло заржал на всю душевую:

— Чё, неженка, не нравится? — он вытер рот тыльной стороной ладони, нагло скалясь и подмигивая ей. — Привыкай, принцесса! Я под тебя и твои королевские замашки подстраиваться вообще не собираюсь. У меня от этого местного воздуха хренова вся глотка и нос за ночь нахрен засохли, дышать нечем! Так что терпи.

София упрямо промолчала, не желая тратить силы на этого придурка. Она быстро причесалась, умиряя растрёпанные за ночь пряди, и ловко заплела выданную Олей резинку в хвост пониже — так, чтобы упрямые, непослушные кудри аккуратно лежали на спине и не лезли в глаза во время грядущего бега. Закончив, она лишь мимолётно посмотрела на Илью и быстрыми шагами ушла обратно в казарму.

А вот Грач уходить не спешил. Он медленно выключил воду, взял своё казенное полотенце и, повернув голову к Марату, криво, с глубоким отвращением скривил лицо.

— Ты реально как свинья, чувак, — хмуро и брезгливо бросил Илья, и в его низком голосе прорезались опасные, жёсткие нотки. — Странно, что тебя ещё вчера прямо на складе тем склизким тварям не бросили. Они бы в тебе своего признали.

С этими словами Илья швырнул полотенце на плечо и развернулся, намереваясь уйти.

Марат от такой наглости аж поперхнулся своей сухостью в горле. Его лицо со шрамом мгновенно налилось багровой злостью, он дёрнулся вперёд и закричал Илье вслед, брызжа слюной:

— Ты чё вякнул, Грач?! Слышь, ты, умник хренов! За базаром следи! Тебя на полигоне сожрут первым, понял?! Первым сдохнешь, а я на твой пепел посмотрю!

Илья даже не обернулся на его крики. Он лишь тихо, презрительно усмехнулся себе под нос, сделал упрямый шаг из душевой и скрылся в коридоре казармы, продолжая на ходу незаметно перебирать в кармане свои неизменные магниты.

Когда тяжелая дверь казармы со скрежетом отъехала в сторону, вся десятка — уже полностью одетая в глухие серые комбинезоны, зашнурованные тактические ботинки и плотные черные кепки — гуськом вышла в стартовую зону. Атмосфера была давящей, удушающей. Напряжение вибрировало в воздухе так сильно, что казалось, протяни руку — и пальцы обожжет током.

Они оказались в длинном, бесконечном бетонном коридоре, у которого, казалось, вообще не было логического завершения. Впереди, вместо стен или дверей, клубился густой, неестественно холодный и влажный туман. Он медленно наползал на ботинки ребят, пах ледником, сыростью и чем-то неуловимо мертвым. Видимость в этой белой каше составляла от силы пару метров.

Герман стоял чуть поодаль, опершись плечом о каменный выступ. Все в той же маске, кепке и с оружием на бедре, он выглядел как бездушный страж подземного царства. Стоило десятке выстроиться в неровную шеренгу, как инструктор медленно оттолкнулся от стены.

— Доброе утро, мясо, — глухо, с явной издевкой прозвучал его голос через ткань маски.

Герман неторопливо зашагал вдоль ряда, чеканя шаги по мокрому бетону. Он заглядывал каждому прямо в лицо, заставляя парней и девчонок инстинктивно задерживать дыхание. У всех без исключения в глазах плескался первобытный, животный страх. Мирон мелко дрожал, вжав голову в плечи. Миша упрямо кусал губы, а Руслан с Маратом изо всех сил пытались казаться смелыми, нагло выпячивая грудь, хотя их побелевшие костяшки кулаков выдавали

панику с головой. София стояла замерев, стараясь дышать через раз, чтобы не выдать своего ужаса.

Камила, стоявшая чуть поодаль, лихорадочно крутила головой то на Руслана, то на Илью. В её серо-зеленых глазах метался сухой математический расчет — она словно выбирала, под чьё именно сильное мужское крыло ей лучше прокрасться в этот раз, чтобы гарантированно спасти свою шкуру.

Илья Грач на осмотр инструктора даже не отреагировал. Он стоял набычившись, низко надвинув козырек черной кепки, и в кармане его робы в последний раз коротко и злобно звякнули зажатые магниты.

— Ну что, готовы заслужить свой паек? — Герман остановился в центре, и в этот момент его речь оборвалась.

Прямо над их головами с оглушительным, металлическим щелчком врубилась мощная строительная прожекторная. Их резкий, слепящий свет пробил туман, и перед онемевшей десяткой распластался огромный, пугающий лабиринт. Это были колоссальные, уходящие высоко вверх туннели, полностью сплетенные из плотного, живого и уродливого вьющегося сорняка с толстыми узловатыми корнями и пожухлой темной листвой. Растения оплетали высокие каменные колонны, образуя глухие коридоры. Под ногами вместо бетона теперь была чавкающая, грязная жижа, а в некоторых местах туннелей тускло поблескивала глубокая стоячая вода. От лабиринта веяло могильным холодом.

— Ну? И чего встали, придурки? — хмуро бросил Герман, скрестив руки.

Руслан, быстро сориентировавшись, сделал шаг вперед и, косясь на пустую кобуру на своем бедре, резко спросил:

— Слышь, командир. А как же пушка? Ты же вчера обещал, что стволы выдадут! Нам туда с голыми руками соваться, что ли?

Герман тихо, издевательски усмехнулся под маской. Его глаза сузились.

— Вам она здесь не пригодится, Громов. На этом этапе оружие — слишком легкий выход. Ваша задача простая: дойти до противоположного конца лабиринта и найти выход. И помните: туннели закрываются. Тот, кто потеряется или отстанет, останется там на всю ночь. Один. Во тьме. И только на следующем цикле вас, возможно, заберут. Если от вас, конечно, хоть что-то останется после встречи с местными обитателями.

Из динамика над входом внезапно раздался противный, прохрипевший звук электронного старта — Система запустила обратный отсчет.

— А как же завтрак? — жалобно и капризно выкрикнула Камила, делая шаг назад от наполняющего из лабиринта холода. — Нас голодными туда погонят?

Герман снова ехидно усмехнулся, его взгляд скользнул по девочкам.

— Сначала зарядка, принцесса. Потом еда. Кто выживет — тот и поест.

Инструктор резко, с оглушительным хлопком ударил в ладоши. Этот звук прозвучал как выстрел. От неожиданности и паники ребята, не помня себя, ломанулись вперед, с размаху влетая в гулкую, сырую глубь растительного лабиринта. Причем Система все просчитала заранее: стоило им сделать первые шаги, как плотный туман и переплетенные корни развели их в стороны. У каждого участника оказался свой собственный, узкий и пугающий вход во тьму.

Внутри лабиринта реальность сузилась до размеров удушающего растительного коридора. Воздух здесь был тяжёлым, застоявшимся. Он насквозь пропитался густым, удушливым запахом прелых листьев, сырой земли и гнили. Станный, сладковато-разлагающийся дух исходил и от самих корней — казалось, они прогнили ещё много веков назад, но на вид оставались пугающе крепкими, вздутыми и бугристыми. Повсюду со сводов свисали длинные плети лиан, похожие на змей, затаившихся в ожидании жертвы. Под ногами хлопала грязная жижа: где-то была твёрдая утоптанная земля, а где-то — глубокая вязкая грязь, готовая намертво засосать тяжёлые тактические ботинки.

Потолок лабиринта стремительно смыкался над головами. Уродливые, толстые корни переплетались на огромной высоте, превращая туннели в глухую бесконечную арку. Неба больше не было. Сзади с глухим, костяным стуком и шуршанием листвы намертво захлопнулись живые зелёные входы, наглядно демонстрируя десятке: пути назад нет, теперь только вперёд.

В лабиринте царил зловещий, холодный полумрак, но всё вокруг было отчётливо видно — загадочное пространство Лимба подсвечивалось изнутри странным сиянием, словно при ярком лунном свете.

Сначала часть ребят побежала очень быстро. Первые метры коридоров были прямыми, и адреналин гнал людей вперёд. Руслан и Марат ломанулись напролом, шлёпая тяжёлыми подошвами прямо по лужам и глубокой грязи, не разбирая дороги. Ксюша бежала чуть позади них, пружинисто и собранно, контролируя каждый шаг. Но остальные двигались с дикой опаской. Миша и Оля шли осторожно, каждый раз прислушиваясь к странному потрескиванию за стенами и вглядываясь в серые тени впереди. Мирон и вовсе едва переставлял ноги, всхлипывая от ужаса.

София шла в среднем темпе — не слишком медленно, чтобы не отстать от невидимой группы, но и не так быстро, чтобы вслепую влететь в неприятности. Она то и дело судорожно вертела головой по сторонам, стараясь дышать как можно тише, словно шорох её собственного дыхания мог привлечь слепых тварей изо тьмы. Все глубокие лужи и вязкую жижу София аккуратно перешагивала или перепрыгивала, отчаянно пытаясь сохранить остатки чистоты и не потерять равновесие.

Относительный порядок рухнул в одну секунду. Первой в ловушку Системы попала Света.

По всему огромному растительному лабиринту раскатистым, эхом разнёсся её дикий, истошный девчоночий крик, от которого у Софии кровь застыла в венах. Невзрачная Света, лихорадочно бежавшая за Камилой, просто не разглядела в полумраке глубокий провал. Она с размаху рухнула в замаскированную земляную яму. Послышался глухой удар и хруст — Света сильно подвернула и, судя по звуку, сломала лодыжку.

И вот тогда ребят сковал настоящий страх. Разум с треском отказал. Поняв, что опасность вполне реальна и Лимб уже начал свой отбор, вся десятка разом ломанулась кто куда. Начался хаос. Люди в панике перестали смотреть по сторонам, стали со всего размаху врезаться друг в друга плечами, спотыкаться и падать. Кто-то в слепом ужасе бежал друг за другом, надеясь на чужую спину, а кто-то, наоборот, в панике разъединялся, сворачивая в случайные боковые ответвления лабиринта.

Туннели наводнились дикими, перепуганными криками:— Мама! Чёрт, что делать?! Света упала! — Завопила Оля где-то в параллельном коридоре.— Рус, куда бежать?! Здесь тупик, твою мать! — Орал Марат, его наглый голос сорвался на хрип.— Это вообще, блядь, не смешно! Вытащите меня! Помогите! — Сквозь рыдания кричал Мирон, петляя между колоннами.

А где-то в глубине лабиринта, из тёмной ямы, продолжал доноситься лишь тихий, жалобный скулёр Светы, которая от боли и шока уже не могла кричать. Камила, даже не подумав остановиться, пронеслась мимо её ямы, тяжело дыша и думая только о себе.

Марат, улупётывая по грязному коридору вместе с Русланом, на секунду притормозил у развилки. Желая сбросить собственное напряжение за счёт других, он громко, с натужной уличной усмешкой крикнул во тьму:— Эй, Грач! Ты там ещё жив, ушлёпок?! Или тебя уже сожрали?!

Но Илья ему не ответил. Он не собирался тратить драгоценный воздух на крики. Грач двигался в своём собственном коридоре — аккуратно, собранно и хладнокровно. Он пригибал голову под свисающими лианами, плавно обходил глубокие лужи и упрямо пробирался вперёд

по извилистым растительным коридорам. Его глаза сканировали каждый метр, а в кармане комбинезона, заглушаемый чавканьем грязи, едва уловимо вибрировал кулак. Илья знал: в этой игре побеждает тот, кто умеет молчать и контролировать свой страх.

София петляла по извилистому, удушливому лабиринту, пока в конце очередного туннеля не наткнулась на ту самую глубокую яму. На дне, сжавшись в комок на сырой земле, сидела Света. Из её разорванного на колене комбинезона торчал острый обломок кости, а вокруг быстро растекалось тёмное пятно. Девушка жалобно, испуганно скулила, размазывая грязь по бледному лицу.

— Боже мой... — потрясённо прошептала София.

У неё самой от этого жуткого зрелища перехватило дыхание, а к горлу подступила тошнота. Но времени на панику Система не оставляла. София, не задумываясь с размаху легла на живот прямо в холодную жижу. Вытянув руки вниз, в тёмный провал ямы, она отчаянно потянулась к раненой девчонке.

— Давай, хватайся! — громко проговорила она, едва не соскальзывая лицом в грязь. — Хватайся за меня, живо!

Света, захлёбываясь слезами, судорожно вскинула руки и вцепилась в запястья Софии. Громова сгруппировалась, упёрлась носками тяжёлых ботинок в скользкий край ямы и начала тянуть её вверх со всей силы, на какую только было способно её хрупкое тело. Ткань комбинезона натянулась, швы затрещали. Света отчаянно скулила от дикой боли в изломанной ноге, царапала ногтями склизкие стены и цеплялась свободной рукой за выступающие из земли корни над головой. София тянула её на одном чистом адреналине, чувствуя, как мышцы рук сводит судорога. И всё же, издав глухой, яростный хрип, она с силой выдернула Свету наверх, на твёрдую землю лабиринта.

Обе девушки тяжело повалились на грязную траву, жадно хватая ртом прелый, зловонный воздух. София приподнялась на локтях и посмотрела на её разорванную одежду и окровавленную ногу.

— Ты как? Идти сможешь? — тяжело дыша, спросила она.

Но Светка, вместо того чтобы поблагодарить свою спасительницу, лишь продолжала истерично плакать. А в следующую секунду её затуманенный от боли и психического расстройства разум выдал совершенно дикую реакцию. Она с силой отпихнула Софию от себя в грязь и злобно прорыдала:

— Отвали от меня! Слышишь?! Отвали! Не трогай меня, сучка!

От такого откровенного «благородства» со стороны Светы София на секунду совсем опешила. В её голове не укладывалось, как человек, которого только что вытащили из могилы, может плевать в лицо спасителю. Но в следующую секунду гордость и инстинкт выживания взяли верх. Хрупкая фарфоровая девочка исчезла. София резко подалась вперёд, с силой схватила Свету за грудки её мокрого комбинезона и притянула к себе, яростно прошипев ей прямо в лицо:

— Ты что, совсем охренела?! Поднимай свой зад, если не хочешь здесь подохнуть и остаться на всю ночь! Слышишь меня?! Вставай, иначе я прямо сейчас скину тебя обратно в эту яму, и будешь тут червей кормить до утра! Мне плевать!

Света от такой внезапной жестокости тихони Грозовой буквально вытаращила глаза. Напор Софии подействовал на её расколотую психику как ушат ледяной воды. Страх перед Софией на секунду перевесил боль. Всхлипывая и судорожно хватаясь за её тонкую, но ставшую надёжной руку, Света всё же поднялась на одну ногу. София подставила ей своё плечо, и они тяжело поковыляли вместе, утопая в грязи туннеля.

Лимб тут же отреагировал на их движение. Сзади них с жутким, костяным треском начали один за другим открываться новые проходы, запуская внутрь коридоров ледяной туман,

а вот прямо перед ними, в паре десятков метров, уродливые корни сорняков начали стремительно, плотно закрываться, перекрывая дорогу к спасению.

— Живее, Света, живее! — хрипела София, согнувшись в три погибели и буквально таща на себе обмякшее, скулющее тело двадцатилетней девчонки. — Ногами перебирай, чёрт тебя дер! Мы не успеем!

— Я больше не могу... — прорыдала Света, и её колени окончательно подогнулись. Она потащила Софию за собой, и обе девушки снова рухнули в грязную лужу. — Всё, я не могу... Нога горит...

София поняла, что без остановки кровотечения Света просто потеряет сознание от потери крови прямо здесь, и Система превратит их в пепел.

— Надо чем-то перемотать, — судорожно забормотала София, осматривая рану.

Она ухватила пальцами за шов на плече своего собственного комбинезона и с яростным, громким треском оторвала рукав по шву от самого плеча. Оголив бледную тонкую руку, София наклонилась и принялась со всей силы, максимально туго завязывать оторванную ткань вокруг изломанной лодыжки Светы, сооружая жгут.

От этого резкого сдавливания Света издала такой пронзительный, истошный крик боли, который эхом пронёсся по всему растительному лабиринту.

Где-то в параллельных туннелях туман разнёс голоса парней. Кто-то из ребят закричал, откликаясь на этот вопль и пытаясь сориентироваться:

— Эй! Кто там орёт?! Где вы?! — донёсся далёкий, встревоженный голос Миши.

А вот с другой стороны, из глубины центральных коридоров, раздался наглый, раскатистый хохот Марата, который подхватил Руслан:

— Ха-ха-ха! Слыхал, Рус? Минус один! Твари уже кого-то жрать начали! Беги быстрее, малявка, а то и от тебя только кости останутся!

София затянула узел, тяжело дыша и не обращая внимания на этот издевательский смех.

Она упрямо перехватила плачущую Свету за талию, помогая ей удерживать равновесие на скользкой поверхности. Собственная оголённая рука покрылась мурашками от ледяного сквозняка, гуляющего по туннелям.

— Дыши ровнее, — сквозь зубы прохрипела София, закидывая руку девчонки себе на шею. — Опирайся на меня. Сильнее опирайся, всю массу перенеси.

Света, едва переставляя здоровую ногу и пачкаясь в прелых листьях, шмыгнула носом и с какой-то отчаянной злостью выдохнула: — Зачем... зачем тебе это надо, Громова? Тебе больше всех надо, да? Брось меня, Камила же бросила!

— Я, в отличие от других, человечность терять не собираюсь, — отрезала София.

В её голосе прорезались жёсткие отцовские нотки. Громовы не бросали тех, кто слабее, даже если этот слабее только что плевал в душу. Она упрямо потащила Свету дальше по извилистой арке лабиринта. Грязь чавкала под ботинками, корни вокруг продолжали медленно стягиваться, сужая пространство.

Протащив раненую ещё метров тридцать, София поняла, что Свете срочно нужна передышка — двадцатилетняя девчонка просто обмякла в её руках, задыхаясь от боли и шока. София аккуратно опустила её на землю, прислонив спиной к бугристому, гнилому основанию колонны.

— Сиди здесь, — тяжело дыша, скомандовала София, вытирая пот со лба испачканной ладонью. — Я сейчас посмотрю, что там за поворотом, проверю дорогу и сразу за тобой вернусь, поняла? Не двигайся.

— Прошу... не оставляй меня, Громова, не оставляй! — истошно проплакала Света, судорожно цепляясь пальцами за подол её комбеза. Её водянистые глаза были расширены от дикого страха одиночества.

— Я вернусь, — твёрдо повторила София, вырывая ткань из её рук.

Она бегом добежала до ближайшего поворота туннеля, резко затормозив у края живой стены из сорняков. София замерла, судорожно вглядываясь под лунным светом Лимба то в одну сторону, то в другую. Коридоры казались пустыми.

И вдруг на её обнажённое правое плечо что-то упало. Что-то холодное и тяжёлое.

София судорожно повернула голову, косясь на собственную голую руку, и увидела густую сероватую слизь. Она брезгливо потрогала пальцами эту вязкую, тягучую слюну, от которой шёл едкий запах тухлятины, и резко вздёгнула голову вверх. С потолка, переплетённого толстыми гнилыми корнями, медленно капала слизь. Но там никого не было — лишь пустые чёрные зазоры между ветками.

В эту же секунду из-за поворота раздался истошный, парализующий крик. Света орала во всё горло, буквально вжимаясь спиной в сырую землю и указывая трясущимся пальцем куда-то вверх.

София пулей метнулась обратно за поворот, проследила за её застывшим взглядом и похолодела. Прямо над Светой, уцепившись длинными когтями за свисающие лианы, висело существо. Оно отличалось от того гиганта, которого им вчера показывал Герман в стеклянном кубе. Этот монстр был значительно меньше, подвижнее, но от этого ещё более жутким. У него были глаза — огромные, желтоватые, с вертикальными змеиными зрачками, которые бешено вращались. Из его черепа торчали странные, пульсирующие кожистые отростки, похожие на антенны, а длинные тонкие пальцы с хрустом перебирали ветки. Тварь разевала пасть, демонстрируя острые зубы, откуда выползал длинный, тонкий, похожий на плеть язык, с которого и капала та самая вязкая слюна.

София сама дико напугалась. На секунду её парализовало, разум отказывался верить, что эта дрянь находится в паре метров от неё. Но когда существо начало медленно переставлять лапы, готовясь прыгнуть прямо на Свету, в голове Софии сработал чистый адреналин.

Она не стала думать, а просто подействовала на инстинктах. София тут же стала лихорадочно рыться руками по мокрой земле в поисках хоть какой-то защиты. Пальцы наткнулись на что-то твёрдое. Огромный, тяжёлый булыжник с острым краем. София обхватила его обеими руками, резко замахнулась и со всей дури бросила в эту тварь.

Камень с глухим стуком попал монстру прямо по уродливой голове, сбив один из кожистых отростков. Тварь яростно взвизгнула, выпуская из пасти фонтан склизкой жижи.

— Эй, ты! Пошла вон от неё! — истошно крикнула София, пытаясь отвлечь внимание на себя.

Тварь резко повернула голову к ней. Жёлтые змеиные глаза сфокусировались на бледном лице Софии. Монстр издал мерзкое, шипящее верещание и, перебирая длинными конечностями, с дикой скоростью побежал по потолку лабиринта прямо за ней.

— Вот же блин! — шикнула София, резко разворачиваясь на пятках.

Бросив Свету в относительной безопасности, Громова припустила по грязному туннелю, не разбирая дороги. Она неслась вперёд, тяжело дыша, а сзади, буквально в паре метров, по корням над головой с жутким шуршанием и треском несло существо. Оно верещало, шипело, срывая листву и капая слизью ей на спину.

София бежала из последних сил, но мокрая земля сыграла с ней злую шутку. Споткнувшись о выпирающий из грязи толстый корень, она с глухим криком полетела вперёд, сильно ободрав ладони и колени о камни.

Она судорожно перевернулась на спину, тяжело дыша и глядя вверх. Тварь с победным шипением спрыгнула с потолка и нависла прямо над ней, разинув свою пасть с иглами зубов и вывалив длинный язык.

И в этот самый момент с противоположной стороны туннеля, прямо из густого тумана, вылетел силуэт. Илья выскочил наперерез, и в его зажатом кулаке бешено, до предела опасно звякнул металл.

Илья замер на долю секунды, резко затормозив у самого края тумана. Его глаза расширились от шока, когда он увидел, как София извивается на грязной земле прямо под тушей верещащего монстра. Она отчаянно отбивалась от него какой-то трухлявой толстой палкой, которую успела нащупать в грязи. Девушка глухо, натужно стонала от тяжести навалившегося на неё существа и судорожно отворачивала голову в сторону всякий раз, когда вонючая, жгучая слизь крупными каплями капала из пасти монстра прямо ей на бледную шею.

Парень мгновенно сориентировался. Он тут же убрал магниты в глубокий карман рубы, и металлические сферы напоследок громко, хлестко звякнули. Этот резкий звук сработал идеально, отвлекая тварь на себя. Существо замерло, разворачивая уродливую голову с кожистыми отростками в сторону Грача.

— Спокойно, — негромко, но поразительно уверенно проговорил Илья, медленно поднимая пустые руки перед собой и делая осторожный шаг ближе к ним. — София, просто замри. Не двигайся, блядь, слышишь меня? Замри.

Но план Грача рухнул. Тварь, словно демонстративно плюнув на присутствие Ильи и проигнорировав его, снова с мерзким шипением перевела свои жёлтые змеиные глаза на Софию. Монстр замахнулся когтистой лапой. И в этот самый момент Громова, ведомая чистым, сумасшедшим адреналином выживания, со всей дури всадила острый конец палки прямо в пульсирующий жёлтый глаз твари.

Раздался отвратительный хруст. Густая, пахнущая тухлятиной слизь и тёмная, горячая кровь брызнули во все стороны, обильно упав Софии прямо на лицо и одежду. Монстр истошно, оглушительно заверещал на весь лабиринт и отлетел в сторону, судорожно перебирая длинными конечностями. Извиваясь от боли, раненая тварь с треском уползла куда-то вверх, под потолок внезапно открывшегося в стене туннеля, и скрылась во тьме.

София тут же судорожно встала на колени, тяжело и прерывисто дыша. Её мгновенно вывернуло наизнанку — тошнило от жуткого могильного запаха, страха и отвратительного осознания того, что капли чужеродной слизи попали ей прямо в рот. Она вытирала губы грязной тыльной стороной ладони и тут же, не выдержав, дико, навзрыд разревелась от пережитого ужаса.

Илья в два широких шага подскочил к ней, падая на колени прямо в чавкающую жижу и хватая девушку за плечи. Его лицо под козырьком чёрной кепки было бледным от ярости и скрытого испуга. Он лихорадочно принялся осматривать девчонку:

— Ты ранена?! Отвечай, Софи, тебя задело?!

Но София от удушающих слёз и паники даже слова сказать не могла. Она лишь судорожно хватала ртом воздух, содрогаясь всем телом.

— Твою мать... — Грач выругался сквозь зубы, разглядывая её грязное, залитое чужой кровью лицо.

Его взгляд переместился ниже, на её правую руку. Из нежной белой кожи, разодранной острыми ветками лабиринта, сочились глубокие багровые борозды, и всю текла кровь.

— Вставай, слышишь меня? Вставай! — Грач начал силой поднимать её с колен, крепко обхватив подмышки своей мощной рукой. — Надо сваливать, пока эта тварь не вернулась с подмогой! Пошли!

— Там... там Света... — кое-как прохрипела София, захлёбываясь слезами и упрямо указывая пальцем в ту сторону туннеля, откуда она только что прибежала. — Она там... раненая...

— Да хрен с ней! Вставай! — жёстко отрезал Илья, продолжая тянуть её за собой к выходу. — О своей шкуре думай!

— Да отвали ты от меня! — с внезапной яростью выкрикнула София и со всей силы оттолкнула Илью в грудь.

Вырвавшись из его хватки, она, хромая и пошатываясь, упрямо побежала обратно по извилистому коридору — туда, где оставила беззащитную раненую девушку. Илье ничего не оставалось, кроме как с глухим матом броситься следом за этой сумасшедшей Громовой.

Но как только они тяжело добежали до той самой колонны, София резко затормозила. Света исчезла. На том месте, где она только что сидела, прислонившись к гнилому корню, её больше не было. На сырой траве и прелых листьях осталась лишь огромная, дымящаяся на холодном воздухе лужа свежей крови. И оторванный рукав комбеза Софии, втоптаный в грязь.

София встала как вкопанная, невидящим взглядом разглядывая это жуткое багровое пятно. Дикая паника нахлынула на неё новой, сокрушительной волной. В голове застучала одна-единственная страшная мысль: неужели пока она уводила монстра, Свету утащили или заживо сожрали другие обитатели лабиринта? Из-за её ошибки? Из-за того, что она оставила её одну?

Она снова громко, отчаянно зарыдала, хватаясь руками за голову. Лёгкие Софии намертво спёрло от нехватки воздуха, она начала задыхаться в настоящем приступе астматической паники, не в силах сделать даже мизерный вдох. Живой, зелёный туннель вокруг неё начал кружиться и темнеть.

— Пошли нахрен отсюда! — во всю глотку заорал на неё Грач.

Он резко подлетел сзади, бесцеремонно обхватил её поперёк талии и буквально утащил за собой вглубь тумана, не обращая внимания на её слабые попытки вырваться.

Илья утаскивал её за собой сквозь чавкающую грязь и ледяной туман, но лабиринт перестраивался на ходу, превращаясь в смертельную ловушку. Стены из переплетённых, гнилых корней двигались с жутким костяным скрежетом. Они бежали вместе, тяжело дыша, увязая в скользкой жиже. Илья держал её за руку, буквально волоча за собой, но София, измотанная паникой начала катастрофически отставать. Ноги подкашивались. Она шумно, прерывисто хрипела, чувствуя, как лёгкие намертво сжимает спазм.

В последний момент, когда до спасительного просвета оставалось всего несколько метров, София поскользнулась. Её пальцы выскользнули из ладони Ильи. И прямо перед самым носом парня, с оглушительным треском и шуршанием пожухлой листвы, тяжёлые столетние корни сорняков рухнули вниз, захлопывая проход и разделяя их живой стеной.

София вздрогнула, отшатнувшись назад, и в ужасе завертела головой, затравленно оглядываясь вокруг и судорожно ища новый выход среди глухих растительных колонн.

А по ту сторону стены Ильи тут же яростно заорал, со всей дури ударив кулаком по переплетённым веткам:

— Софи! Твою мать, Софи!

Ответа не последовало. Плотный сорняк глушил любые звуки.

— Дьявол! — прошипел Грач сквозь зубы.

Его глаза бешено блеснули под козырьком кепки. Не теряя времени, он резко развернулся и бросился в боковой туннель, лихорадочно ища обходной путь, но Система Лимба снова безжалостно разделила их по разным коридорам.

На финише полигона — в просторной, залитой бездушным светом прожекторов бетонной зоне — туман постепенно рассеивался. Первым из лабиринта, тяжело хромая и держась за бок, вышел Миша. Он обессиленно рухнул на колени, жадно хватая ртом холодный воздух. Следом за ним, пружинисто выскочив из туннеля, появилась Ксюша. Она со злостью сорвала с головы чёрную кепку, вытирая пот со лба.

Последними, на полном бегу, вывалились Марат, Камила и Руслан. Они буквально хихикали, нервно и дико хохоча от зашкаливающего в крови адреналина, и гурьбой падали прямо на грязную землю. Они тяжело, со свистом дышали, не скрывая безумной, животной радости от того, что остались живы в этом первом раунде.

Илья выбежал из тумана значительно позже. Он тяжело дышал, его лицо было покрыто грязью и брызгами тёмной крови монстра, а роба на груди вздымалась от бешеного стука сердца. Но Софии, Светы и Мирона среди выживших не было. Туннели за его спиной продолжали безмолвно клубиться белой кашей. Илья, проигнорировав всех, замер у самой черты лабиринта, то и дело судорожно вглядываясь в мёртвый туман и упрямо ища глазами хотя бы малейший намёк на то, что девчонка выберется.

Руслан, отсмеявшись вместе со своим дружкой, постепенно растерял всю свою наглую спесь. Он поднялся на локтях, оглядывая поредевшую группу, и его лицо помрачнело.

— Что за хрень там вообще произошла? — хмуро начал спрашивать он, глядя на застывшего Грача. — Где остальные?

Илья, поняв, что проходы заблокированы, медленно подошёл и сел на землю рядом с ним, тяжело, прерывисто дыша. Его ладонь на автомате нырнула в карман, и в тишине снова быстро, нервно защелкали магниты.

Клик. Клик. Клик.

— Там твари, — глухо, со скрытой яростью проговорил Илья, неотрывно смотря перед собой. — Там эти грёбанные твари с отростками на башках. Напали на Софи.

— Сожрали?! — тут же с каким-то диким, нездоровым любопытством спросил Марат, садясь рядом и вытирая нос.

— Нет, — отрезал Илья, и шарики в его кулаке со звоном сцепились. — Она палкой этой дряни глаз выбила. Но на обратном пути она отстала, и лабиринт нас снова разделил. Хрен знает, где она теперь.

И в этот самый момент, звенящую тишину финишной зоны, из глубины туманных туннелей раздался истошный, полный чистого ужаса крик Софии, который мгновенно переплелся с громким, хриплым и зловеще захлёбывающимся хрипом Мирона.

— Нет... Нет! Нет! — отчаянно кричала София где-то за стеной сорняков, и её голос срывался на свист от нехватки воздуха.

— Дьявол! — во всю глотку заорал Руслан, и его бандитское хладнокровие сорвало к чёртовой матери.

Он первым вскочил на ноги, дико всматриваясь в клубящуюся белёсую мглу лабиринта. На его шее вздулись вены.

— Софи! Принцесса, тащи свой зад сюда! — заорал он, складывая ладони рупором у рта. — Беги на голос, Громова! Сюда, блядь!

Камила, сидевшая на земле и лениво поправлявшая грязные черные волосы, вдруг залившись, цинично рассмеялась, глядя на парней как на сумасшедших:

— Да вы что, с ума посходили? С каких это пор вы её тут защищаете? Ну помрёт и помрёт, одной конкуренткой меньше! Система же сказала — балласт отсеивается. Сама виновата, что...

— Завали ебальник, Камила! — с бешеной, звериной яростью прорычал Руслан, резко разворачиваясь к ней и делая угрожающий шаг. Его лицо со сжатыми челюстями перекосило от злости. — Завали пасть, пока я тебя лично туда, обратно в туннели к этим тварям не вышвырнул! Поняла меня?!

Камила от такого дикого напора вожака мгновенно осеклась. На её красивом лице застыл испуг. Она лишь обиженно поджала пухлые губы и замолчала, забившись поближе к Марату, а Руслан и Илья снова синхронно повернулись к туманной стене, готовые рвануть обратно в этот ад на звук её угасающего крика.

И спустя бесконечность София наконец показалась на горизонте. Из густого клубящегося тумана вылетела её хрупкая серая фигура, вот только прямо за ней, буквально наступая на пятки, неслась та самая склизкая тварь. Из разодранного по шву предплечья Громовой непре-

рывно текла свежая кровь, пачкая комбинезон, а монстр с уродливым пустым окровавленным глазом яростно шипел за её спиной, разевая пасть с иглами зубов.

София бежала из последних сил, но, увидев впереди чистую финишную зону и застывших ребят, она резко всё поняла. В её затуманенном от боли мозге вспыхнула чёткая мысль: если она сейчас выбежит к ним, то притащит эту смертельную ловушку всем остальным, подставив под удар выживших. София тут же замерла, резко затормозив всего в нескольких метрах от финишной черты и тяжело, со свистом хватая ртом холодный воздух.

— Софи, твою мать! Ты кого сюда притащила?! — во всю глотку заорал Марат.

Все в панике подорвалась со своих мест, делая поспешные, испуганные шаги назад от туманного прохода.

София бросила на парней один быстрый, отчаянный взгляд, а затем приняла сумасшедшее решение. Она просто развернулась, на чистом адреналине проскользнула под лапой прыгнувшей на неё твари и на полной скорости убежала обратно в самую глубь проклятого лабиринта, уводя монстра за собой.

Илья, увидев, как она снова исчезла во тьме, окончательно потерял контроль над собой. С дикой, бешеной яростью он обернулся к амбалу:

— Тебя кто, блядь, за язык тянул, урод?! — начал верещать на Марата Илья, и на его шее вздулись канаты вен. — Ты зачем её напугал?!

— Да лучше сдохнет она одна, чем все мы тут ляжем! — оскалившись, прошипел ему в ответ Марат, утирая пот с лица. — Видишь, баба не дура, сама всё сообразила и ушла! О нашей шкуре надо думать!

И тут Илья не выдержал. Он с размаху, со всей своей мощной рабочей силой вставил Марату тяжёлым кулаком прямо в челюсть. Раздался глухой, хлесткий удар, от которого амбал отлетел на пару метров назад, едва удержавшись на ногах и сплёвывая кровь.

— Мы должны защищать девочек, а не на корм их пускать, урод! — прорычал Грач, тяжело дыша и сжимая окровавленные костяшки.

Руслан даже не посмотрел на их драку. Он лишь неподвижно стоял, крепко сжав зубы до хруста и неотрывно глядя на пустой коридор, из которого только что выбегала Громова. А в следующую секунду этот проход с глухим треском захлопнулся, отрезая Софию окончательно.

И ещё через какое-то время, показавшееся всем вечностью, в глубине зарослей раздался оглушительный, предсмертный скулёр раненой твари. Прямо чуть дальше от парней с шумом открылся совершенно другой, новый проход, и оттуда, шатаясь, выскочила София. Сделав два шага, она обессиленно упала на колени прямо в грязь. Из её разодранной руки и шеи обильно сочилась багровая кровь, смешанная со склизкой серой жижой существа.

Парни тут же, сломя голову, позабыв про все свои разногласия, дружно рванули к ней через всю площадку. Руслан оказался самым быстрым. Он первый с размаху опустился перед ней на колени, лихорадочно рассматривая изломанную, окровавленную девочку.

София медленно вздёрнула на него свой затуманенный, невидящий взгляд зелёных глаз. Вся её роба, лицо и кудри были покрыты тёмной кровью монстра и вонючей слизью. Она судорожно вздохнула, а в следующую секунду её силы окончательно иссякли, и она плавно рухнула прямо ему в руки, потеряв сознание.

— Держу... — только и смог тихо, хрипло сказать Руслан, подхватывая её обмякшее тело на свои сильные руки и прижимая к груди.

В этот самый момент его уличный авторитет и желание выпендриваться перед казармой полностью испарились. Ему совершенно было не смешно.

глава 7

Госпиталь

Зона финиша остывала, превращаясь в звенящий, холодный склеп. Руслан всё ещё держал Софию на руках, чувствуя, как её тёмная кровь пропитывает его серый комбинезон. Но Система не собиралась давать им время на сантименты. Из тумана монументальной фигурой вырос Герман. Не говоря ни слова, он бесцеремонно забрал обмякшее тело Громовой из рук вожака.

— Все, кто на своих двоих — марш в казарму приводить себя в порядок, — глухо отчеканил инструктор через маску. — А ты, Грачев, и остальные парни, у кого царапины — в так называемый госпиталь на санобработку. Шевелитесь.

Герман развернулся и понёс Софию совершенно в другом направлении, вглубь тёмных коридоров медицинского блока. Руслан, чьё эго уличного лидера было уязвлено такой бесцеремонностью, сделал пару шагов вслед за ним и злобно крикнул в спину:

— Эй, слышь! Ты куда её забираешь?! Она жива вообще?!

Герман даже не обернулся. Из динамика над их головами раздался лишь сухой, хриплый голос дежурного Куратора: «Комалов, вали приводить себя в порядок. Приказ Системы». Руслан хмуро сжал кулаки, но спорить с пушками инструктора не решился.

Миша, вытирая грязь со лба, сделал шаг вперёд и громко спросил, глядя на пустеющую арену:

— А где ещё двое? Мирон и Света где? Они выберутся?

Герман лишь леденяще зыркнул на них через плечо своими немигающими глазами, и этот взгляд был красноречивее любых слов. Отрезанные проходы лабиринта остались глухи к чужой беде.

Когда уцелевшая часть десятки вернулась в холодный, серый бокс казармы, их ждал первый настоящий шок. Света уже была там. Она лежала на своей угловой кушетке, бледная как смерть, а её разорванная штанина была аккуратно срезана — изломанная лодыжка была стянута тугой, профессиональной медицинской повязкой Системы. Света судорожно, диким взглядом смотрела на их грязные, покрытые кровью монстра и слизи внешности, и в её водянистых глазах застряли крупные, напуганные слёзы.

Грач, чьё лицо всё ещё горело после драки с Маратом, при виде живой девчонки окончательно потерял контроль над собой. Он сорвался с места, в два широких шага пересёк казарму и буквально навис над ней грозовой тучей, яростно шипя прямо в её испуганное лицо:

— Ты... ты куда, сука, пропала?! Мы из-за тебя чуть в том туннеле копыта не отбросили! Ты как здесь оказалась, крыса?!

Света испуганно вжалась в матрас, закрываясь руками и истошно зарыдав:

— Я не виновата! Не виновата! Когда Громова убежала, корни за моей спиной раздвинулись! Там открылся скрытый проход, я в него выползла на карачках и оказалась прямо на финишном выходе! Меня там Кураторы сразу подхватили и утащили сюда! Я не знала, что на неё нападут!

Илья лишь дико, с хрустом сжал челюсти так, что на щеках заходили желваки. Ему хотелось высказать этой психованной всё, что он думает о её «везении», но он пересилил себя. Грач резко развернулся к своей тумбочке, с грохотом вытащил оттуда полотенце, кусок казенного мыла и дешёвый шампунь, после чего размашистым шагом направился в сторону общих душевых.

Камила, которая как раз стояла посреди бокса, брезгливо осматривая свои грязные рукава, тут же капризно запротестовала, преграждая ему путь:

— Эй, Грач! Вообще-то я первая собиралась идти мыться! Я вся в этой мерзкой слизи, от меня пахнет тухлятиной!

Илья даже не притормозил, бесцеремонно обойдя её по дуге и бросив сквозь зубы хмурый, пацанский бурк:

— Я тебе не мешаю. В одной кабинке с тобой мыться не собираюсь, места всем хватит. Шевелись давай.

Остальные парни — Руслан, Марат и Миша — хмуро похохотали над её обломом, тоже подхватили свои гели для душа и мочалки и гурьбой направились следом в душевую зону. Оказавшись внутри, они не стали церемониться. Парни прямо там, посреди кафельного пола, с матами поскидывали с себя вонючие, испачканные в крови комбинезоны, оставшись в казенных чёрных боксерах, и один за другим вошли в кабинки, с шумом загоразживаясь шторками.

Через минуту в душевую робко вошли девчонки. Камила и Ксюша замерли у порога.

— Только не смотреть, пацаны! — громко, с нажимом проговорила Ксюша, включая свой кран. — Имейте совесть после такого ада.

Парни из-за шторок сначала по-привычке грубо пошутили:

— Да ладно тебе, Ксюх, будто мы там ничего не видели! — загоготал Марат, врубая горячую воду на полную мощность.

Но всё же, после всего пережитого ужаса на полигоне, когда Света чуть не погибла, а София осталась в госпитале, никто из мужчин не стал намеренно нарушать личные границы девушек. В душевой воцарился тяжёлый, плотный шум падающей воды, смывающей кровь монстров и человеческий пот.

Лишь Марат, чья наглая натура не затыкалась никогда, не удержался от подколки, когда Камила зашла в соседний ряд и встала за полупрозрачную пластиковую перегородку кабинки. Сквозь мутный пластик её фигура угадывалась довольно чётко. Амбал шумно присвистнул:

— Ого... Камилка, а изгибы у тебя что надо! Реально сочная мадам. Под таким ракурсом этот Лимб мне даже начинает нравиться!

Камила из-за перегородки лишь яростно, со злостью шикнула, перекрывая шум воды:

— Заткнись, Марат! Заткнись, придурок, пока я тебе вторую бровь не рассекла! Мойся молча!

Марат лишь довольно погоготал на всю душевую, подставляя бритую голову под струи воды.

Среди этого шума и мыльной пены Миша, стоявший в дальней кабинке, внезапно выключил свой кран. В наступившей относительной тишине его тихий, вдумчивый голос прозвучал непривычно серьёзно:

— Слышите, пацаны... А как вы думаете, где сейчас Мирон? И вернётся ли вообще Софи в казарму? Или Система её спишет?

В ответ на его вопрос в душевой воцарилась глухая, мёртвая тишина. Ни Руслан, ни Марат, ни Илья, который в этот момент яростно тёр мочалкой свои плечи, так ничего ему и не ответили. Каждый из них прекрасно понимал: в мире без дат и времени гарантий на жизнь Системой не предусмотрено.

Белый свет госпитального отсека Лимба резал глаза даже сквозь плотно сомкнутые веки. София пришла в себя от резкого, колющего ощущения в правом предплечье — Эвелина методично, сантиметр за сантиметром обрабатывала её разодранную руку каким-то шипящим, ледяным антисептическим раствором. Девушка лежала на узкой медицинской кушетке, без-

участно уставившись в абсолютно ровный белый потолок. Силы покинули её, оставив лишь пустоту внутри. Капли серой склизкой жидкости монстра уже подсохли на её шее и щеках, стягивая кожу, но Софии было абсолютно плевать.

Герман стоял чуть вдали, опершись плечом о холодную металлическую панель стены. Его лицо всё ещё скрывала плотная тёмная маска, а кепка была низко надвинута на глаза, но в его позе больше не было утренней вальяжности. Инструктор выглядел непривычно хмурым.

— На этом секторе полигона не должно было быть этих тварей, — глухо, сдерживая глухое раздражение, произнёс Герман, ломая пальцами какую-то пластиковую ампулу. — Это тренировочный уровень для молодняка. Какого хрена они прорвались через заградительные арки?

Эвелина, даже не повернув к нему своей ослепительно-белой седой головы, ловко наложила на предплечье Софии широкую прозрачную повязку, которая намертво запечатала глубокие багровые борозды от ветвей.

— Система в последнее время совсем троит сбоями, Герман, — ледяным, бесстрастным тоном отозвалась женщина-куратор. — Число критических перегрузок на реанимационных узлах в реальности растёт. Лимб адаптируется, меняет геометрию арен на ходу, мы теряем тотальный контроль над фауной. Это уже третий случай за цикл.

Договорить они не успели. Автоматическая дверь медицинского кабинета со скрежетом отлетела в сторону, и внутрь тяжело, задыхаясь от быстрого бега, ворвался другой служащий Лимба — молодой парень в такой же тёмно-серой робе, чьё лицо было бледным от паники.

— Инструктор! — хрипло выкрикнул он, удерживая руку на кобуре. — Обновление по базе данных! Шестого номера... парня под номером шесть больше нет. Зафиксирована терминальная стадия. Система закрыла его карточку.

Герман медленно перевёл свой тяжёлый, немигающий взгляд на Софию. Но Громова даже не вздрогнула от этого извещения. Парень под номером шесть — это был трусливый, плачущий восемнадцатилетний Мирон. София продолжала просто неподвижно смотреть в одну точку на потолке, а её зрачки были расширены от пережитого шока. Текст чужого доклада не принёс ей новой боли — её разум был заблокирован жутким воспоминанием.

Она снова видела этот туманный коридор. Снова слышала этот дикий, клокоцущий хрип Мирона. Монстр без глаза, от которого она упрямо уводила погоню, в последний момент развернулся. Тварь настигла паникующего мальчишку в тупике. София помнила, как огромные склизкие лапы с хрустом сомкнулись на его узких плечах, и как Мирона прямо у неё на глазах просто растерзало это чудовище, превращая его юное тело в серый, безликий пепел до того, как он успел издать последний связный крик.

— Приведи её в порядок и верни в казарму, — хмуро бросил Герман, отталкиваясь от стены. — У нас по плану вечернее распределение сухпайков. Мясо должно быть в загоне.

Женщина в белом халате молча кивнула. Инструктор развернулся и стремительным шагом вышел из кабинета, а дверь за его спиной захлопнулась с глухим стуком.

Эвелина аккуратно убрала окровавленные медицинские инструменты в лоток и повернулась к Софии. Посмотрев на её застывшее, фарфоровое лицо, куратор сделала тихий вдох и неожиданно мягко произнесла:

— Ему не было больно, София. Система блокирует болевые рецепторы в момент окончательного отбора. Для него всё закончилось за долю секунды.

Только после этих слов София медленно, словно через силу, повернула к ней голову и посмотрела прямо в её пустые, прозрачные глаза. Внутри Громовой всё выжгло дотла.

— За что... за что вы так с нами? — едва слышно, осипшим от слёз и крика голосом проговорила она, крепко сжимая кулаки. — Зачем этот ад? Кто вам дал право уничтожать людей как скот на бойне?

Но Эвелина ничего ей не ответила. Её лицо снова превратилось в застывшую маску без эмоций. Она лишь отстранилась от кушетки, указывая рукой на выход:

— Ты готова, Громова. Показатели в норме, повязка зафиксирована. Можешь возвращаться к группе. Прими душ в казарме, смой эту дрянь и ложись спать. Завтра будет новый этап.

София молча кивнула, спустила ноги с кушетки и поднялась. Тело всё ещё подрагивало от слабости, но рука больше не кровоточила. Тот самый молодой служащий, который принёс известие о смерти Мирона, молча пристроился рядом и без лишних слов проводил её по длинным каменным коридорам обратно до жилого сектора.

Когда дверь казармы со знакомым лязгом отъехала в сторону, внутри бокса мгновенно воцарилась тишина. Все разговоры и грубые шутки парней у раковин смолкли в ту же секунду.

Оставшиеся в живых ребята — Руслан, Илья Грач, Ксюша, Камила, Миша, Оля и сутулая Света — синхронно перевели на неё свои тяжёлые, напряжённые взгляды. Они рассматривали её бледное лицо, разорванный рукав комбинезона и медицинскую повязку. Все ждали от неё слов, объяснений, слёз или истерики. Взгляд Ильи, сидевшего на своей койке, буквально впился в её фигуру, а его рука в кармане робы замерла, сжав металлические сферы.

Но София не удостоила их ни единым словом. Она молча, прошла мимо застывшего Руслана прямо к своей железной тумбочке. Бесстрастно достав оттуда чистое полотенце, комплект выданного сухого белья, свежий комбез и кусок мыла, она даже не повернула головы в сторону соседней кушетки Грача.

Она развернулась и ровным, упрямым шагом ушла в сторону общих душевых.

София вышла из душа, непрерывно вытирая мокрые волосы полотенцем. Из-за горячего пара и влажности они упрямо завились в крупные, густые кольца. Этот чернильный водопад непослушных кудрей, хаотично рассыпавшийся по её узким плечам, резко контрастировал со строгой серой робой и придавал её бледному, исплаканному лицу какую-то особенную, домашнюю милоту.

Камила, сидевшая на своей койке, завистливо окинула её взглядом с ног до головы и презрительно фыркнула, отворачиваясь. Света при виде вошедшей Софии судорожно сжалась под своим одеялом, натягивая его до самого носа. В её водянистых глазах застыл дикий, граничащий с безумием страх. София, заметив эту реакцию, на секунду застыла на месте. Она смотрела на испуганную девчонку, которую ещё час назад вытаскивала из кровавой ямы, но внутри Громовой больше не было ни злости, ни жалости — всё выгорело. Она просто молча прошла мимо её кушетки.

Дойдя до своего угла, София повесила влажное полотенце на железное изголовье кровати, забралась под серое одеяло и свернулась калачиком, отворачиваясь к холодной бетонной стене. Её мелко подрагивало.

Марат, которому не терпелось узнать подробности, нагло подался вперёд со своего матраса и громко, на всю казарму спросил:

— Слышь, Громова! Расскажи хоть, чё ты там в туннелях так вопила? Тварь тебя за задницу укусить успела, что ли?

София даже не шелохнулась, упрямо игнорируя его выпад. И в этот самый момент звенящую тишину бокса разорвал сухой, щелкающий звук из потолочных динамиков. Противный электронный зуммер пропищал один раз, и холодный, бесстрастный голос Системы отчеканил на всю казарму:

— Внимание участникам десятки. Обновление статуса группы. Настоящее количество выживших в боксе — девять. Участник под номером шесть официально выбыл из программы отбора. Перерасчёт ресурсов завершён.

В боксе воцарилось оцепенение. Номер шесть. Мирон. Теперь это было зафиксировано официально.

Илья Грач, сидевший на соседней кушетке, медленно перевёл свой тяжёлый взгляд на свернувшуюся под одеялом Софию. Его челюсти сжались с такой силой, что на смуглых щеках отчетливо заходили желваки. Он прекрасно понимал, почему она молчит — Громова видела смерть этого пацана своими глазами.

Марат, сидевший напротив, не выдержал давящей тишины и негромко, цинично похихикал под нос, крутя в руках пустую пластиковую бутылку. Илья тут же смерил его таким злым, леденящим взглядом из-под нахмуренных густых бровей, что пластик в руках амбала хрустнул.

— Тебе, блядь, смешно? — вкрадчиво, но с угрожающим хриплым басом спросил Илья, подаваясь всем телом вперёд. Его кулаки на коленях побелели.

Марат от такого напора Грача слегка опешил, но быстро вернул себе наглую мину и безразлично пожал плечами.

— Ну а чё? Хотя нытиком меньше стало, — грубо проговорил он, сплёвывая на бетонный пол. — От этого Мирона всё равно толку на испытаниях было как от козла молока. Только под ногами путался и выл круглые сутки. Система просто почистила балласт.

Руслан, всё это время сидевший неподвижно на своей койке, тоже какое-то время молча, неотрывно прожигал взглядом спину Софии. В его глазах метались странные, тяжёлые мысли. Уличный вожак прекрасно понимал, что завтра на месте Мирона может оказаться любой из них. Услышав циничную реплику своего друга, Руслан резко обернулся и жёстко, с ледяным нажимом бросил Марату:

— Завали ебальник, Мара. Кончай базар.

Амбал мгновенно осёкся, удивлённо зыркнув на вожака, но спорить не стал и хмуро увалился на свой матрас.

глава 8

Дурдом

Пробуждение в этот раз оказалось не просто резким, а откровенно абсурдным. Нового раунда сирен не было, но тишину казармы разорвали дикие, истошные крики, от которых вся оставшаяся девятка выживших подорвалась на своих кушетках.

Сначала никто вообще не понял, в чём дело. София испуганно захлопала глазами, озираясь по сторонам в холодном белом свете и ожидая, что из стен снова ползут склизкие слепые твари. Руслан мгновенно сел, его рука привычно дёрнулась к пустой кобуре, а Миша и Ксюша дикими взглядами сканировали закрытую железную дверь. Но звук шёл совершенно с другой стороны.

Когда ребята прислушались, до всех наконец дошло, что этот эротический акустический кошмар доносится прямиком из зоны общих душевых. Койки Марата и Камилы пустовали. Из душевой Камила кричала так, словно её там живьём режут на куски, а в следующую секунду эти вопли сменялись оглушительными, протяжными и совершенно недвусмысленными стонами, раскатывающимися эхом по бетонному боксу. Личные границы и страх перед Системой у этой парочки явно стёрлись под влиянием дикого адреналина.

Руслан, сообразив, что к чему, дико заржал на всю казарму, расслабленно откидываясь обратно на свои подушки:

— Ну дают, блядь... Нашли место для демографического взрыва! Мара в своём репертуаре, страх вообще потерял.

Ксюша тоже громко прыснула со своей койки, раздражённо качая головой и сдувая челку со лба:

— Тупые... Просто дегенераты. У людей тут ПТСР после вчерашнего, а эти устроили порностудию на выезде.

София от этого зрелища лишь брезгливо поджала губы, чувствуя, как щёки заливают пунцовая краска стыда. В её привычном мире подобные вещи за закрытыми дверями-то обсуждали смущённо, а тут всё происходило буквально у неё на ушах. Она судорожно схватила свою подушку и попыталась закрыть ею уши, чтобы расслышать этот позор, вжимаясь лицом в матрас.

Грач, сидевший на соседней койке, лишь устало закатил глаза, шумно выдыхая сквозь зубы:

— Дурдом, нахрен... Психушка ходячая. Извращенцы недоделанные.

Спустя какое-то время за шторками душевой наконец-то всё затихло. Дверь бокса скрипнула, и Камила с Маратом попытались незаметно прокрасться обратно к своим койкам, тихо, заговорщицки хихикая и поправляя на ходу влажные серые робы. Камила лениво накручивала мокрую чёрную прядь на палец, сияя от удовольствия.

Руслан лениво повернулся на бок, подперев голову рукой, и с ухмылкой встретил сладкую парочку:

— Слышь, Мара, — громко протянул вожак. — Ты в следующий раз попроси свою мадам так не вопить, словно у тебя там не член, а дубина столетняя. Всю казарму подняли, придурки.

Камила лишь высокомерно усмехнулась, окинув Руслана ленивым взглядом:

— Ой, завидуй дальше молча. Кому-то стресс снимать надо, а кто-то просто зубами по ночам скрипит.

Марат, абсолютно довольный собой, с размаху плюхнулся на свой матрас, тяжело вздохнув, и тут же нагло подмигнул Софии, которая как раз на секунду убрала подушку от лица.

— Не ревнуй, принцесса, — во всю глотку заржал амбал, поигрывая забитыми пламенем плечами. — Меня и на тебя с радостью хватит.

София от такой пошлости мгновенно отвела глаза в сторону стены. Настоящее отвращение захлестнуло её. Не желая слушать этот бред, она с головой укрылась серым одеялом, превращаясь в недвижимый кокон.

Илья от этих слов Марата заметно помрачнел, его челюсти снова сжались. Он шумно откинулся спиной на свою подушку, засунул руку в карман и привычно, до предела раздражённо запустил перекатывать свои неодимовые сферы.

Клик. Клик. Клик.

Этот сухой металлический скрежет в наступившей тишине подействовал на Камилу как красная тряпка на быка. Брюнетка, собиравшаяся лечь, возмущённо повернулась в его сторону, уперев руки в бока:

— Слушай, Грач! Долго ты ещё будешь греметь своими железками, а?! Бесит уже, спать невозможно! Убери их нахрен!

Илья даже взгляда на неё не поднял, продолжая методично смыкать магниты в кулаке. На его смуглом лице застыла ледяная, жёсткая усмешка.

— Мы тут твои стоны минут двадцать слушали, — хмуро, с глубоким пацанским презрением оборвал её Илья, и его низкий бас эхом разнёсся по углам. — Так что не обязательно было всей казарме показывать, чем вы там в кабинках занимаетесь. Могла бы тоже узел на языке завязать.

Камила ничуть не обиделась. Напротив, её пухлые губы растянулись в хищной, заигрывающей улыбке. Она сделала шаг к его койке, лениво оглядывая его мощную широкоплечую фигуру:

— Ой, какие мы правильные... Что, Грач, завидно? Хочешь, и с тобой в следующий раз сходим? Я не против разнообразия.

Илья лишь брезгливо скривился, словно ему предложили съесть что-то испорченное. Он резко развернулся на бок, демонстративно поворачиваясь к Камиле спиной — как раз в сторону соседней кушетки Софии.

София в этот момент как раз осторожно вынырнула из-под своего одеяла, тяжело дыша от нехватки воздуха под тканью. Её большие зелёные глаза встретились с его пронзительным, ледяным взглядом стальных глаз. На таком близком расстоянии, в полумраке между их кроватями, вся наглость Грача куда-то испарилась. Осталась только глухая, упрямая забота парня, который вчера тащил её на себе сквозь туман.

— Спи, — тихо, почти беззвучно шепнул он ей одними губами, расслабляя пальцы.

Спустя какое-то время, показавшееся Софии короткой вспышкой забытья, их всех окончательно подняли. В этот раз обошлось без воя сирен — железная дверь казармы просто бесшумно отъехала в сторону, и на пороге появился один из безликих служащих Системы, сухо скомандовав: «*Общий сбор. Время приёма пищи*». Девяти выжившим участникам не оставалось ничего другого, кроме как покорно встать, застегнуть свои серые комбинезоны под самое горло и выйти в холодный бетонный коридор.

Их повели на завтрак. Но если София ожидала увидеть ещё один стерильный бокс или тесный склад, то реальность Лимба снова расширила свои масштабы. Конвой вывел их в пугающе огромный зал, напоминающий нечто среднее между армейской столовой и подземным вокзалом. Потолки уходили так высоко вверх, что терялись в густой тени, откуда струился тусклый, безжизненный свет мощных прожекторов. По всему периметру огромного зала ров-

ными, бесконечными рядами тянулись массивные железные столы и такие же тяжёлые, прикрученные к полу металлические лавки.

Здесь была куча и других людей. София замерла на пороге, поражённая этим зрелищем: сотни парней и девушек в точно таких же тёмно-серых форменных комбинезонах Лимба заполняли пространство. За каждым столом, за каждой отдельной группой был жестко закреплён свой собственный Куратор и наставник в маске и тактической экипировке, бдительно следящий за каждым движением подопечных. Структура групп была абсолютно разной и пугающей в своей незавершённости: где-то за длинным столом сидело всего два человека — всё, что осталось от их десятки, а где-то копошились целых пятнадцать новичков.

Психологическое состояние этой огромной массы людей тоже разительно отличалось. Кто-то уже сидел с абсолютно пустым, остекленевшим взглядом, уставившись в свою железную миску и не реагируя на внешние раздражители — Система успела выжечь из них остатки воли. Кто-то, напротив, ведомый защитной реакцией психики, умудрялся громко шутить, травить пошлые байки и фальшиво смеяться на весь зал. А кто-то просто делал всё на автомате, превратившись в бездушных роботов: поел, встал, ушёл. Поел, встал, ушёл. Монотонный стук сотен железных ложек о металл сливался в единый, сводящий с ума гул.

Группу Руслана конвоир усадил за один из свободных столов в центре. София опустилась на лавку, оказавшись зажатой промеж Оли и Ильи. Парни с их стороны стола — Руслан, Марат и Миша — о чём-то тихо, хмуро перекатывались короткими фразами, обсуждая вчерашние туннели. Зато Камила, казалось, полностью оправилась после своего утреннего приключения в душевой. Брюнетка из всех сил старалась понравиться абсолютно всем мужчинам в радиусе видимости, чтобы обеспечить себе надёжный тыл. Она наигранно, заливисто хихикала над каждой плоской шуткой Марата, то и дело кокетливо касаясь рукой то его забитого пламенем плеча, то локтя Руслана, то заглядывая в глаза Мише.

София практически не смотрела на свою тарелку с серой кашей. Её глаза то и дело лихо-радочно вглядывались в лица других групп за соседними столами. Громова судорожно сканировала эту толпу в серых комбезах, словно надеясь, что где-то здесь, среди сотен незнакомцев, мелькнёт знакомый силуэт из её прошлой жизни... Но чужие лица оставались безмолвными и безразличными.

Оля, заметив её отрешённость, аккуратно толкнула Софию локтем в бок и тихо, обеспокоенно проговорила:

— Соф, ну ты чего застыла? Ешь давай. Нам силы нужны, Герман сказал, что сегодня начнётся новая жесть. Попробуй хоть ложку.

София вздрогнула, переводя взгляд на подругу. Аппетита не было совершенно, к горлу при мысли о еде тут же подступал тошнотворный запах вчерашней тухлой слизи монстра. Она просто решительно отодвинула от себя железную тарелку в сторону, сделала один большой глоток пресной воды из кружки и тихо сказала:

— Я не голодна, Оль. Правда. Не могу.

Она молча встала из-за стола, привлекая к себе мимолётный взгляд Ильи, который на секунду перестал жевать и замер. София ровным, упрямым шагом направилась к выходу из обеденной зоны, где у колонны стоял их наставник Герман, скрестив руки на груди. Девушка подошла к нему, тихо задав какой-то вопрос. Инструктор через свою плотную тёмную маску что-то сухо, коротко проговорил ей в ответ, указывая пальцем на коридор жилого блока, и София, покорно кивнув головой, ушла прочь из этого шумного зала.

На их половине стола тут же раздался наглый, издевательский хохот. Руслан, проводив Софию долгим взглядом, вальяжно поднялся со своего места, застегивая робу. Он посмотрел на Марата, который продолжал довольно скалиться, и с ухмылкой посмеялся на весь стол:

— Кажется, Маратик, наша принцесса Громова приревновала тебя к Камиле! — Руслан качнул головой, закидывая полотенце на плечо. — Вы утром в душевых так громко стонали,

что окончательно аппетит девчонке испортили. Не выдержала шёлковая натура такой суровой реальности!

Марат от этих слов дико, довольно погоготал, подмигивая Камиле, а Илья лишь с дикой, побелевшей силой сжал в руке свою ложку.

После перевязки в госпитальном крыле София вернулась в казарму. Металлическая дверь за её спиной закрылась с тихим, маслянистым шелчком. В общем боксе было непривычно тихо — остальная группа, похоже, всё ещё задерживалась в огромном зале столовой.

Но комната не пустела. На своей кушетке, по-хозяйски закинув ногу на колено, уже сидел Руслан. В его татуированных руках, покрытых чернильной вязью из шипов и роз, была какая-то старая, потрёпанная книга с пожелтевшими страницами. Увидев вошедшую Софию, он ехидно усмехнулся своими тонкими губами и демонстративно отложил чтиво на железную тумбочку. Руслан вальяжно откинулся спиной на подушки, заложил руки за голову и принялся неотрывно прожигать девушку проницательным, наглым взглядом.

София молча прошла к своей койке, стараясь не обращать внимания на его давящее присутствие.

— Что, Громова, всё ещё не отошла от наших лесных монстров? — вкрадчиво, с ленивой ухмылкой нарушил тишину Руслан. Он наклонил голову набок, сканируя её бледное лицо. — Или тебя наш утренний Маратик так сильно смущает своими пацанскими подкатами за завтраком?

София замерла у края своего матраса. Внутри неё снова закипела гордость, упрямо вытесняя липкий страх перед этим лидером. Она резко развернулась к нему лицом и холодно процедила сквозь зубы:— Твой друг мне совершенно безразличен, Руслан. Как и его плоские шутки.

Вожак казармы тихо, хрипло рассмеялся, явно довольный тем, что смог вызвать у «принцессы» хоть какие-то эмоции. — Да ладно тебе, не колючесть тут врубай, — протянул он, сузив глаза. — Если не Марат, то кто же тебе тогда здесь нравится? Неужели Грач со своими дебильными магнитными погремушками?

София проигнорировала вопрос про Илью. Она просто устало села на свою кровать, выпрямив спину и упрямо скрестив руки на груди, чтобы защитить своё личное пространство. — Никто, — жёстко и отчётливо отрезала она, глядя Руслану прямо в глаза. — Я здесь точно не для того, чтобы любовные интрижки заводить, как ваша Камила. И спать ни с тобой, ни с кем-либо ещё в этой казарме я не собираюсь. У меня другие цели — выжить и вернуться домой.

Руслан пару секунд молча разглядывал её точёный профиль и чернильный водопад непослушных кудрей. На его лице не дрогнул ни один мускул, а в глазах плясали опасные огоньки.

— Посмотрим, принцесса, — лениво и самоуверенно проговорил Руслан, качнув головой. — Мы тут надолго. Судя по сбоям Системы и тому, как нас фильтруют, этот ад затянется, пока мы все нахрен не сдохнем. Так что в любом случае, так или иначе, тебе со временем станет слишком страшно и одиноко. Ты сама захочешь с кем-то себя связать, чтобы не сойти с ума под этим бетонным потолком. И если этот момент настанет... могу предложить себя. Чисто без обязательств и сопливых нежностей. Со мной надёжнее, Громова.

София аж задохнулась от такой запредельной наглости. Её щёки мгновенно вспыхнули от возмущения и дикой брезгливости. — Катись ты! — яростно шикнула она ему в ответ, резко поднимаясь с матраса.

Оставаться в одном замкнутом боксе с этим самоуверенным типом было выше её сил. София круто развернулась на пятках и быстрым, размашистым шагом направилась прочь из

казармы. Она так сильно торопилась уйти, что у самого порога, в узком дверном проёме, со всего размаху столкнулась плечом с возвращавшимся в бокс Ильёй.

От сильного удара о его массивную широкоплечую фигуру Софию слегка отшатнуло в сторону. Илья, чей козырёк чёрной кепки был низко надвинут на лоб, замер, удивлённо приподняв брови и инстинктивно протянув руку, чтобы придержать её за талию. Но София, раздираемая злостью на Руслана, брезгливо и грубо отпихнула его мощное плечо в сторону:— Отвали! — бросила она на эмоциях.

Илья лишь нахмурился, его глаза опасно сузились. Он молча проводил её хмурым, тяжёлым взглядом. София, даже не обернувшись, упрямо ушагала дальше по длинному холодному коридору Лимба, направляясь напрямик в сторону кабинета Германа — туда, куда инструктор и вызвал её.

Он медленно развернулся к Руслану и, набычившись, хмуро спросил:

— Что это с ней? Какая муха её укусила, что она на людей бросается?

Руслан, всё ещё вальяжно лежавший на подушках, закинул руки за голову и ехидно, нагло прищурился. На его губах играла сытая ухмылка, который обожал чужой контроль выводить из строя.

— Да брось ты, Грач, — лениво протянул он, косясь на соседа. — Всё просто. Девчонка хочет меня, но пока что это дико отрицает. Громова же у нас гордая, ей статус не позволяет уличным пацанам на шею вешаться. Вот её и бомбит изнутри.

Руслан заливисто, хрипло рассмеялся на весь пустой бокс, явно довольный своей собственной шуткой.

Илья от такой самоуверенности соседа лишь презрительно скривил лицо.

— «Хочет придушить» — ты, наверное, хотел сказать? — жёстко, с глубоким презрением отрезал Грач.

— О-о-о, если бы... — снова громко, басовито посмеялся Руслан, подмигнув Илье и возвращаясь к своей потрёпанной книге. — Поверь моему опыту, Грач: от ненависти до постели у таких примерных девочек — один шаг. В этом бетонном мешке мы все рано или поздно ломаемся.

Илья лишь недовольно покачал головой, понимая, что спорить с этим идиотом — только время терять.

— Дурдом... — глухо и утомлённо отозвался он, уваливаясь спиной на свой матрас и упрямо отворачиваясь в сторону пустой койки Софии. — Ей-богу, дурдом какой-то устроили.

глава 9

Отражение в чужой тьме

Кабинет Германа кардинально отличался от холодной серости общей казармы, но уютом здесь и не пахло. Это был глухой, запертый со всех сторон бункер, залитый синеватым светом. Половину центральной стены занимал электронный монитор, разделенный на десятки мелких, непрерывно мигающих окон. София, сжавшись на жестком металлическом стуле в центре комнаты, невольно всматривалась в эти экраны. На них в режиме реального времени транслировалась жизнь других казарм Лимба. Где-то люди в таких же серых робах испуганно молились, где-то бились в истерике, а на одном из мониторов София с ужасом заметила пустой бокс, где на полу сиротливо лежали лишь кучки серого, безжизненного пепла. Система следила за каждым их вздохом.

Герман медленно ходил взад-вперед по кабинету. Его тяжелые армейские ботинки глухо чеканили шаг по металлическому настилу пола. На нем по-прежнему была маска, закрывающая нижнюю часть лица, и низкая кепка, но сейчас, в полумраке кабинета, его ледяные глаза казались не пугающими, а бесконечно уставшими.

Инструктор резко остановился у своего стола, заваленного тактическими картами и какими-то медицинскими картами, и повернулся к девушке.

— Как рука, Громова? — глухо, через ткань маски отозвался он. — Препарат Эвелины подействовал? Как общее самочувствие после вчерашнего полигона?

София растерянно моргнула, крепче сжимая пальцы на здоровой руке. Она совершенно не понимала, почему этот жесткий, монументальный мужчина, который еще вчера называл их «мясом» и хладнокровно обещал смерть за малейшую ошибку, сейчас проявляет к ней такое странное, почти ювелирное внимание. В его голосе не было привычной издевки Руслана или наглости Марата. Там сквозило что-то другое. Что-то, от чего внутри у Софии становилось не по себе.

— Повязка держит, боль почти прошла, — тихо ответила она, упрямо заглядывая в его скрытое маской лицо. — Спасибо... если это уместно говорить в этом месте. Но почему вы спрашиваете? Вчера вы ясно дали понять, что Системе плевать на наши жизни. Так почему сейчас вы... переживаете?

Герман на пару секунд замер, и в кабинете воцарилась звенящая тишина, прерываемая лишь тихим писком аппаратуры слежения. Он медленно подошел к панорамному экрану, заложив руки за спину, и уставился на мигающие казармы.

Причина его странного поведения была скрыта глубоко под этой броней и тактической экипировкой. София не могла этого знать, но она была до безумия, до дрожи в руках похожа на его любимую девушку — ту самую, которая несколько лет назад так же, как и Громова, очнулась на железной кушетке Лимба. Герман тогда был таким же обычным участником, судорожно пытавшимся защитить свою хрупкую, зеленоглазую половинку с непослушными кудрями. Но Система оказалась сильнее. В одном из жестоких раундов отбора он не успел, не удержал, совершил ошибку — и его любимая рассыпалась в пепел прямо на его глазах, оставив после себя лишь серую пыль на бетонном полу. Герман выжил, прошел все круги этого ада, но вернуться в реальность так и не смог. Он остался здесь, заключив сделку с Кураторами и превратившись в бездушного инструктора, выжигающего в себе остатки человечности. Пока в его сектор Лимба по роковой ошибке Системы не привезли Софию Громову, которая каждым своим жестом, гордым поворотом головы и кудрявой прядью волос безжалостно рвала его старые, затянувшиеся шрамы.

— Система не прощает слабости, Громова, — тихо, но как-то слишком надтреснуто говорил Герман, не поворачиваясь к ней. — Но иногда... иногда Лимб совершает ошибки, швыряя под колёса отбора тех, кто слишком сильно напоминает о прошлом.

Герман замолчал. В синеватом полумраке его кабинета это признание прозвучало на удивление глухо и надтреснуто. Он медленно поднял руку, зацепил пальцами край плотной тёмной ткани и одним плавным, неторопливым движением стянул с себя маску. Мужчина остался стоять перед ней только в чёрной кепке, козырёк которой по-прежнему отбрасывал глубокую тень на его лоб.

София, сидевшая на стуле, инстинктивно подалась назад. Её спина плотно прижалась к спинке, а пальцы судорожно впились в ткань серого комбинезона на коленях. Она немного напряглась, во все глаза разглядывая открывшееся лицо инструктора. Внутри неё, словно от удара током, проснулось странное, непреодолимое чувство — Софи казалось, что она знает это лицо. Резкие, волевые черты, глубокая складка между бровей, упрямый разлёт губ... Всё это было ей до безумия знакомо. Но истерзанная память упрямо выдавала лишь пустоту. Она отчаянно пыталась вспомнить, где, в какой из прошлых жизней она могла его видеть, но воспоминания ускользали, как серый туман Лимба.

Герман не обратил внимания на её замешательство. Он сделал два шага вперёд, сокращая дистанцию, и остановился прямо напротив неё. Его тяжёлый, немигающий взгляд ледяных глаз сфокусировался на правой стороне её шеи.

— Царапины, которые тебе оставила эта тварь на шее, могут мутировать, — ровно, без капли жалости отчеканил он. — Пойми меня правильно, Громова. Слюна и кровь этих монстров токсичны. Система не всегда успевает заблокировать чужеродные организмы в тканях. Именно поэтому мы за тобой сейчас так пристально и следим. При любом, даже самом минимальном изменении кожи, жжении или ухудшении самочувствия тебе стоит говорить мне сразу же. Без промедления.

София похолодела. Слова Германа упали на неё мёртвым свинцовым грузом. Паника, которую она так усердно пыталась смыть ледяной водой в душевой, вернулась с новой силой. Сердце испуганно забарабанило о рёбра. Она судорожно потянулась пальцами к своей шее, нащупывая подсохшие, стянутые корки от когтей мелкого монстра. Ей показалось, что кожа там мгновенно стала горячей, пульсирующей.

— В смысле... мутировать? — её голос сорвался на испуганный, прерывистый шёпот. Она вытаращила на него глаза. — Вы хотите сказать... я стану как то, что меня уцарапило? Я превращусь в одну из этих склизких слепых тварей?!

Герман смотрел на неё сверху вниз абсолютно безмолвно. Его лицо без маски казалось высеченным из камня. И на этот страшный, безумный вопрос он лишь медленно, весомо кивнул головой.

У Софии перехватило дыхание. Перед глазами на секунду всё поплыло. Синеватый свет мониторов, на которых по-прежнему мигали чужие казармы Лимба, показался ей адским пламенем. Стать монстром. Потерять разум. Бегать по потолку лабиринта и жрать таких же испуганных людей, каким был Мирон.

— Такое... такое уже было здесь? — София сглотнула подступивший к горлу горький ком, чувствуя, как на лбу выступает холодный пот. — Кто-то уже... превращался?

Герман снова молча кивнул. Он отвернулся от неё, заложив руки за спину, и уставился на панорамный экран, где в одном из окон служащие Лимба как раз зачищали пустой бокс.

— Да, — глухо отозвался он после долгой, удушающей паузы. — Было. Несколько циклов назад один из участников скрыл глубокий укус на плече. Думал, обойдётся. На третьи сутки Система зафиксировала отказ человеческих рецепторов. Его разум отключился раньше, чем тело успело перестроиться. Мы нашли его уже на полигоне. Он больше не помнил своего

имени. Он помнил только голод. Пришлось активировать протокол уничтожения и пустить его в пепел.

София задрожала всем телом. Вся её гордость, вся её внутренняя защита сейчас рухнули, оставляя её один на один с пугающей бездной. Мысль о том, что внутри её собственного тела прямо сейчас может зреть яд монстра, сводила с ума.

— Пока окончательно не выясним, никому не говори ничего, — Герман вернул маску на лицо, и его голос снова приобрёл тот самый мертвенный, глухой оттенок. — А теперь иди и готовься к испытанию.

София лишь послушно кивнула, хотя её сердце всё ещё испуганно колотилось о рёбра от пугающих мыслей о возможной мутации. Она молча вышла из кабинета. Весь путь по тёмным коридорам до жилого блока она прошла как в тумане, судорожно сжимая кулаки и пытаясь переварить услышанное.

Но стоило ей переступить порог и войти в казарму, как тишину бокса внезапно разорвал оглушительный, до безумия противный писк сирены. Лампы под потолком мгновенно вспыхнули агрессивным багровым светом, а из динамиков раздался хриплый, незнакомый мужской голос, от которого у Софии по спине пробежал холодок:

— Внимание, мясо! Общий сбор! Построиться вдоль кроватей! Живо!

Девять выживших участников подорвались со своих матрасов. Атмосфера в казарме в секунду накалилась до предела. В этот раз вместо привычного Германа металлическая дверь с грохотом отлетела в сторону, и внутрь размашистым шагом вошёл совершенно другой инструктор. Он был заметно ниже Германа, но гораздо шире в плечах, коренастый, с грубым, рябым лицом и коротким обрубок вместо левого уха. От всего его облика веяло первобытной жестокостью. Из-под его тактической кепки на ребят смотрели маленькие, пороссячи глазки. Этот мужик пришёл побеждать и ломать.

Он остановился по центру бокса, скрестив мощные руки на груди, на которых отчётливо вздулись вены. — Моё имя — Тарас, — хрипло, с явным пренебрежением прорычал он, сплёвывая прямо на чистый бетонный пол. — Герман сегодня занят на нижних ярусах. Так что рулить вашим отбором буду я. И сразу предупреждаю: я церемониться не люблю. Жалоб не принимаю. Сегодня Система приготовила для вас задание парами. Командный зачёт окончен, теперь ваша выживаемость зависит от того, насколько эффективно вы сработаетесь со своим напарником. И распределять пары я буду сам, на свой собственный вкус.

Тарас медленно пошёл вдоль шеренги, чеканя шаги тяжёлыми армейскими ботинками. Его маленькие глазки сканировали ребят, выискивая слабые места. Он остановился напротив Руслана, ухмыльнулся, а затем перевёл взгляд на бледную Софию, которая стояла в самом конце ряда.

— Так... Номер один и номер десять. Громова София, встаёшь в пару с Русланом.

София внутри вся сжалась. Ей показалось, что бетонный пол уходит у неё из-под ног. Встать в пару с этим наглым бандитом, который ещё час назад делал ей грязные намёки? Это был худший кошмар из всех возможных.

Руслан же, услышав приказ, лишь вальяжно ухмыльнулся, перекатывая в зубах свою неизменную зубочистку, и бросил на Софию победный, взгляд.

Тарас двинулся дальше, останавливаясь напротив Камилы и Ильи:

— Брюнетка и амбал с железками. Грачев Илья, твоя напарница — Камила. Посмотрим, как твоя спесь выдержит эту дамочку.

Илья от такого распределения заметно помрачнел. Его брови сошлись на переносице, лицо стало каменным, а кулак в кармане рубы намертво сжал неодимовые сферы, заставляя их испуганно замолчать. Камила же, напротив, довольно сощурила глаза и бросила на Илью хищный, заигрывающий взгляд. Её план по обретению сильного мужского крыла сработал идеально.

Инструктор пошёл дальше, быстро распределяя оставшихся:

— Ксюша и Миша — третья пара. А ты, качок... — Тарас ткнул пальцем в грудь Марата, — ...забираешь оставшихся девок. Марат, Света и Оля. Будете бежать втроем. Света с изломанной ногой, так что, качок, если не хочешь пеплом стать, будешь тащить её на себе.

Ребята синхронно переглянулись между собой. Напряжение в казарме Лимба достигло своего апогея, мгновенно спровоцировав волну пошлых уличных шуточек от парней. Марат дико, во всю глотку заржал на весь бокс, поигрывая своими забитыми пламенем плечами и косясь на испуганную Олю и дрожащую Свету:

— Ого! Ну ни хрена себе расклад! Спасибо, командир! Сразу две цыпочки в моё личное распоряжение! Олька, Светка, не ссыте, папочка Марат вас обеих согреет, прямо на полигоне и распределим обязанности!

Руслан тоже не удержался от наглой ухмылки, лениво подаваясь корпусом в сторону застывшей Софии. Он наклонился к её кудрявой пряди волос и негромко, так, чтобы слышал только стоявший рядом Илья, ехидно прошептал:

— Ну что, принцесса? Придётся тебе всё-таки связать свою судьбу со мной, без обязательств. Физику Системы не обманешь, теперь мы в одной связке.

София в ярости прикусила губу, чувствуя, как щёки горят от стыда и злости, а Грач рядом с ними набычился так сильно, что на его шее вздулись канаты вен. Ему безумно хотелось прямо сейчас всадить кулак в эту физиономию, но Тарас резко хлопнул в ладоши, прерывая их пацанские разборки.

— Кончай базар, мясо! — гаркнул новый инструктор, указывая на открывшуюся дверь. — Оружие ждёт вас на старте. На выход! Из казармы, шагом марш!

Один за другим массивные гидравлические затворы с грохотом отрезали пары друг от друга. Их распределили по небольшим, абсолютно изолированным комнатам, напоминающим глухие бетонные карцеры, и закрыли изнутри. В помещении номер один, куда затолкнули Софию и Руслана, мгновенно воцарилась душная, давящая тишина. Стены из серого монолита, казалось, сжимались, а тусклый свет софитов под потолком делал обстановку ещё более злобещей.

Руслан, едва замок защелкнулся, лениво выплюнул зубочистку на пол и сразу стал шутить, вальяжно осматривая тесный бокс:

— Ну надо же... А Система-то знает толк в развлечениях. Очень интимненько даже, принцесса. Только ты, я и четыре стены. Жаль, шампанского не завезли.

София лишь от его наглого, напористого тона вжалась спиной в холодный бетон стены. Сердце испуганно заколотилось в груди, а пальцы судорожно впились в ткань робы. Но Руслан останавливаться не собирался. Пользуясь тем, что в этой коробке никто не помешает, он в два широких шага сократил дистанцию и навис сверху, нагло перекрывая ей любой путь к отступлению. Его сильные руки бесцеремонно легли на её бедра, обвивая её тонкую талию и прижимая к себе.

— Отвали! — яростно прошипела София, со всей силы упираясь ладонями в его грудь и отталкивая от себя. — Убери руки, урод!

И тут, разрушая накал его страстей, прямо под потолком с сухим щелчком ожил динамик, и из него раздался громкий, раздраженный голос нового инструктора:

— Номер один, твою мать! Выполняй задание Системы, а не в трусы Громовой лезь!

Руслан ничуть не смутился. Он лишь задорно, во всю глотку заржал, задрав голову к динамику, и дерзко крикнул в ответ на всю Систему:

— Слышь, командир! А давайте сначала в трусы, а потом уже задание?! Так дело быстрее пойдет, гарантирую!

В этот самый момент в комнате номер два Камила стояла и заливисто, наигранно хихикала, закинув голову назад — трансляция звука из первой комнаты была включена на полную

мощность, и эту пикировку слышали абсолютно все пары. Брюнетка, решив, что это отличный повод для атаки, тоже начала активно крутиться вокруг Ильи. Она кокетливо прикусывала пухлую губу, лениво вела пальчиком по его широкому плечу и заглядывала в глаза:

— Ну что, Илюш... Слышал, как там Русланчик развлекается? Может, и нам не стоит время терять? Вдвоем ведь веселее выживать.

Но Илья её энтузиазма не разделил. Он лишь хмуро, с презрением отпихнул её руку от себя, даже не посмотрев на неё, и продолжил сосредоточенно разглядывать углы помещения в поисках выхода.

Камила от такого жесткого отлупа мгновенно уязвлено вспыхнула. Её глаза сузились, а на губах появилась злая ухмылка:

— Ты чё такой деревянный, Грач? Может, ты импотент вообще? Настоящих женщин боишься?

Илья на секунду замер. Он медленно повернул к ней голову, нахмурился и, лениво усмехнувшись, бросил прямо в её красивое порочное лицо:

— На нормальных женщин у меня всё отлично, Камил. Просто на тебя не стоит. Не люблю сук.

Брюнетка от такого прямого оскорбления мгновенно обиделась, её лицо перекосило от злости. Она резко отступила назад, скрестив руки на груди и яростно процедив:

— Ну и хрен с тобой! Проходи тогда это задание один, придурок! Посмотрю я, как ты без меня тут загнешься!

И в эту секунду, прерывая их разборки, динамики во всех комнатах затрещали, и леденящий голос дежурного Куратора объявил правила раунда:

— Внимание, группы! Протокол «Изоляция». Ваша задача — разгадать логический замок и выбраться из комнаты раньше, чем вы сдохнете.

В ту же долю секунды под потолком зажегся цифровой таймер обратного отсчета, и по всем комнатам раздался противный, оглушительный электронный сигнал старта. Час пошел.

Вместо ожидаемого удушья от нехватки воздуха под ногами послышался зловещий, klo-кочущий звук. Бетонный пол карцера в ту же секунду покрылся ледяной плёнкой, и комната стала потихоньку наполняться водой. Она хлестала сразу из нескольких скрытых технологических отверстий у основания стен, прибывая с пугающей скоростью.

Руслан и София тут же напрочь забыли про недавние дурачества. Опасность отрезвила лидера в одно мгновение. Он метнулся к самому крупному напору, оценивая ситуацию, а затем, не теряя ни секунды, рванул замок своего комбинезона и полностью стянул его с себя, оставаясь в одних чёрных боксёрах. Его рельефное тело, густо покрытое чернильными розами, блеснуло в холодном свете софитов.

София от такой внезапной демонстрации мужской наготы в тесном пространстве испуганно отшатнулась и тут же нервно буркнула:

— Ты издеваешься, да?! Сейчас не время раздеваться, Руслан!

— Меньше слов, Громова! — огрызнулся он, напрочь растеряв свою ленивую вальяжность, и со всей силы стал затыкать плотной тканью своего комбеза бурлящую дыру, откуда поступала вода. — Так, принцесса, отставить стеснения! Снимай свою одежду, живо! Тут с твоей стороны ещё одна дыра свистит, её держать надо. Давай, давай! Пока ты мнёшься, мы тут нахрен захлебнёмся через пару минут!

Вода уже поднялась Софии по щиколотку, обжигая кожу ледяным холодом. Понимая, что этот амбал прав и на кону стоят их жизни, девушке ничего не оставалось.

— Отвернись! Пожалуйста, отвернись! — выкрикнула она, судорожно расстёгивая замки.

Руслан со страдальческим стоном закатил глаза и упрямо повернулся к стене. София одним быстрым движением стянула с себя робу, оставаясь в стандартном белье Системы —

коротком чёрном спортивном топе и трусиках-слипах. Но её фарфоровая, усыпанная каплями воды кожа недолго оставалась скрытой от чужих глаз. Руслан, наплевав на приличия, нагло обернулся и заиграл бровями, сканируя её точёную фигуру.

— У-ля-ля-а-а! — во всю глотку закричал он на весь изолированный блок, и его голос эхом разнёсся по динамикам Системы. — А мне это задание начинает чертовски нравиться!

Прежде чем София успела передумать или ударить его, он резко вырвал её комбинезон из рук и намертво забил им второе отверстие, сдерживая напор.

В этот самый момент в остальных комнатах каждый выживал как умел. Кто-то просто панически метался по углам, судорожно ища, как выбраться. В комнате номер два Камила уже была мокрая до нитки, её роба облепила тело, и она истошно, со слезами выла, проклиная всё на свете, пока Илья действовал с холодной головой. Он не стал тратить время на затыкание дыр — его глаза вовремя приметили круглый аварийный люк под самым потолком. Илья подтянулся на руках, с вырвал железную задвижку и уже наполовину вылез через верх в безопасную зону технического коридора.

Он свесился вниз, протягивая Камиле свою ладонь:

— Ты либо лезешь за мной прямо сейчас, либо можешь оставаться здесь и купаться, — сухо и лениво бросил он ей сверху.

Брюнетка, оскорблённая его отказом, злобно зыркнула на него, демонстративно проигнорировала протянутую ладонь и, упрямо пыхтя и скользя ботинками по мокрому бетону, стала сама коряво вылазить через узкий верхний проход, отказываясь от его помощи.

А вот Софии с Русланом повезло гораздо меньше. Хотя они и стояли посреди карцера полуголые, прижавшись друг к другу спинами, и действовали сообща, условия Системы для них оказались другими. У них в комнате не было никакого спасительного люка наверху. Потолок оставался глухим монолитом. Им нужно было во что бы то ни стало открыть заклинившую дверь.

— Твою мать! — яростно рычал Руслан, до крови сдирая пальцы о железные затворы и не зная, как её открыть. — Тут электронный блок заблокирован!

Вода прибывала с катастрофической скоростью. Она уже поднялась им по грудь, затем по шею, и в туннеле не осталось свободного пространства. Комната заполнилась целиком. Им пришлось нырять в ледяную глубь, задерживая дыхание.

«*Чёрт, принцесса, прости... я не знаю как*», — успел проговорить Руслан, когда вода почти полностью покрыла его голову.

Они ушли под воду с головой, сделав свой последний судорожный глоток воздуха. Вокруг царил зловещий синеватый полумрак. Руслан отчаянно дёргал заклинившие рубильники на стене, но его мокрые руки соскальзывали с гладкого металла. София, преодолевая парализующий холод, сориентировалась мгновенно. Она нырнула на самое дно, выдернула из дыры один из их забитых комбезов и под водой быстро намотала плотную ткань на рукоять главного рычага. Схватившись за концы одежды вместе, чтобы руки больше не скользили, они с Русланом одновременно, с диким усилием дёрнули рубильник вниз.

Механизм поддался. Массивная дверь карцера со скрежетом отлетела в сторону, и София с Русланом вместе с ревущей волной ледяной воды просто с грохотом вылетели на бетонный пол общего коридора.

Они тяжело повалились на мокрый настил, жадно, со свистом хватая ртом воздух и пытаясь прийти в себя. Руслан лежал на спине, раскинув руки, а София от силы вылетевшей волны оказалась распротёртой прямо на его широкой груди, содрогаясь от озноба.

И вся остальная девятка выживших, которые уже успешно выбрались через верхние люки своих комнат и стояли в коридоре сухие и чистые, сейчас во все глаза смотрели на это эпичное зрелище. Камила, Ксюша, Миша, Оля и Марат застыли в паре метров, разглядывая полуголую, прижатую друг к другу пару.

— Вы... чёртовы уроды... — хрипло, едва переводя дыхание, прорычал Руслан, всё ещё крепко, инстинктивно удерживая Софию за талию на своей груди и не давая ей упасть.

Камила, стоявшая впереди всех, вдруг заливисто, издевательски рассмеялась на весь коридор, указывая на них пальцем:

— Ха-ха-ха! Ну надо же, какая драма! Что, Русланчик, развернул свои широкие плечи, а в люк-то не пролез? Пришлось через парадный вход с принцессой выплывать?

Руслан и София от этих слов синхронно вздёрнули головы вверх, уставившись на хохочущую брюнетку, мокрыми лицами.

— У вас... у вас что, у всех был люк?! — ошарашенно проговорил Руслан, переводя взгляд с одного участника на другого.

Все присутствующие молча и синхронно кивнули головами.

— Эй, командир! А где, блядь, был наш люк?! — во всю глотку проорал Руслан, резко поднимаясь с пола и помогая Софии встать. Он яростно задрал голову к потолочным динамикам Системы.

София мгновенно соскочила на ноги. Осознав, что она стоит посреди коридора перед всей казармой в одном мокром топе и трусиках, которые облепили тело, она судорожно сжала себя руками за плечи, пытаясь хоть как-то прикрыться от чужих взглядов. Её всю крупно, неудержимо трясло — и от дикого стыда, и от ледяной воды. Кудрявые чёрные волосы мокрыми змеями облепили её шею.

— Вы, грёбанные уроды! — хрипела София сквозь зубы, сверля взглядом невидимых Кураторов. — Ещё бы льда в эту воду пизнули для пущего эффекта! Чтобы мы прямо там окочурились!

Илья тут же, не говоря ни слова, торопливым движением стащил с себя сухую куртку-робу и протянул её Софии. Девушка лишь ошарашенно посмотрела на него выпученными глазами, всё ещё прижимая локти к телу и шумно, прерывисто дыша от парализующего холода. Она не ожидала, что этот хмурый одиночка, вечно твердивший про «каждый сам за себя», вот так без раздумий разделенется ради неё перед всеми.

— Чего смотришь? Надевай, — хмуро бросил Илья, набычившись и упрямо отводя взгляд в сторону. — Одежда хоть и мокрая снизу, но не полностью. Живо накидывай, пока воспаление лёгких здесь не словила.

София спорить не стала — зубы уже выстукивали безумную чечётку. Она перехватила плотную ткань и тут же нацепила её на себя, буквально утопая в его огромной куртке. Вещь Ильи, рассчитанная на его широкие плечи и рост под метр девяносто, закрыла её почти до самых колен. От ткани всё ещё шло приятное мужское тепло и едва уловимый запах его тела, который немного успокаивал разыгравшуюся панику.

Камила, увидев этот благородный жест со стороны Грача, мгновенно уязвлённо вскинулась. Её глаза хищно сузились от ревности. Желая вернуть себе внимание самого сильного парня казармы и демонстративно уколоть Софию, брюнетка тут же кошачьим движением прильнула к обнажённому торсу Ильи:

— Ой, Илюш... Какой ты у нас заботливый, оказывается, — Камила приторно, наигранно замурлыкала, начиная нагло разглаживать ладонями его крепкую спину и литую грудь, на которой поблёскивали капли пота. — Давай я тебя собой согрею, раз уж ты у нас теперь такой раздетый остался. Мне не жалко, ты же знаешь...

Илья даже бровью не повёл на её кокетство. Лицо парня стало каменным, а в глазах промелькнуло такое отвращение, что Камиле стоило бы отступить сразу. Он резко, со всей силы отпихнул её от себя — так, что брюнетка от неожиданности сделала широкий шаг назад, едва не потеряв равновесие на мокром кафеле.

— Марат, забирай свою бабу и отлепи от меня эту сучку, — жёстко, с опасным хриплым басом проговорил Илья, даже не глядя на уязвлённую Камилу.

Грач бесцеремонно перехватил Софию за плечо и, втягивая её в сторону железных дверей, в которые они входили изначально, увёл подальше от общего коридора.

Спустя минуту вся девятка выживших снова стояла в стартовом коридоре перед строем. Зрелище было по-настоящему диким. Руслан и Илья стояли в одних трусах-боксёрах и тяжёлых тактических ботинках, скрестив руки на грудных клетках и упрямо глядя перед собой. София куталась в огромную куртку Грача, Оля сочувственно вздыхала рядом.

— Ну что, обтекаете, штурмовики? — хрипло прорычал инструктор, поправляя кепку на рябой голове. — В ком сколько грязи внутри сидит, тот так тяжело и вылезал сегодня из Системы. Лимб — он такой, всю гниль наружу выводит.

Тарас сделал шаг ближе к Руслану, заглядывая вожаку прямо в его злые чёрные глаза, и с тяжёлым нажимом отчеканил:

— А следом за грязью идёт и кара. В следующий раз будешь думать, лидер хренов, как своим языком чесать перед стартом раунда и в чужие трусы заглядывать. Система шуток не понимает. На сегодня тест окончен. Свободны. Марш в загон, мясо!

По коридору раздался металлический лязг открывающихся дверей казармы. Руслан лишь с хрустом сжал челюсти, не проронив ни слова.

глава 10

Гнилая рокировка

В Лимбе, где не существовало календарей, ориентироваться приходилось по условным циклам сна и бодрствования. За это время в казарме произошли перемены. По правилам Системы, о которых так сухо вещал Герман на складе, у Светы и — по иронии судьбы — у Камилы одновременно наступили «эти дни».

Обе девчонки теперь абсолютно законно и безумно радостные валялись на своих кушетках вот уже вторые сутки подряд. Камила, завернувшись в серое одеяло как королева на троне, лениво пила воду и с откровенным злорадством наблюдала за остальными. Пока девчонки отдыхали, остальная группа проходила бесконечные, изнуряющие испытания. Правда, Система словно взяла небольшую паузу: физической жести вроде лабиринта не было, в основном начались психологические тесты и опросники. Ребят часами мариновали в изолированных кабинках, где они просто на автомате отвечали на сотни дебильных вопросов на экранах, выжигая остатки мозгов.

Но настоящий кризис назрел с другой стороны. Марат, лишённый своего утреннего «допинга» в душевых, ходил по казарме злой и голодный как цепной пёс. Камила из-за своего положения теперь хладнокровно крутила ему хвост и отказывала в любых интимных ласках. Амбал бесился, хрустел кулаками, скалился на Руслана и в итоге не нашёл ничего лучше, как снова переключить своё извращённое внимание на Софию. Громова для него оставалась нетронутым, пафосным трофеем, который дико хотелось сломать.

В один из таких тягучих предвечерних часов Систему окончательно заглощило, и в боксе объявили свободное время. Часть ребят сразу забрали на какие-то плановые медицинские осмотры к Эвелине, кто-то ушёл просто прогуляться по длинным серым коридорам, куда Кураторы позволяли выходить для разминки. Илья, уставший после трёх часов занудного психологического теста, молча подхватил полотенце и ушёл в душ, надеясь смыть липкое мышечное напряжение.

София осталась одна. Сидеть в душном боксе под надменным взглядом Камилы было невыносимо, поэтому она тоже вышла наружу. Девушка медленно гуляла одна по пустому каменному коридору, заложив руки в карманы робы и внимательно всматриваясь в серые бетонные блоки. В коридорах царил полумрак, эхо от её шагов гулко разносилось по стенам.

Камила, заметив из казармы, что София ушла в глухое крыло в полном одиночестве, решила, что это идеальный шанс проучить эту «высокомерную святошу» за позор в коридоре. Брюнетка хищно прищурила глаза, сползла с койки и подошла к Марату, который в ярости пинал железную ножку стола.

— Слышь, качок, — вкрадчиво, со змеиной полуулыбкой зашептала Камила, кокетливо накручивая прядь чёрных волос на палец и кивая на дверь. — Ты тут сидишь, кулаками машешь, а твоя любимая принцесса Громова прямо сейчас за твоей спиной гнилой заговор строит.

Марат замер, его шрамированная бровь уродливо дёрнулась вверх. — Чё ты несёшь, баба? Какой ещё заговор?

— А такой! — Камила ехидно прыснула, подливая масла в огонь. — Я своими ушами слышала, как она вчера с Мишей на тесте шепталась. Софиечка наша собирается на следующем командном испытании подставить тебя. Она хочет сдать тебя Кураторам как балласт, чтобы Систему умиловить. Говорит, от Марата толку ноль, только баб лапает. Так что она тебя

сольёт, качок, и глазом не моргнёт. А сейчас пошла в дальний коридор, небось, с Германом шуры-муры крутит, чтоб тебя в пепел пустили.

У Марата от этой наглой лжи Камилы мгновенно сорвало остатки крыши. Его лицо налилось багровой уличной яростью, а в глазах помутилось от злости. — Ах ты ж сука... — прорычал амбал, сжимая огромные кулаки так, что вены вздулись канатами. — Ну я ей сейчас устрою заговор! Я из этой фарфоровой куклы всю дурь выбью!

Марат вылетел из казармы как ошпаренный, тяжело топая берцами по бетону. Он быстро нашёл Софию в самом конце тупикового коридора — она как раз стояла у распределительного щитка, спиной к нему.

Услышав тяжёлые шаги, София судорожно обернулась, но отреагировать не успела. Марат с диким, звериным рыком подлетел к ней, напрочь теряя человеческий облик. Он с размаху, со всей своей профессиональной бойцовской силой припечатал её спиной к бетонной стене. София испуганно пискнула, но в следующую секунду огромная, мозолистая ладонь амбала намертво схватила её прямо за горло, нагло перекрывая доступ к воздуху.

— Попалась, тварь! — бешено зашипел Марат ей прямо в лицо, брызжа слюной. Из-под его закатанных рукавов бугрились татуировки. — Заговор против меня строить вздумала?! Решила папочке-Герману пожаловаться и меня под Систему слить?! Да я тебя, сука, сам здесь закопаю! Ты сдохнешь первая в этой казарме, поняла?! Первой на пепел пойдёшь, мразь!

София захрипела. Пальцы Марата давили на гортань с такой чудовищной силой, что в глазах мгновенно поплыли тёмные круги. Она судорожно пыталась бить его своими маленькими кулаками по лицу, царапала его мощные руки, но для стокилограммового качка это были лишь комариные укусы.

— Слышишь меня?! Балласт хренов! — Марат окончательно озверел от её сопротивления.

Не разжимая хватки на горле, он с размаху нанёс ей короткий, жестокий удар кулаком точно под дых, в область солнечного сплетения.

Удар был такой силы, что Софию буквально согнуло пополам. Весь остаток воздуха с глухим, болезненным хрипом мгновенно вылетел из её лёгких. Внутри всё скрутило диким, парализующим спазмом. Глаза девушки расширились от нечеловеческой боли, она начала задыхаться, не в силах сделать даже микроскопический вдох. Марат на секунду ослабил хватку на её шее, собираясь нанести следующий удар и окончательно сломать девчонку.

И эта секундная заминка спасла её жизнь. Ведомая чистым, животным адреналином выживания, София кое-как собрала последние силы. Она резко, со всей дури вскинула ногу и точным ударом тяжёлого тактического ботинка зарядила Марату прямо промеж ног.

Амбал взвизгнул от неожиданности и острой боли, его пальцы соскользнули с её шеи, и он попятился назад, хватаясь за пах. София, согнувшись в три погибели, судорожно хватая ртом холодный воздух и хрипя от боли в отбитых рёбрах, кое-как вырвалась из тупика. Не помня себя от ужаса, она пулей бросилась бежать прочь по тёмному коридору, утопая в слезах и панике, пока Марат с диким матом разворачивался, чтобы броситься в погоню.

София, кряхтя и задыхаясь от жуткой боли в отбитом солнечном сплетении, из последних сил бежала по серому коридору. Воздуха в лёгких катастрофически не хватало, каждый шаг отзывался острой судорогой внутри. Кое-как доковыляв до жилого сектора, она влетела в казарму. В общем боксе было пусто — Оля, Миша и Ксюша всё ещё были на осмотре, а Камилла и Света, затаившись под одеялами, делали вид, что спят. Спрятаться здесь было негде. Тяжёлые, яростные шаги Марата уже отчётливо гремели в коридоре за спиной.

Паника накрыла её с головой. Ведомая чистым инстинктом самосохранения, София бросилась вглубь душевой зоны. Из-за плотной шторки одной из крайних кабинок валил густой, горячий пар и доносился ровный шум падающей воды. Была не была!

София рванула занавеску и влетела внутрь, тяжело дыша и сразу зажмурилась от дикого смущения. Под струями воды, полностью обнажённый, стоял Грач. Увидев, как в его личное пространство бесцеремонно врывается девчонка, он от неожиданности замер и, хмуро вздёрнув брови, раздражённо рявкнул:— Ты чё, совсем охренела, Громова?! Ты берега попугала?! Сейчас мужское время!

София, преодолевая стыд, всё же открыла глаза и уставилась на него умоляющим, затуманенным от боли и слёз взглядом. Она стояла, согнувшись, и судорожно держалась обеими руками за живот — точно за то место под дыхом, куда минуту назад пришёлся жестокий удар Марата. Её губы посинели, лицо было бледным.

— Помоги мне... — судорожно, едва слышно прошептала она, теряя равновесие.

И в этот самый момент в общую душевую со звонким, оглушительным грохотом ударила входная железная дверь. По кафельным стенам раскатился бешеный, звериный ор Марата:— Где ты, сука?! Вылезай, мразь, всё равно найду!

Илья мгновенно изменился в лице. Услышав этот крик и заметив, в каком состоянии находится София, он без лишних слов пошёл наперекор всем своим правилам одиночки. Он сделал шаг вперёд и резко притянул Софию к себе, руками подхватывая её под бёдра и хрипло приказывая: *«Обхвати талию ногами! Быстро!»*

София пискнула от неожиданности и дикого смущения — её мокрая одежда мгновенно прилипла к его горячему, обнажённому телу. Но Илья тут же жёстко закрыл ей рот ладонью, прижимая её спиной к бетонной стене в противоположную от брызг воды сторону, чтобы струи не заливали ей лицо и не выдали их шумом. Они замерли в тесном пространстве кабинки, практически слившись в одно целое. Сердце Ильи бешено стучало прямо напротив её груди.

Тяжёлые шаги Марата зазвучали совсем рядом, шторы соседних кабинок с треском разлетались в стороны. Амбал искал жертву. Наконец он остановился прямо напротив их занавески, тяжело дыша.

Илья, удерживая Софию одной рукой на своих бёдрах, второй рукой резко отодвинул край шторы, демонстрируя Марату своё злое, мокрое лицо из-под стекающих капель воды.

— Слышь, — ледяным, смертоносным тоном процедил Грач, буравя амбала глазами. — Если «сука» — это ты в мой адрес сейчас заорал, то тебе лучше этого никогда больше не повторять. Понял меня, качок?

Марат от неожиданности даже попятился на шаг, утирая пот со лба. Наглый запал силовика Руслана перед злым Грачем заметно просел.— Да я... я это... Громову ищу, — хмуро буркнул Марат, зыркая по сторонам. — Эта тварь сюда прибежала, я точно знаю.

— Её здесь нет, — жёстко отрезал Илья, и для вида он слегка отпрянул туловищем назад, загораживая Софию своей широкой спиной и делая вид, что просто выглядывает за штору по пояс.

Марат застыл в проходе, тяжело дыша и упрямо пытаясь заглянуть за его плечо. Илья окончательно набычился, его челюсть выдвинулась вперёд, а голос упал до опасного, хриплого баса:— Чего вылупился, придурок? Или хочешь зайти ко мне и лично проверить? Любишь на чужие члены смотреть, извращенец?

Марат от такой хлесткой пацанской предьявы мгновенно вспыхнул, густо покраснев от злости и стыда. Найти аргументы против Грача он не смог.— Еблан, — злобно буркнул амбал под нос, резко развернулся на пятках и пулей вылетел из душевой, со звенящим грохотом захлопнув за собой входную дверь.

В помещении снова воцарился лишь мерный, монотонный шум падающей воды. Но София так и осталась висеть на Илье, судорожно сжимая пальцами его мокрые плечи и боясь сделать даже мизерный вдох.

В помещении снова воцарился лишь мерный, монотонный шум падающей воды, смывающий остатки дикого адреналина. София вся сжалась, тяжело и прерывисто дыша через нос.

Она зажмурилась так сильно, что заболели веки, и наотмашь уткнулась лицом в его мокрую, горячую шею, прячась от всего мира.

Илья её ещё какое-то время крепко держал, прижимая к бетонной стене и чутко прислушиваясь к затихающим шагам Марата в коридоре. Наконец, когда угроза окончательно миновала, он плавно разжал свои мощные руки, убирая ладони с её бёдер.

Но София от пережитого ужаса и парализующего смущения даже не сообразила, что её больше ничего не держит. Вместо того чтобы спуститься на пол, она так и осталась висеть на нём, инстинктивно вжимаясь в его обнажённое тело ещё сильнее и цепляясь пальцами за его широкие плечи. Её мокрая роба липла к его коже, а кудри хаотичным водопадом рассыпались по его груди.

Илью откровенно забавляла эта комичная ситуация. На его смуглом лице появилась ленивая, насмешливая ухмылка, а в глазах плясали чертята. Он расслабленно опустил руки вдоль туловища и хрипло, с издевкой прошептал ей прямо на ухо:

— Слушай, Громова... Если тебя вообще не смущает, что я голый, то можешь повисеть на мне ещё пару часиков. Я, в принципе, не против такой компании.

До Софии наконец-то дошёл смысл его слов. Она тут же в ужасе вытаращила глаза, осознав, в каком двусмысленном положении оказалась.

— Ой! — пискнула она, заливаясь пунцовой краской до самых ушей, и судорожно попыталась слезть, отталкиваясь от его груди.

Но Илья соскользнуть ей уже не дал. Его ладони резко вернулись на её талию, фиксируя девушку на месте. Насмешливая ухмылка мгновенно испарилась с его лица. Грач сильно нахмурился, заметив, как из-под мокрого ворота её робы, отчётливо проступают свежие, наливающиеся синевой багровые следы от чужих пальцев.

— Чё натворила? — жёстко, с опасным басовым нажимом спросил Илья, буравя её взглядом. — Кто это тебя так приложил?

— Ничего... — судорожно проговорила она, пытаясь сглотнуть ком в перехваченном горле и уводя взгляд в сторону. — Я не знаю... Он просто напал в тупике. Марат. Сказал, что я какой-то заговор против него строю...

— Ладно. Разберёмся с этим качком, — процедил Илья сквозь зубы, и его челюсти сжались с такой силой, что на щеках заходили желваки.

Он всё же аккуратно опустил её ноги на скользкий кафельный пол, наконец разжимая хватку, но продолжая удерживать её за плечи, чтобы она не упала от слабости. Илья выключил воду, и в наступившей тишине его взгляд снова скользнул по её лицу. Под струями душа он окончательно разглядел нежную кожу и ту самую россыпь мелких золотистых крапинок на аккуратном носу.

— Пошли, Веснушка, — тихо, с какой-то новой, непривычной хрипловатой нежностью произнёс он, делая шаг к выходу из кабинки. — Пока я не сорвался сам.

София от этого внезапного, интимного прозвища и двусмысленной фразы застыла на месте, испуганно захлопав ресницами.

— Что?.. — тут же растерянно проговорила она, окончательно теряя дар речи.

Илья остановился у шторы, обернулся и снова лениво усмехнулся, окинув её насмешливым взглядом:

— Ты так усердно тёрлась по мне последние пять минут, знаешь ли... Любой нормальный мужик на моём месте уже бы задумался о продолжении.

— Я... э-э-э... Ты... придурак! — София от дикого стыда мгновенно начала заикаться, не зная, куда деть руки и как прикрыть мокрую, облепившую тело ткань комбинезона.

— Да шучу я, расслабься, — Илья весело хохотнул, сдёргивая с крючка своё большое сухое полотенце и быстро закручивая его вокруг бёдер. — Я не настолько слаб, чтобы набрасываться на испуганных девчонок. На выход, Громова.

Илья вышел из душевой зоны первым — уже полностью переодетый в свежую, сухую тёмно-серую робу. Он шагнул уверенно, на ходу низко надвигая козырёк чёрной кепки на лоб. Следом за ним всё ещё мелко подрагивая от пережитого озноба, робко семенила София.

В казарме обстановка мгновенно накалилась добела. Марат сидел на своей кушетке, нервно потряхивая ногой, а Камила, развалившись на соседнем матрасе, лениво пилила свои ногти пилочкой, стараясь казаться максимально безучастной. Но стоило этой парочке увидеть, как София и Илья выходят из общего душа вместе, как амбал буквально подскочил со своего места, дико оскалившись от нахлынувшей уличной ярости.

— Ах ты ж сука! — бешено заорал Марат, делая широкий шаг к Грачу и сжимая кулаки так, что вены вздулись канатами. — Ты чё, Грач, вообще за дурака меня держишь?! Ты же мне только что, блядь, втирал, что её там нет! Соврал мне в глаза, урод?! На ходу девку прятал?!

Илья замер по центру бокса, лениво засунув руки в карманы робы. На его лице не дрогнул ни один мускул.

Марат, окончательно потеряв остатки страха и разума от уязвлённого эго, резко перевёл свой злой взгляд на Софию и откровенно, громко хохотнул, брызжа слюной:

— Ну и как тебе его член, шлюха?!

Договорить он не успел. В следующую же секунду в тишине казармы раздался оглушительный, хлесткий удар. Грач молниеносно, без лишних предупреждений снова всадил Марату своим тяжелым рабочим кулаком точно в челюсть. Удар был такой силы, что амбал с глухим стоном отлетел назад, с грохотом сбивая железную тумбочку и заваливаясь прямо на свою кровать, сплёвывая кровь на серый матрас.

— Повтори ещё раз, убогое существо, — леденящим, глухим басом проговорил Илья, нависая над хнычущим качком и даже не разжимая окровавленных костяшек. — Ну? Давай, вякни ещё хоть слово про неё, и я тебе эту челюсть вправлю прямо здесь.

Марат лишь злобно хрипел, утирая разбитые губы и не решаясь подняться на ноги под этим тяжелым взглядом Грача. Илья медленно обернулся через плечо к застывшей у дверей Софии. Его голос мгновенно стал сухим, но уже без прежней агрессии: — А ты — быстро переодевайся в сухое и дуй в санчасть к Эвелине. Пусть синяки на твоей шее зафиксирует.

Камила, сидевшая на своей койке, при упоминании санчасти мгновенно напряглась всем телом, её пилочка замерла в пальцах. Стервозная брюнетка сообразила, что её гнилая интрига с заговором сейчас вскроется на высшем уровне Системы, и за такое самоуправство Кураторы по головке не погладят.

Илья заметил её панику. Он медленно повернул голову к Камиле и зыркнул на неё из-под нахмуренных бровей таким бешеным, уничтожающим взглядом, что девушка инстинктивно вжалась в стену, подтягивая одеяло к груди.

— Узнаю..., что это ты Марату наплела про какой-то заговор... — тихо, но с железным нажимом прорычал Илья, делая шаг к её кушетке. — Я лично тебя на следующем полигоне в пепел превращу, поняла меня? И никакие твои «эти дни» и заигрывания с Русланом тебя от меня не спасут.

Камила испуганно прикусила пухлую губу и поспешно закрыла рот, растеряв всю свою спесь роковой женщины. Илья презрительно сплюнул прямо у ног валяющегося на матрасе Марата, резко развернулся на пятках и размашистым шагом вышел из казармы, с грохотом захлопнув за собой тяжелую металлическую дверь.

София безмолвно сидела на краю уже знакомой кушетки в стерильном, залитом холодным неоном кабинете Эвелины. Женщина-куратор в белом халате, застёгнутом до самого подбородка, осторожно протирала нежную кожу девушки свежим ватным диском.

Массивная дверь медицинского отсека с тихим скрежетом отъехала в сторону, и в кабинет стремительным шагом вошёл Герман. Он уже снял свою тактическую маску, оставшись в неизменной чёрной кепке, козырёк которой отбрасывал глубокую тень на его суровые, волевые черты. Инструктор явился сюда лично, чтобы проконтролировать состояние тех самых опасных царапин, оставленных слепой тварью в лабиринте сорняков.

— Ну, что там у нас, Эвелина? — глухо, сдерживая внутреннее напряжение, спросил Герман, останавливаясь в паре шагов от кушетки. — Система зафиксировала изменения в тканях?

Эвелина аккуратно отложила пинцет в лоток, стянула стерильные перчатки и повернулась к вошедшему мужчине:— С царапинами от когтей всё хорошо, Герман. Первичные тесты чистые, заражения и мутации клеток удалось вовремя избежать. Препарат сработал идеально, ткани регенерируют, всё заживает.

Она сделала короткую паузу, бросив мимолётный взгляд на побледневшую Софию, а затем тяжело вздохнула и продолжила, указывая тонким пальцем на её шею:— Но вот здесь у нас появилась совершенно другая, более прозаичная проблема. Взгляни сам.

Герман сделал широкий шаг вперёд и сильно нахмурился. На бледной, фарфоровой коже шеи Софии, прямо поверх заживающих царапин, теперь отчётливо и ярко проявились свежие гематомы. Наливаясь багрово-синей чернотой, они чётко выражали контуры мужских пальцев.

Инструктор замер на месте, его ледяные глаза опасно сузились, а челюсть упрямо выдвинулась вперёд. Он медленно перевёл взгляд на Громова и леденящим, приказным тоном отрывисто скомандовал:— Раздевайся до нижнего белья. Живо.

София от такой внезапной и жёсткой команды мгновенно замерла на месте. Она буквально вытаращила на него глаза, чувствуя, как стыд и возмущение обжигают щёки. Она судорожно прижала локти к телу, сжимая пальцами ворот комбинезона.

— Для чего это?.. — судорожно, срываясь на испуганный шёпот, спросила она, задрвав подбородок. — Моя шея сверху... зачем мне раздеваться?

— Для того, Громова, чтобы я лично убедился, что Система не спишет тебя в пепел прямо во время следующего раунда из-за внутренних повреждений органов! — строго, с железным нажимом проговорил Герман, нависая над ней всей своей монументальной фигурой. — Приказы в этом секторе отдаю я. Живо сняла комбез. У меня нет времени на твои девчоночьи капризы.

София, шумно сглотнув горький ком в горле, начала судорожно растёгивать плотные замки рубашки. Пальцы мелко дрожали, отказываясь слушаться, а лицо горело от жгучего унижения.

Эвелина, заметив состояние девушки, сделала шаг между Германом и кушеткой, пытаясь кое-как сгладить углы и мягко сказать инструктору:— Герман, остынь. Я могу провести полный соматический осмотр её тела сама. Тебе совершенно не обязательно здесь находиться и контролировать этот процесс. Оставь нас.

Но инструктор лишь смерил женщину-куратора таким злым, уничтожающим взглядом из-под нависших бровей, что Эвелина мгновенно осеклась и покорно отступила назад в тень медицинского шкафа.

София, зажмурившись от стыда, наконец-то сбросила с плеч тяжёлую серую ткань комбеза, оставаясь перед ними в белье. И стоило ей раздеться, как Герман тут же замер, затаив дыхание. На её изящном, хрупком теле — прямо в области солнечного сплетения — наливался огромный, жуткий синяк, который уже всю багровел и чернел на фоне светлой кожи.

— Когда? — только и задал короткий, хриплый вопрос Герман, и его кулаки за спиной сжались с такой силой, что затрещали суставы.

— Недавно... — едва слышно проговорила София, судорожно и стыдливо прикрываясь руками от его тяжёлого взгляда и пытаясь хоть как-то защитить остатки своей гордости. —

Это... это ерунда. Просто у меня... у меня всегда очень быстро синяки на коже появляются. С самого детства. От малейшего ушиба.

Она заткнулась, понимая, что оправдания звучат глупо, и низко опустила голову, пряча лицо в чернильном водопаде непослушных кудрей.

Герман на её слова ничего не сказал. Он лишь резко повернулся на пятках, и его тяжёлые армейские ботинки яростно загрохотали по металлическому полу. Он пулей вылетел из палаты медицинского отсека, с грохотом захлопнув за собой автоматическую дверь.

Спустя пять минут София всё ещё сидела на кушетке, пока Эвелина аккуратно и молча мазала её отбитый живот какой-то прохладной, пахнувшей ментолом заживляющей мазью Системы. Боль постепенно утихала, сменяясь тупым нытьём в рёбрах.

Внезапно дверь медицинского отсека снова со скрежетом отлетела в сторону, и в палату буквально вбежал Илья. Его волосы были растрёпаны, а лицо выражало крайнюю степень сосредоточенности.

— Эй! — тут же испуганно пискнула София, мгновенно хватая с края кушетки одеяло и судорожно прикрываясь им до самого подбородка. Её глаза возмущённо округлились.

— Тебя что, стучать вообще не учили?! Какого хрена ты сюда влетаешь без предупреждения?!

Илья на секунду замер у порога, окинул её взглядом, а затем на его лице снова появилась та самая знакомая, невыносимая ленивая ухмылка. Он засунул руки в карманы робы. — Да ладно тебе, Громова, расслабься, — весело, хрипловато проговорил он, проходя вглубь кабинета. — Ты же уже оделась, точнее — замоталась. Чего я там у тебя ещё не видел, а? Смысл теперь стесняться.

— Козёл ходячий! — яростно шикнула София, сверля его злым взглядом и крепче сжимая полы одеяла на груди.

— Шутки в сторону, Веснушка, — Илья резко посерьёзnel, его ухмылка испарилась, а голос упал до привычного жёсткого баса. — На задание пора. Хватит тут рассаживаться и прохлаждаться в санчасти. Тарас там на старте уже всю оставшуюся девятку матом кроет. Система запускает второй раунд полигона, так что шевелись.

София, шумно выдохнув, начала осторожно вставать с кушетки, чтобы наконец натянуть на себя сухую серую робу и застегнуть замки. Но стоило ей сбросить одеяло и подняться на ноги во весь рост, как ткань топа слегка натянулась, полностью обнажая перед Ильёй тот самый огромный, багрово-чёрный синяк у неё под дыхом.

Илья мгновенно застыл как вкопанный. Его глаза расширились от шока, а затем бешено сузились, превращаясь в две ледяные щели. Он зафиксировал взгляд на изуродованном животе девушки. Тяжёлые брови Грача сошлись на переносице, лицо потемнело от нахлынувшей ярости, а кулак в правом кармане комбинезона с дикой, побелевшей силой сжал неодимовые сферы, заставляя их с глухим, опасным треском сомкнуться.

Когда София и Илья вернулись в стартовую зону полигона, Тарас уже рвал и метал. Девять участников выстроились в неровную шеренгу. Света сиротой сидела на железной скамье чуть поодаль — Система выдала ей освобождение, пока сломанная лодыжка окончательно не заживёт.

— Так, мясо, концепция поменялась! — гаркнул Тарас, прохаживаясь перед строем и ухмыляясь своей уродливой, беззубой улыбкой. — Раз уж вас осталось нечётное количество, а одна кобыла временно хромает, Система приготовила для вас парный спарринг. Будете драться друг против друга на вылет. До тех пор, пока один из пары не отключится. Чистый рукопашный бой, проверка на прочность.

Инструктор быстро раскидал пары своим хриплым голосом:— Первая пара — Ксюша и Оля. Вторая — Руслан и Миша. Третья... — Тарас хищно прищурился, глядя на тяжело дышащего Грача. — Илья и Марат. Раз уж вы всё утро кулаками машете, Система даёт вам официальный шанс легально набить друг другу морды. И последняя пара — Камила и София.

Наглый хохот Марата мгновенно эхом разнёсся по бетонным стенам.— Ну всё, Грач, тебе точно крышка! — прорычал он. — На полигоне за меня Кураторы не впишутся. Я из тебя всю душу вытрясу, ушлёпок.

Илья на его угрозы даже не взглянул. Он стоял неподвижно, низко надвинув чёрную кепку, а его кулак в кармане с такой силой сжимал магниты, что металл буквально стонал под давлением. Его глаза были прикованы к Софии, чьё лицо после санчасти оставалось бледным как фарфор.

Камила, стоявшая рядом с Ильёй, тоже не упустила шанса уколоть соперницу. Она лениво поправила свои роскошные черные волосы, мазнула презрительным взглядом по хрупкой фигуре Софии и, наигранно хихикнув, склонилась к самому её уху. Брюнетка обдала Громова едким запахом парфюма и тихо, ядовито прошептала так, чтобы слышала только она:— Ну что, принцесса? Готова к раздаче? И не надейся, что твой Илюшка тебя спасёт. Запомни, милочка: он всё равно будет моим. Ты своим слащавым, невинным личиком всё равно ничего от него не добьёшься. Такие дворовые пацаны, как Грач, только и хотят, что переспать с тобой, сучкой, ради интереса, а потом он всё равно приползёт ко мне. Так что ложись на маты сразу, чистенькая моя.

София лишь сильнее сжала зубы. Она упрямо промолчала, но её глаза потемнели от нахлынувшей злости.

Тарас взмахнул рукой, и гидравлическая дверь отъехала в сторону. Пары ввели в огромный, гулкий зал полигона. Здесь не было коридоров или ловушек — только огромное пустое пространство, центр которого был плотно застелен жёсткими спортивными матами тёмно-серого цвета. По периметру горели спящие строительные прожектора.

— Биться будете строго по очереди! — скомандовал Тарас, занимая судейское место у железной стойки. — Первые — Ксюша и Оля. На маты!

Драка началась без предисловий. Добрая и мягкая Оля вышла в центр, испуганно заламывая пальцы и явно не желая бить человека. А вот боевая пацанка Ксюша церемониться не стала — Систему она знала лучше. Стоило Тарасу дать хриплый сигнал старта, как Ксюша молниеносным, профессиональным проходом в ноги подсекла Олю, повалила её на маты и жёстким, хлёстким ударом локтя точно в челюсть мгновенно вырубил подругу Софии. Оля обмякла, потеряв сознание за долю секунды.

Следом на маты вышли Руслан и Миша. Студент-интеллектуал попытался выстроить какую-то защиту, подняв руки, но уличный опыт вожака казармы оказался куда лучше. Руслан двигался плавно, как хищник. Он легко уклонился от слабого выпада Миши, резко сократил дистанцию и с дикой, звериной силой всадил парню мощный апперкот снизу вверх прямо подбородок. Миша кулем рухнул на маты, мгновенно отключившись. Руслан лениво сплюнул зубочистку, возвращаясь на место и прожигая взглядом Софию.

— Четвёртая пара! Камила и Громова! — гаркнул Тарас, сверяясь с планшетом. — На маты, бабы! Покажите мне зрелище!

София вышла в центр зала, тяжело переставляя ноги. Отбитое Маратом солнечное сплетение при каждом движении отзывалось тупой, ноющей болью, мешая дышать. Камила шагнула напротив, хищно скалясь и пружиня на ногах.

Стоило сигналу прозвучать, как Камила, ведомая яростью и ревностью, сразу пошла в активную атаку. Брюнетка двигалась быстро, размашисто и грязно. Она с ходу нанесла Софии резкий удар ладонью по лицу, а затем принялась методично, тяжело сыпать ударами кулаков, целясь Софии прямо в раненую шею и голову. Громова, совершенно не умеющая драться, не

успевала группироваться. Она лишь испуганно закрывала лицо руками, пропуская удар за ударом. Камила с размаху пнула её по ноге, заставляя Софию вскрикнуть от боли и осесть на одно колено.

— Что, принцесса, мамочка драться не учила?! — тяжело дыша и продолжая наносить удары сверху, ядовито шипела Камила, цепляя когтями её комбинезон. — Ты здесь сдохнешь! Ничтожество! Илюшенька на твой пепел даже не посмотрит, он сегодня в моей постели спать будет! Ты просто мусор для Системы!

От этих противных, мерзких слов, от этой гнилой лжи и торжествующего лица Камилы внутри у Софии словно что-то окончательно взорвалось. Ей до смерти надоело быть жертвой. Надоело прятаться, надоело плакать и терпеть побои от каждого ублюдка в этой казарме.

С диким, яростным криком, который сорвался на хрип из-за отбитых рёбер, София на чистом адреналине резко прорвалась в контратаку. Вся её хрупкость испарилась. Она рванулась вперёд, перехватывая замахнувшуюся руку Камилы, и со всей силы, вкладывая всю свою ярость, начала бить брюнетку кулаками прямо по её ухоженному, красивому лицу.

Раздался хлёсткий стук. Костяшки Софии мгновенно окрасились в багряный цвет. Камила от неожиданности и сильного удара в нос испуганно пискнула, теряя равновесие, но София останавливаться не собиралась. Она пошла напролом, как разъярённая тигрица. Громова с размаху пнула Камилу тяжёлым тактическим ботинком по голени, заставляя ту согнуться, а затем нанесла яростный, плотный удар коленом точно в живот брюнетки.

Камила со стоном согнулась пополам, её безупречная укладка растрепалась, а изо рта густым потоком хлынула кровь — она начала тяжело харкаться кровью прямо на серые маты, захлёбываясь собственными слезами от шока и боли.

— Пожалуйста... хватит... — прохрипела брюнетка, пытаясь отползти назад на карачках.

Но София её уже не слышала. Перед её глазами стояла только эта гнилая ухмылка и синяки на собственном теле. Собрав последние остатки сил, София резко развернула корпус и своим финальным ударом ноги с разворота зарядила Камиле точно в висок.

Брюнетка с глухим стуком мгновенно обмякла и плашмя рухнула на маты, полностью потеряв сознание и затихнув. София выиграла свой первый рукопашный бой. Силы тут же полностью покинули её тело, адреналиновый взрыв кончился. Издав тяжёлый, прерывистый хрип, София сама без сил повалилась на маты рядом с поверженной соперницей, тяжело, со свистом дыша и уставившись невидящим взглядом в слепящие прожектора Системы.

Илья, стоявший у края полигона, в этот момент во весь рот довольно оскалился.

— Третья пара! Илья и Марат! На маты! — оглушительно гаркнул Тарас, и его рябое лицо расплылось в предвкушении хорошей бойни.

Марат тяжело переставил ноги и вышел в центр серого ринга. На его грубом лице со шрамом снова заиграла наглая, звериная ухмылка уличного громилы. Он демонстративно покрутил шеей, хрустя суставами, и широко расставил руки, готовый подмять под себя Грача. Илья же шагнул на маты пружинисто, низко надвинув чёрную кепку на глаза. Его зрачки превратились в две ледяные точки. Вся его фигура буквально вибрировала от подавляемой ярости.

Стоило Тарасу издать хриплый сигнал старта, как этот бой сразу превратился в безжалостное, одностороннее побоище. Илья даже не дал Марату шанса коснуться себя. Скорость Грача была быстрой — парень с рабочей окраины двигался как разъярённый хищник, ведомый чистым, сумасшедшим адреналином защиты.

До того, как качок успел хотя бы поднять руки для блока, Илья мощным рывком разорвал дистанцию и с ходу всадил ему прямой удар кулаком точно в переносицу. Послышался отвратительный хруст ломающейся кости. Марат испуганно взвизгнул, отлетая назад, но Илья не дал ему упасть. Он перехватил ворот его мокрой робы, притянул обратно к себе и начал безжалостно, методично колотить парня кулаками по лицу, рёбрам и животу.

Удары сыпались один за другим с частотой отбойного молотка. Лицо и тело Марата то и дело судорожно отскакивали от этих быстрых подач, превращаясь в кровавое месиво. Илья бил его со всей силой своей мощной рабочей мускулатуры, вымещая всю злость за каждый багровый синяк на Софии. При каждом ударе Грач яростно, до белого каления набычивался и бешено, зловеще шипел прямо в разбитое лицо амбала — так тихо и хрипло, чтобы слышал только он один:

— Слышишь меня, мразь?.. Ты ещё хоть раз... хоть пальцем тронешь Веснушку... — хлесткий удар в челюсть заставил голову Марата мотнуться в сторону. — Я тебя, сука, сам здесь в пепел превращу! Слышишь?! Никакую чёртову Систему ждать не буду, лично хребет переломаяю! А ещё лучше... в следующем испытании с этими слепыми тварями я тебя лично им поиграть отдам! Понял меня, ублюдок?! Живьём сожрут!

Марат от этого бешеного натиска и леденящего душу шёпота окончательно потерял рассудок от страха. Он даже сказать ничего не успевал — во рту всё было залито кровью, рёбра трещали от ударов под дых, а перед глазами плыли багровые круги. Он лишь беспомощно, как тряпичная кукла, принимал удары Грача, полностью заблокированный его чудовищной силой. Камила и Света на своих лавках в панике зажали рты ладонями, а Ксюша и Миша ошарашенно смотрели на этот самосуд, понимая, что Грач сейчас реально убьёт человека.

Финальный аккорд Илья расставил мгновенно. Он резко оттолкнул от себя обмякшее, хрипящее тело Марата, развернул корпус и точно таким же яростным пинком ноги с разворота, как сделала София, зарядил амбалу прямо в висок.

Марат плашмя, с глухим стуком рухнул на серые маты, полностью отключившись и затихнув в луже собственной крови. Грач замер над поверженным врагом, тяжело, со свистом дыша. Его грудь бешено вздымалась. Он брезгливо вытер окровавленные костяшки пальцев о штанину и с презрением смачно сплюнул прямо около неподвижного тела Марата.

Из угла полигона тут же раздался громкий, раскатистый хохот. Руслан, всё это время внимательно наблюдавший за обеими расправами, не выдержал. Он закинул голову назад, весело качая головой, и шумно захлопал в ладоши:

— Ха-ха-ха! Ну ни хрена себе шоу! — Руслан шагнул к матам, переводя взгляд со стороны Камилы на тяжело дышащего Грача и Софию. — Слышь, Грач... Вы с Софией прямо как пара безумцев! Одна топ-модель ухоженную до полусмерти отделала, второй — моего лучшего силовика как боксёрскую грушу раскатал! Вы стоите друг друга, ей-богу, два психа ходячих!

Илья медленно повернул к нему голову. Он низко наклонил растрёпанную темно-каштановую голову, смерил уличного вожака леденящим, глубоко презрительным взглядом и жёстко отрезал:

— Так с этими гнилыми уродами и надо, Руслан. Только такой язык они здесь и понимают.

глава 11

Цена фальшивых масок

Зал полигона постепенно остывал от адреналинового безумия. Марат всё ещё неподвижно лежал на серых матах, хрипя и пачкая кафель кровью, а Илья уже уверенно шагал к Софии.

Руслан, проводив их долгим взглядом, вдруг громко, издевательски рассмеялся им в спину. Он закинул руки в карманы рубы и, покачиваясь на пятках, ядовито протянул на весь зал:— Надо же... Наш дикий одиночка Грач решил найти себе пару под конец света! Что, Илюха, неужели завидно стало Маратику, что он с Камиллой в душе кувyrкается? Решил тоже обзавестись ручной принцессой? Только вот облом, Грач. Наша Софиечка ясно сказала: она ни с кем здесь отношения строить не собирается. Не так ли, Софи? — Руслан ехидно прищурился, оборачиваясь на неё.

Но София лишь смерила его абсолютно ледяным взглядом из-под растрёпанных кудрей. В ней больше не было страха перед этим уличным вожаком.

— Ой, да ладно тебе, Рус! Она уже вовсю скачет на нём в кабинках! — злобно отозвалась Камила со своего матраса.

Брюнетка со стоном приподнялась на локтях, лихорадочно махая ладонью перед лицом и непрерывно вытирая разбитый нос, откуда то и дело капала кровь. Её холёная модельная внешность была полностью разрушена яростью Громовой. Камила встала и дико зыркнула на Софию, прошипев сквозь зубы:— Смотри, что ты наделала с моим лицом, тварь! Приревновала своего Грача, сука сумасшедшая! Из-за мужика мне нос перекосила!

— Было задание Системы, и я его выполнила, — София ответила на удивление сухо и ровно, даже не притормаживая. Она упрямо поправила ворот куртки. — Я не виновата, Камила, что ты просто прозевала момент, пока чесала языком про чужие постели.

И с этими словами, нагло отпихнув Камилу плечом так, что та снова испуганно отшатнулась назад, София медленно, но гордо поплелась вперёд, в сторону длинного коридора жилого блока.

Но дойти до казармы им снова не дали. Прямо над их головами с сухим щелчком ожил потолочный динамик, и по всему сектору раскатился знакомый, низкий и хриплый голос Германа:

— Громова София. Срочно в центральный кабинет. Повторяю: Громова, на выход к инструктору.

София тяжело выдохнула и замерла посреди коридора. Ей пришлось сменить ракурс движения и развернуться в обратном направлении, направляясь к инструктору, как и требовал приказ.

Камила, заметив это, тут же заливисто, торжествующе рассмеялась, глядя на мрачных парней. Её уязвлённое эго требовало хоть какой-то мести.

— Русланчик, ну ты и идиот! — Камила картинно всплеснула руками, продолжая грызть ногти и ехидно скалиться. — И ты, Грач, такой же лох! Конечно, Громова не будет ни с кем из вас, дворовых придурков. Потому что она уже с Германом вовсю шуры-муры крутит! Не думали, почему наш суровый масочник её так часто к себе вызывает на приватные беседы, а? Пока мы тут кровью харкаем, принцесса Громова себе тёпленькое место у начальства выбирает!

Руслан от этих слов мгновенно нахмурился. На его лице отразилась тяжёлая, сосредоточенная работа мысли — он якобы всерьёз раздумывал над гнилой теорией брюнетки, переводя взгляд с пустеющего коридора на Илью.

А вот Илья от этой запредельной лжи лишь с дикой силой сжал зубы так, что на смуглых щеках заходили желваки. Магнитные сферы в его кармане опасно, до предела жёстко звякнули в кулаке. Он резко остановился, разворачиваясь к Камиле.

— Вы можете наконец заткнуться? — ледяным басом проговорил Илья, и от его тона Ксюша и Миша инстинктивно сделали шаг назад. — Несёте тут такую херню, что уши вянут. Кончайте свой цирк.

— Ой, Илюша, а что такое? — Камила наигранно захлопала ресницами, прячась за спину Марата, который только-только начал приходить в себя. — Ревнуешь, что ли, свою кучеряшку? Не ревнуй, просто ты не в ту сторону смотришь, милый. Я же говорила — она тебя использует!

Илья медленно обернулся на неё. Он смерил её грязную, помятую фигуру долгим, грубо презрительным взглядом, а затем на его губах снова появилась насмешливая ухмылка.

— Шла бы ты лучше вон... к Эвелине, Камил, — хмуро и ехидно бросил он, поправляя козырёк кепки. — У тебя там шнобель набок перекосило от ударов Софии. Зрелище, если честно, так себе. Настоящая королева помойки.

И, громко, заразительно приснув от смеха вместе с хмыкнувшей Ксюшей, Илья первым решительно толкнул железную дверь и вошёл в казарму, оставив злую, задыхающуюся от обиды брюнетку утирать кровь в пустом коридоре.

София шла по тускло освещённому коридору медицинского сектора Лимба, стараясь дышать медленно и ровно.

Она толкнула тяжёлую металлическую дверь и вошла в кабинет инструктора. В синеватом полумраке, среди мигающих мониторов слежения, Герман стоял у своего стола, заваленного тактическими картами. Услышав её шаги, он медленно обернулся и одним плавным, уже привычным жестом стянул с лица плотную тёмную маску, оставаясь только в чёрной кепке.

София снова внутренне напряглась, глядя в его резкие, волевые черты. Это лицо по-прежнему пробуждало в её сознании смутные, ускользающие вспышки воспоминаний, которые она никак не могла поймать.

Герман внимательно посмотрел на неё, и в его ледяных глазах промелькнуло что-то, тщательно скрываемое от всей остальной десятки. В его голове в эту секунду крутился сумасшедший вихрь мыслей. Мужчина сам не мог до конца объяснить себе, почему рядом с этой девчонкой он напрочь отказывался прятать своё лицо под бездушной бронёй. Между ними была солидная разница в возрасте — целых одиннадцать лет, он был умудрённым опытом, выжженным изнутри бойцом Системы, а она — вчерашней тепличной студенткой. Но каждый раз, когда София входила в его кабинет, гордо задрав подбородок и раскидав по плечам свои непослушные иссиня-черные кудри, внутри сурового инструктора всё трепетало. Лимб выжег в нём жалость, но эта фарфоровая девочка с золотистыми веснушками на носу безжалостно рвала его старые шрамы, заставляя ледяное сердце биться в каком-то забытом, болезненном ритме.

Герман тяжело, со свистом выдохнул сквозь зубы, силой загоняя личные эмоции глубже, и его голос приобрёл привычный, строгий нажим:— Время отдыха и психологических тестов окончательно закончилось, Громова. Мы и так слишком сильно задержались в этом секторе Системы. Оставшуюся девятку выживших ждёт немедленное выполнение боевых заданий на полигоне.

С этими словами он полез в нижний ящик железного стола и с глухим стуком выложил перед Софией воронёный пистолет. Оружие тускло блеснуло в синеве софитов. Следом

за пистолетом Герман положил рядом тяжёлый тактический нож в чёрных ножнах с острым, зазубренным лезвием.

— Твоё индивидуальное задание начинается прямо сейчас, — отчеканил он, упрямо переводя взгляд с её бледного лица на оружие. — Здесь целая обойма. Стрелять ты, как я понимаю, не умеешь, но Система не даёт времени на учебку. А вот выйдешь ты из этого сектора живой или нет — теперь зависит исключительно от тебя самой.

София сглотнула сухой ком в горле, растерянно глядя на холодный металл пистолета. Руки мелко задрожали. — Что это за бокс? Куда меня отправляют? — тихо, срываясь на хрип, спросила она, не решаясь коснуться оружия.

Герман полностью проигнорировал её вопрос. Лицо мужчины снова превратилось в каменную, непроницаемую маску. Он нажал кнопку на пульте связи: — Конвой, в кабинет. Заберите десятого номера.

Автоматическая дверь тут же отъехала в сторону, и на пороге возник молодой служащий Лимба — парень в полном боевом обмундировании, с автоматом на груди и в маске. — Проводи Громова в бокс номер четыре, — коротко приказал Герман.

Молодой конвоир при упоминании четвёртого бокса заметно напрягся. Его плечи под бронежилетом одеревенели, он испуганно поджал губы под тканью маски и, бросив на Софию полный скрытой жалости взгляд, глухо выдавил: — Понял, инструктор. Будет сделано.

— Свободна, Громова, — отрезал Герман, утыкаясь в мониторы и давая понять, что разговор окончен.

София, пересилив парализующий страх, судорожно схватила со стола пистолет и нож, пряча его в глубокий карман робы, и медленно пошла вслед за конвоем.

Парень в обмундировании в полной тишине проводил её по самым глубоким, полутёмным коридорам Лимба, где пахло сыростью и пороховой гарью. Они остановились у массивной железной двери с выжженным на металле номером «4». Служащий Системы со скрежетом повернул тяжёлый затвор, нажал на гидравлический рычаг и молча кивнул ей головой внутрь, давая войти.

София сделала глубокий вдох, крепче сжала рукоять пистолета в ладони и медленно переступила порог, заходя в какой-то мрачный, полутёмный и длинный коридор.

И в ту же секунду за её спиной раздался оглушительный, металлический грохот. Массивная дверь бокса захлопнулась с такой силой, что София судорожно вздрогнула всем телом. Она резко обернулась, выставив вперёд руку, и в панике упёрлась ладонями в холодное железо. Но задвижки снаружи уже защёлкнулись. Пути назад больше не было.

Она судорожно, прерывисто выдохнула, пытаясь унять бешеный стук сердца в груди, и медленно повернулась обратно лицом к неизвестности. Прямо перед ней, в нескольких метрах впереди, противоположная бетонная стена коридора с жутким, подземным скрежетом и лязгом уже начала стремительно открываться вверх, открывая проход на новую арену.

За ней распластался длинный, уходящий в кромешную тьму огромный тоннель. Потолок и стены здесь были выложены из грубого, необработанного камня, по которому змеились толстые кабели Системы, а из глубин коридора тянуло леденящим сквозняком и пороховой гарью.

София стояла у самого края финишной черты бокса номер четыре и тяжело, прерывисто дышала. Пальцы судорожно, до белизны в костяшках сжимали холодную воронёную рукоять пистолета. Ей было до смерти страшно оставаться в этой каменной кишке в полном одиночестве.

И вдруг тишину тоннеля разорвал сухой щелчок потолочного динамика, от чего Софи вздрогнула. Из колонок раздался знакомый, низкий голос Германа. В его интонациях отчётливо угадывалось скрытое, тщательно подавляемое переживание — инструктор Лимба явно волновался за неё, но из последних сил пытался держаться уверенно и строго:

— Слушай меня внимательно, Громова. Твоё индивидуальное задание началось. Твоя единственная цель — дойти до самого конца этого тоннеля и найти выход. Где именно находится финишная дверь, я сказать тебе не могу. И в какую именно ловушку или сектор полигона ты попадёшь на следующем повороте, я тоже не знаю. Всё, что я могу тебе сказать перед стартом... Удачи. И не помри в первые же сто метров.

София от такой внезапной и грубой армейской прямоты инструктора лишь панически, нервно усмехнулась. Страх на секунду уступил место её привычной гордости. Она задрала голову к мигающему под потолком динамику и громко, с вызовом проговорила:

— Удачи? Вам-то что до моей удачи, Герман? Мы же все для вас здесь просто мясо, расходный материал в загоне. Подумаешь — одним участником меньше, одним больше, не так ли? Какая вам разница, дойду я до конца или рассыплюсь в пепел на первом же шаге?

В колонках на пару секунд воцарилась тяжёлая, звенящая тишина. София уже решила, что связь прервалась, и сделала первый несмелый шаг вперёд по влажной земле тоннеля. Но прямо перед тем, как динамик должен был отключиться, из него донёсся тихий, вкрадчивый и невероятно милый голос Германа, лишённый привычной маски сурового наставника:

— Верно, Софи... Для Лимба вы все просто мясо. Но только не ты. Запомни это.

В динамике раздались короткие гудки, и он окончательно затих. София замерла на месте, чувствуя, как по спине пробежал странный холодок от его слов. Опять эти загадочные намёки, опять это ювелирное, пугающее внимание со стороны старшего инструктора. Вся её сущность протестовала против этих тайн Лимба.

— Даже не хочу знать, что это сейчас значило, — сухо и твёрдо произнесла она в пустоту, упрямо вскинув подбородок.

Она покрепче перехватила пистолет обеими руками, решительно развела локти в стороны и уверенным, размашистым шагом двинулась вперёд, углубляясь в полутёмный каменный коридор.

На потолках и редких бетонных балках с противным треском мигал тусклый свет — лампы дневного света то и дело гасли, погружая туннель в крошечную тьму, и Софии приходилось идти на ощупь, ведя ладонью по склизкой, холодной стене. Воздух здесь был спёртым, тяжёлым. Вокруг невыносимо воняло затхлостью, гнилым мясом и застоявшейся стоячей водой, а со стен и потолка длинными серыми нитями свисала густая, вязкая слизь, которая пачкала её новую форму при каждом неосторожном шаге.

София продвигалась вперёд невероятно аккуратно, стараясь ставить ноги бесшумно. Сердце колотилось в ушах как сумасшедший метроном. Она крепко держала пистолет обеими руками и внутренне была уже готова увидеть либо то отвратительное, гигантское чудовище без глаз из стеклянного бокса, либо того юркого монстра со змеиным языком из лабиринта сорняков. Но в этой бесконечной подземной кишке, где туннели то и дело ветвились, она совершенно не знала, куда бежать в случае опасности. Карты не было, подсказок тоже — только инстинкт выживания и тяжёлый вес оружия в ладонях.

Она свернула за очередной извилистый поворот, и свет над её головой снова замигал, готовый окончательно погаснуть. София замерла на месте, издав глухой, испуганный выдох. Навстречу ей из густого тумана медленно, уродливо покачиваясь, вышло существо, от одного вида которого кровь застыла в венах.

Оно совершенно не походило на прежних слепых тварей Системы. Это чудовище отдалённо напоминало человеческую женщину с неестественно длинными, тощими конечностями и иссиня-чёрными, спутанными волосами, свисающими до самой земли. На монстре болтались рваные остатки тёмной одежды, сквозь которые проступала бледная, иссохшая кожа, а из позвоночника уродливо торчали острые костяные шипы. Но самым страшным было лицо. В темноте тоннеля ослепительно, до боли в глазах горели два его огромных круглых глаза, налитых жутким, фосфорическим оранжевым огнём. Тварь разевала огромную, чёрную пасть,

усаженную десятками мелких игл, а из её щёк выползали длинные, шевелящиеся кожистые отростки.

София мгновенно опешила, её парализовал дикий, суеверный ужас. Преодолевая слабость в коленях, она всё же выставила перед собой пистолет, целясь прямо в эту уродливую светящуюся морду и готовая нажать на курок.

Но монстр нападать не спешил. Он просто застыл в паре метров от неё, покачиваясь всем телом, и уставился на неё своими горящими оранжевыми глазами. Существо начало шумно, прерывисто принюхиваться к воздуху, раздувая чёрные ноздри. Оно уловило запах её крови, смешанный с едким антисептиком Эвелины, а затем... произошло то, чего София никак не ожидала. Тварь внезапно издала тихий, испуганный клекот, её кожистые антенны на морде судорожно сжались, и она резко развернулась на своих длинных костях.словно чего-то дико испугавшись в облике или запахе Громовой, монстр тут же убежал в противоположную сторону, мгновенно растворяясь в глубокой тьме туннеля.

София осталась стоять посреди коридора, тяжело дыша и не веря своему везению.

Времени на размышления Система не оставила. Сзади, со стороны уползшей твари, послышался новый, тяжёлый гул, и София, поддавшись панике, рванула в другой, боковой коридор. Она бежала сломя голову, шлёпая ботинками по грязи, пока со скрежетом не влетела на небольшую замкнутую площадку.

И вот там тупик захлопнулся. Сверху на неё, ломая бетонные балки, с глухим рыком прыгнул совершенно другой монстр Системы — огромный, покрытый чешуёй слепой гигант, против которого её странный запах уже не работал. Тварь яростно взревела, преграждая путь к выходу.

София тут же выставила перед собой оружие, тяжело и прерывисто дыша сквозь плотно сжатые зубы. Руки ходили ходуном от запредельного веса пистолета и дикого адреналина, но она упрямо удерживала прицел.

Тварь перед ней клокотала, издавая утробные, вибрирующие звуки, от которых каменные стены бокса, казалось, мелко подрагивали. На её огромной, покрытой уродливыми наростами шее с мерзким хлюпаньем раздувались и опадали кожистые жабры, выталкивая в воздух новые порции зловонного, прелого пара. Монстр медленно переступал когтистыми лапами, нащупывая её силуэт по звуку бешеного сердцебиения.

— Что вы за сущности такие?.. — в полном отчаянии, со слезами на глазах проговорила София, пятясь назад, пока её лопатки не упёрлись в каменную стену тупика.

Ответа не было. Лимб умел только забирать жизни.

Как только монстр резко, с оглушительным рёвом ринулся прямо на неё, готовый разорвать хрупкое человеческое тело своими острыми лапами, София потеряла контроль над страхом. Действуя на чистом инстинкте, она в самый последний момент выстрелила несколько раз подряд, силой зажмуривая глаза от ослепительных вспышек пороховых газов. Грохот выстрелов в замкнутом пространстве каменной кишки был настолько громким, что в ушах мгновенно поднялся невыносимый, сверлящий звон.

Монстр истошно, болезненно заверещал на весь полигон. Тяжёлые свинцовые пули на вылет пробили его уродливую голову и шею, разрывая кожистые жабры. Теряя координацию, ослепший гигант по инерции рухнул вперёд, прямо на Софию, с размаху подминая её под своё тяжёлое тело.

София пронзительно вскрикнула от страха, отвращения и тяжести, которая придавила её к грязной земле, и застыла. Монстр так и остался неподвижно лежать на ней сверху, распластав свои длинные когтистые лапы. Из его разорванной головы и шеи широкими, густыми потоками вытекала тёмная, горячая кровь и едкая серая слизь, пачкая комбинезон и стекая прямо ей на бледное лицо, губы и грудь.

Придя в себя через пару секунд, София судорожно попыталась вылезти из-под этой зловонной туши. Она упиралась ботинками в грязь, пыталась оттолкнуть массивное плечо твари, но всё было тщетно. Мёртвый гигант зажал её, превращая этот тупик в её собственную братскую могилу. Воздуха под весом монстра катастрофически не хватало, а прожектора над головой начали медленно гаснуть, погружая бокс номер четыре во тьму.

Снизу, прямо сквозь монолитный бетонный пола казармы, донеслись глухие, но отчётливые звуки частых выстрелов, а следом за ними — далёкий, искажённый эхом рёв раненого монстра.

Ребята тут же испуганно подскочили со своих коек, озираясь по сторонам в багровом полумраке. Паника вернулась в бокс мгновенно. Все прекрасно понимали, что эти жуткие звуки разносятся прямо под ними, на нижних ярусах полигона. Девушки сразу оглушительно заверещали, забиваясь в углы кушеток и натягивая на себя одеяла. Парни растерянно переглянулись между собой, судорожно сжимая кулаки и вслушиваясь в вибрирующий бетон.

— Что это за хрень там происходит?! — крикнул Миша, тяжело дыша и оглядывая пустеющие углы бокса.

Оля, сидевшая на своей кровати, внезапно закрыла лицо руками и громко, навзрыд разревелась. Её всю крупно трясло от нехорошего предчувствия. — Почему... почему Софи так долго нет?! — сквозь слёзы спрашивала она, задрав голову к потолку. — Её же Герман увёл больше часа назад! Что это за фигня там внизу?! Её сожрали, да?! Скажите мне!

Парни, подавшись общей панике, тут же ломанулись к выходу и стали со всей дури долбить кулаками в закрытую железную дверь казармы. Металл зловеще загремел на весь коридор. — Эй! Откройте, уроды! Вы чё, скормить нас этим тварям решили?! — во всю глотку заорал Марат, с силой пиная дверь тяжёлым берцем. — Или эти слепые выродки там вас самих в рубке уже сожрали к чёртовой матери?! Выпустите нас!

Но за запертой дверью Системы царило молчание. Поняв, что колотить бесполезно, парни хмуро вернулись назад. В казарме снова воцарилась относительная тишина. Все сидели неподвижно, затаив дыхание и напряжённо прислушиваясь к каждому шороху за стенами. В головах у всех крутились самые мрачные размышления.

— А что, если эти слепые твари реально пробрались на поверхность? — тихо, озвучивая общий страх, проговорил Миша, кутаясь в робу. — И мы сейчас в этой казарме в той или иной безопасности, пока там внизу весь персонал Лимба вырезают?

Камила от таких мыслей тоже не на шутку напугалась. Она начала испуганно зажиматься на своей кровати, нервно дёргая плечами и требуя от пацанов заткнуться: — Да замолчите вы все, ради бога! Хватит нагнетать! У меня и так голова раскалывается от ваших криков! Заткнитесь!

И в этот самый момент снизу снова раздалось несколько мощных выстрелов, но уже гораздо ближе — где-то в самом глухом углу казармы, прямо под бетонным полом, а следом за ними раскатился яростный, предсмертный вой тварей.

— Чёрт... Их там походу не одно, — хмуро проговорил Руслан.

Он не выдержал, сполз со своей койки прямо на холодный пол и плотно прижал ухо к бетону, хмурясь и сжимая челюсти. — Вибрация жуткая идёт. Прямо под нами.

— Да ладно вам, это, наверное, Герман со своими ребятками этих сучек ползучих там воспитывает, — нервно отсмеялась Ксюша. Она демонстративно закинула руки за голову, укладываясь обратно на подушку, хотя её глаза оставались напряжёнными. — Учит их хорошим манерам.

— Вообще-то, Софи сейчас тоже с Германом, — Камила уязвлённо фыркнула и со злой, стервозной полуулыбкой на пухлых губах снова подлила масла в огонь, желая уколоть притихшего на соседней койке Илью. — Пока мы тут сидим, дрожим и слушаем это дерьмо под полом, наша святоша Громова там, наверное, уже всю кайфует на нём... Ну, или под ним. Устроилась лучше всех, сучка породистая.

— А тебе что, завидно, что ли? — резко оборвала её Ксюша, смерив брюнетку презрительным взглядом. — Кончай завидовать, Камилка.

— Вот ещё! Нужен мне этот масочник, — оскорблённо отозвалась Камила, дёрнув плечом и продолжая разглядывать свои ногти. — Может, он вообще уродлив? Вечно в своих масках и кепках ходит, лица не показывает. Но... стоит признать, телом он чертовски хорош. Широкий, мощный. Люблю мужчин постарше, в них хоть сила есть. Видимо, как и наша тихоня Софи. Учужала выгоду, шлюха.

Грач, всё это время лежавший неподвижно на спине, при этих словах Камилы набылчился так сильно, что на его смуглых щеках заходили желваки. Кулак в его кармане с дикой, побелевшей силой сжал неодимовые сферы. Металл за секунду затих в его пальцах, превращаясь в монолит. Илье безумно хотелось встать и придушить эту черноволосую дрянь прямо на её матрасе за такие слова о Веснушке, но его опередил вожак.

— Камила, завали пасть! — во всю глотку яростно проорал Руслан, даже не поднимая головы от пола и продолжая чутко вслушиваться в бетон. — Заткнись нахрен, мешаешь!

Брюнетка обиженно поджала губы, но спорить с Русланом не решилась. Внизу под полом всё наконец-то затихло, выстрелы и вой тварей прекратились, оставив после себя лишь давящее эхо. Поняв, что первый штурм окончен, ребята снова хмуро разбрелись по своим кушеткам, погружаясь в тяжёлое, тревожное ожидание.

София хрипела, задыхаясь под неподъёмной костяной тушей убитого гиганта. Слизь и кровь монстра, заливавшие лицо, пропитали воротник рубы, а едкий запах гнили выжигал носоглотку. Собрав всю оставшуюся волю и упираясь ногами в скользкую жижу, она сделала отчаянный рывок. С диким хрипом, раздирая локти о камни, София всё же вылезла из-под мёртвой твари.

Она едва успела подняться на подкашивающиеся ноги и выйти из проклятого тупика чуть дальше вглубь коридора, как Лимб нанёс новый удар. Из ледяного тумана, уродливо покачиваясь на вытянутых костях, стремительно вернулась та самая тварь-женщина. Её оранжевые фосфорические глаза вспыхнули в темноте бешеной, голодной яростью. Времени на панику больше не было. София не раздумывая вскинула пистолет и выбила в неё пару пуль подряд, целясь наотмашь, куда попадёт.

Грохот выстрелов разорвал тишину. Тяжёлый свинец прошил иссохшее тело монстра, вырывая куски рваной чёрной ткани. Тварь не умерла, но оглушительно заверещала от боли, отпрянув назад, и это дало Софии драгоценные секунды, чтобы сбежать.

Теперь София уже даже не придерживалась тишины. Ей было абсолютно плевать на маскировку. На чистом, сумасшедшем адреналине она просто бежала по бесконечному тёмному тоннелю, тяжело и прерывисто хрипя. На её пути то и дело попадались массивные заклинившие гермодвери, и София судорожно пыталась войти хоть в какую-нибудь из них, со всей силы дёргая затворы мокрыми руками. Но механизмы не поддавались.

А позади, шурша лианами и с хрустом перебирая длинными конечностями по потолку, уже всю неслась раненая тварь. София бежала, захлёбываясь слезами, её лицо горело от страха. Иногда она громко, истошно вскрикивала, когда ледяной сквозняк за спиной становился слишком близким, а когти монстра едва не цепляли её за волосы. Вспомнив про такти-

ческий нож в кармане, который ей дал Герман, София судорожно выхватила его свободной рукой, крепко сжав рифлёную рукоять.

Ловушка захлопнулась на следующем повороте. Тварь сделала резкий, молниеносный выпад и совершила ей жёсткую подсечку под ноги. София с глухим криком со всего размаху упала на каменный пол, разбивая губу в кровь об острые выступы бетона. В глазах на секунду потемнело. Монстр мгновенно навалился сверху, пригвоздив её к земле. Тварь стала яростно рвать на ней серую одежду, обнажая бледную кожу и дико разевая свою чёрную пасть с рядами игл. И как только монстр подался вперёд, собираясь укунить её за горло, Софи издав дикий, нечеловеческий ор, со всей силы вогнала острый нож прямо в горящий оранжевый глаз твари.

Раздался отвратительный хлюпающий звук. Оранжевый свет в глазнице монстра мгновенно погас, сменившись фонтаном вонючей жижи. Но София уже не могла остановиться. Окончательно потеряв контроль над разумом, она снова, снова и снова яростно тыкала лезвием в уродливую морду существа, всаживая металл куда попадёт, и истошно, безумно крича на весь бесконечный тоннель.

Монстр наконец-то замертво рухнул на неё, полностью затихнув. София, тяжело и прерывисто дыша, с яростным хрипом отпихнула от себя мёртвое обмякшее тело.

Всё её тело горело, прошитое невыносимой, лютой болью от бесчисленных царапин. Оказалось, что монстр в процессе того, как с треском разрывал на ней комбинезон, оставляя на бледной коже глубокие борозды, ещё и буквально прорешетил когтями и костями её плоть, оставляя рваные, глубокие и обильно кровоточащие раны на плечах и груди.

София ещё какое-то время неподвижно лежала на грязном полу, невидящим взглядом смотря на моргающий под потолком тусклый свет лампы дневного света. Её всю крупно трясло от пережитого шока. Повернув голову в сторону бездыханного монстра, она всё же упрямо поднялась на колени, а затем и на ноги. Девушка несколько раз брезгливо сплюнула тёмную кровь и мерзкую слизь, которая попала ей в рот во время драки. Пару раз её судорожно, до слёз стошнило прямо на камни от жуткого запаха тухлятины.

Она упрямо, пошатываясь от потери сил, побежала к железной двери, которая виднелась в самом конце этого коридора впереди. Оказавшись у финиша, София какое-то время просто не могла её открыть — её пальцы судорожно соскальзывали с гладкого металлического затвора, полностью испачканного в её собственной крови и серой слизи существа. Но, издав последний, отчаянный хрип и навалившись на рычаг всем своим весом, она со скрежетом открыла замок и всё же вышла наружу, покидая проклятый бокс номер четыре.

Тяжёлая металлическая дверь бокса со скрежетом закрылась за её спиной, отсекая Софию от залитого кровью и слизью тоннеля. Она вышла в центральный распределительный коридор. Свет здесь горел ровно, без мигания, обнажая весь кошмар её нынешнего облика. Серый комбинезон был изодран на груди и плечах, из глубоких рваных борозд непрерывно сочилась багровая кровь, смешиваясь с вонючей серой жидкостью монстра. На бледном, испачканном лице запеклась корка, а губы были разбиты.

Чуть вдали коридора её уже встречал Герман. Он стоял без тактической маски, и козырёк чёрной кепки больше не мог скрыть его лица. Увидев её — всю грязную, израненную, в крови и слизи, совершенно непохожую на ту утончённую фарфоровую девочку, что вошла в бокс час назад, — суровый инструктор Лимба замер. Его ледяные глаза расширились от ужаса, а кадык судорожно дёрнулся. Мужчина тяжело сглотнул подступивший к горлу ком, глядя на это живое воплощение своего самого страшного кошмара из прошлого.

София еле переставляла ноги. Её ботинки оставляли на чистом полу грязные, кровавые следы. Она шла вперёд на одном упорстве, смотря на приближающегося мужчину абсолютно отрешённым, пустым взглядом зелёных глаз, в которых больше не осталось места для страха. Только выжженная пустыня.

— Софи... — только и смог хрипло проговорить Герман, делая шаг навстречу.

Его голос заметно дрогнул, теряя всю свою напускную армейскую строгость. Он медленно, нерешительно протянул к ней свою широкую ладонь в перчатке, искренне пытаясь помочь ей удержать равновесие и не рухнуть на бетон.

— Катись ты к чёрту, — только и прошипела она ему прямо в лицо, даже не глядя на его протянутую руку.

В её голосе звенела такая ненависть, что Герман инстинктивно замер. София судорожно залезла в глубокие карманы робы, выхватила оттуда пистолет и окровавленный нож и с глухим, звенящим стуком швырнула это оружие прямо ему под ноги. Металл покатился по полу, пачкая бетон чужой слизью. Она упрямо прошла мимо него, даже не обернувшись, и побрела по направлению к своей жилой казарме.

Коридор сектора не был пустым. Некоторые из ребят других групп Лимба, которые в это свободное время просто гуляли по разрешённой зоне, при виде Софии испуганно вжимались в стены. Они во все глаза провожали взглядами эту жуткую, полуголую девчонку в разорванной робе, от которой исходил стойкий запах тухлятины и смерти.

— Софи! — окликнул её сзади Герман. Он развернулся, смотря ей вслед, и в его голосе сквозило отчаяние. — Стой! Тебе нужно немедленно в санчасть! Раны глубокие, Эвелина должна обработать кожу.

Но Громова полностью проигнорировала его слова. Она сделала ещё несколько тяжёлых шагов, а затем резко остановилась посреди коридора. Она медленно обернулась через плечо, прожигая инструктора своим потемневшим, леденящим взглядом.

— Ты сказал, что я не мясо... — хрипло, сорванным голосом отозвалась она, и её губы искривились в горькой усмешке. — А сам... сам хладнокровно бросил меня на съедение этим тварям в закрытом боксе. Ты такая же мразь, Герман, как и все здесь в этом проклятом месте. И ничем не лучше тех выродков, что сидели со мной в том тоннеле.

Герман промолчал, его лицо превратилось в каменную маску, а пальцы сжались в кулаки. София больше не стала тратить на него свои силы. Она просто развернулась и ушла дальше по коридору, упрямо волоча ноги к дверям своего бокса.

глава 12

Спасительное тепло

В общем боксе казармы давящее ожидание постепенно сменилось тихим, лихорадочным шёпотом. Парни и девчонки, уставшие от бесконечных тестов и страха перед неизвестностью, сидели кучками на железных кушетках и отчаянно пытались вспомнить хоть какие-то крупницы из своей прошлой, стёртой памяти. Они лениво перебирали варианты идей, кто кем мог быть в реальности, судя по внешности, повадкам и манере держать себя.

— Да ладно вам, тут и думать нечего, — хмуро усмехнулся Марат, осторожно трогая пальцами свою челюсть после Илюхиного кулака. — Наш Русланчик в реале сто процентов каким-нибудь подпольным боссом был или бандосом с авторитетом. Уж больно у него замашки хозяйские, да и розы эти с шипами на всю руку как бы намекают, что парень не в библиотеке книжки читал.

— Ну, если Рус у нас авторитет, то ты, Мара, явно его ручной бульдог, — лениво подала голос Ксюша, разминая мускулистые плечи. — Вышибала в клубе или боец без правил, у которого мозгов ровно столько, чтобы по чужим щам попадать. Судя по твоему шнобелю разбитому — карьера у тебя шла просто блестяще.

Парни хмуро похохотали, а Миша, кутаясь в свободную мешковатую робу, задумчиво почесал свои темно-каштановые кудри:

— А про Камилу что скажете? Модель? Или элитная содержанка?

— Слышь, математик, ты за языком своим следи! — мгновенно огрызнулась Камила, лениво пиля ногти на своей койке и злобно зыряка на него глазами. — Я, между прочим, девушка из высшего общества! А вот ты, Мишенька, со своими кудряшками и занудными формулами в реале походу обычный IT-шник, который из-за компа сутками не вылезал и девственником до двадцати одного года дожил!

— Зато у него мозги есть, в отличие от некоторых, — тихо, но твёрдо заступилась за него Оля, бережно поправляя свой русый хвост на затылке. — А Илья... Ну, Илья точно автомеханик или шофёр. Посмотрите на его руки — они же вечно в мазуте, и за руль он в туннелях хватался так, словно всю жизнь баранку крутил.

Сам Илья в их глупых обсуждениях не участвовал. Он неподвижно сидел на краю своей кушетки, низко надвинув чёрную кепку на глаза, и нервным скрежетом то и дело смыкались неодимовые сферы.

Клик. Клик. Клик.

Его глаза были прикованы к закрытой железной двери. Мысли о Веснушке, которую Герман увёл больше часа назад, не давали ему покоя, а далёкие звуки выстрелов под полом только усиливали его внутреннее бешенство.

И в этот самый момент тяжёлая металлическая дверь бокса со знакомым, противным скрипом медленно отъехала в сторону. Все разговоры, шутки и смех в казарме смолкли в ту же секунду. В бокс вошла София.

Девять уцелевших участников застыли на своих местах, онемев от дикого, парализующего шока. Оля, увидев подругу, мгновенно округлила карие глаза, судорожно закрыла рот обеими руками, с трудом сдерживая испуганный, прерывистый всхлип, и тихо заплакала. Камила брезгливо скривила нос, мгновенно зажимая ладонью рот, чтобы её прямо здесь не стошнило от жуткого, удушливого запаха тухлятины и гнили, исходившего от Громовой. Парни — Руслан, Марат и Миша — тоже пооткрывали рты, не веря своим глазам.

София выглядела как восставший из могилы труп. Её новая тёмно-серая роба была в ключья разорвана на плечах и груди, обнажая бледную кожу, сплошь покрытую глубокими, кровоточащими бороздами и рваными ранами. Всё её лицо, шея и кудри были обильно залиты подсохшей тёмной кровью монстров и вонючей серой слизью.

Но София не проронила ни слова. Она лишь мазнула по застывшей казарме своим мёртвым, абсолютно отрешённым и пустым взглядом, в котором больше не осталось места для человеческих эмоций. Медленно, еле-еле переставляя ватные ноги, она шла вперёд, судорожно придерживаясь одной рукой за бетонную стену и оставляя на чистой поверхности чёткие, смазанные кровавые следы. Игнорируя всех, она ровным, упрямым шагом ушла в глубь душевой зоны.

Какое-то время в боксе стояла гробовая, звенящая тишина, прерываемая лишь тихими слезами Оли, и только потом послышался монотонный шум включившейся воды.

Грач тут же, словно от удара током, подскочил со своей кушетки, на ходу выдёргивая руки из карманов и буквально срываясь на стремительный бег в сторону душевой.

— Эй, Грач! — громко, с наглой ухмылкой крикнул ему в спину Руслан, лениво приподнимаясь на локтях. — Ты куда это так рванул? Почему нам нельзя смотреть на девчонок в душе, а тебе, блядь, можно? Правила Системы для всех одинаковые!

Илья тут же резко замер у самого порога душевой зоны. Он медленно обернулся через плечо, буравя уличного жоака таким бешеным, уничтожающим взглядом, что Руслан невольно осёкся.

— Думаешь, я пошёл любоваться её голым телом, придурок? — ледяным басом процедил Илья сквозь зубы.

Он резко развернулся, молча вошёл внутрь душевой и с глухим металлическим стуком закрыл за собой входную дверь на защёлку, отрезая их от остальной казармы.

Софию он нашёл в самой крайней, полутёмной кабинке. Зрелище было по-настоящему удушающим. Она сидела прямо на холодном, скользком полу, даже не раздеваясь — прямо в своей грязной, разорванной и пропитанной кровью робе. Из крана над её головой мощным, ледяным потоком хлестала вода, которая сплошной стеной стекала на её мокрые чёрные кудри, лицо и израненные плечи, но София этого словно не замечала. Она неподвижно смотрела в одну точку на серой бетонной стене застывшим, немигающим взглядом.

Дикий, парализующий страх, пережитый в тёмном тоннеле, и невыносимая физическая боль наконец-то накрыли, и её хрупкая психика просто не могла никак справиться с этими чувствами. Внутри неё всё заблокировалось. Она была настолько истощена этим адским отбором, что сейчас не могла даже спокойно пореветь, закричать или переболеть этот жуткий стресс. Она просто замерла, превратившись в безжизненную фарфоровую куклу под ледяными струями душа.

Илья тут же, не раздумывая, дёрнулся к ней в кабинку. Попад со всего размаху под лавину ледяной воды, которая мгновенно насквозь промочила его собственную сухую форму и кепку, он тихо, яростно шикнул, грязно выругавшись сквозь зубы:

— Твою мать!

Грач резко протянул руку и с силой крутанул кран, полностью вырубая воду. В наступившей тишине душевой раздавалось только его тяжёлое дыхание. Илья мгновенно опустился перед ней на колени прямо в грязную лужу на кафеле и стал лихорадочно, бережно осматривать девчонку, прикасаясь к её израненным плечам.

— Веснушка... Твою мать, Веснушка, ты слышишь меня?! — в полном отчаянии, со скрытым испугом в голосе заговорил Илья, и его пальцы мелко задрожали, когда он увидел глубину рваных борозд на её коже. — Тебя куда, блядь, вообще бросили?! В мясорубку?! Что этот масочник Герман с тобой сделал?!

Но София никак не отвечала на его расспросы. Она продолжала сидеть недвижимо, словно превратилась в ледяной камень.

— Софи? — уже мягче, с какой-то непривычной, интимной нежностью позвал он её, бережно хватая её бледное лицо своими широкими, тёплыми ладонями и заставляя посмотреть на себя. — Ну же, посмотри на меня... Скажи хоть что-нибудь, Громова. Не молчи, слышишь?

Его горячие ладони на её щеках сработали как спасительный триггер. София медленно, словно через силу, моргнула один раз, переводя свои глаза на его злые, но полные тревоги. Потом моргнула ещё раз и ещё... Оцепенение внутри неё со скрежетом лопнуло. Хрупкая стена окончательно рухнула под воздействием его тепла.

Она просто дико, навзрыд разрыдалась, издавая судорожный, полный боли и отчаяния девчоночий плач. Илья, не теряя ни секунды, тут же крепко схватил её за талию, силой поднимая с мокрого кафеля и бережно усаживая её к себе на колени — лицом к лицу, плотно смыкая руки за её спиной и буквально вжимая её изломанное тело в себя.

София, захлёбываясь слезами, в ответ жадно, со всей силы обняла его за шею. Она цеплялась пальцами за его мокрую робу, за его сильные плечи, цеплялась за это горячее, живое и надёжное мужское тело, как за единственный спасительный круг посреди бушующего океана, чтобы окончательно не потеряться и не сойти с ума в этом проклятом Лимбе.

Илья даже не думал отстраняться от её грязного, испачканного в слизи и крови комбинезона. Наплевав на брезгливость, он сам жадно, до хруста в рёбрах обнимал её в ответ, утыкаясь лицом в её мокрые кудрявые волосы и отдавая ей всё своё внутреннее тепло, защищая свою Веснушку от всего этого подземного ада Системы.

— Поплачь... Ну же, маленькая моя, поплачь, — тихо, хрипло шептал он ей прямо в кудри, удерживая на своих коленях под глухой шум пустых кабин. — Выплесни всё это дерьмо наружу. Я здесь. Я держу тебя.

София продолжала судорожно всхлипывать, уткнувшись лицом в его мокрую шею. Её тело содрогалось от беззвучных слёз, а пальцы с силой держались за плотную ткань его комбинезона. Илья аккуратно отстранил её от себя на расстояние вытянутой руки, заставляя спуститься на кафельный пол, но продолжая крепко удерживать за плечи.

— Так, Веснушка, давай снимать это дерьмо, — негромко, но твёрдо проговорил он, и его пальцы быстро легли на заклинивший, покрытый слизью замок её робы. — Одежда насквозь пропиталась тухлятиной. Её нужно выбросить.

София не сопротивлялась. Полностью опустошённая, выжженная изнутри пережитым ужасом, она покорно поддавалась его сильным и удивительно бережным рукам. Илья аккуратно растегнул молнию, стянул с её плеч разорванные в клочья серые рукава и помог вытащить руки. Он наклонился, расшнуровал её ботинки, пачкая пальцы в налипшей грязи, и помог ей полностью избавиться от обуви и мокрых носков. Вслед за грубой робой на пол полетело и стандартное бельё Системы, которое превратилось в мокрую, окровавленную тряпку.

Оставшись полностью обнажённой под тусклым светом душевой кабинки, София мелко, неудержимо подрагивала всем телом — то ли от леденящего сквозняка, то ли от запоздалого шока. Но она даже не пыталась прикрываться руками или стыдливо прятаться, как делала это раньше. Она просто стояла, низко опустив голову, и безучастно смотрела в пол, на свои мокрые пальцы ног, пока чернильные мокрые кудри тяжёлыми прядями закрывали её лицо.

Илья, шумно выдохнув, быстро скинул свой собственный комбинезон. Он швырнул грязную ткань в угол, оставшись перед ней в одних чёрных боксёрах. Его мощный рабочий торс и широкие плечи покрылись мурашками от прохлады, но он этого не замечал. Он настроил смеситель, пуская из крана тонкую, приятную струю тёплой воды, взял кусок казённого мыла и мягкую мочалку.

Шагнув к ней вплотную, Грач начал аккуратно, миллиметр за миллиметром смывать засохшую кровь монстров и серую вязкую слизь с её нежной белой кожи. Он бережно водил

мыльной мочалкой по её хрупкой спине, по тонким ключицам и плечам, аккуратно обходя глубокие рваные борозды и прорезанные когтями раны, чтобы не причинить ей новой боли. Глядя на то, как уродливо и страшно Лимб исполосовал её тело, Илья яростно, до белого каления сжимал челюсти. Его глаза потемнели, а из груди вырвался глухой, опасный шёпот.

— Эти выродки... эти грёбанные слепые твари ещё получают по заслугам, Громова, — злобно, сквозь зубы шипел он, смывая багровую пену с её бёдер. — Я их всех до единой в этой подземной кишке перережу. Лично каждую тварь на куски порву за то, что они с тобой сделали. Ни одна мразь отсюда живой не уползёт, клянусь тебе...

Когда вся грязь наконец-то была смыта, а её кожа стала чистой, Илья выключил воду. Но из глубоких рваных ран на её плече и груди всё ещё медленно, непрерывно вытекала тонкая струйка свежей крови, пачкая кафель у их ног. Грач нахмурился, оценивая глубину порезов.

— Тут мазью Эвелины не обойдёшься, Веснушка, — тихо, качнув растрёпанной головой, проговорил он. — Раны глубокие. Нужно шить. Придётся идти к медикам.

София снова лишь безмолвно кивнула, продолжая неподвижно смотреть в пол. Её губы слегка посинели. — Спасибо... — только и проговорила она сипло, сорванным голосом. — Спасибо, Илья.

Её незащищенный, тихий голос окончательно сдёрнул с Грача все его маски одиночки. Он не выдержал. Он резко взял её лицо в свои тёплые, широкие ладони, бережно приподнимая её голову и заставляя посмотреть прямо в его горящие диким внутренним огнём глаза.

— Всё, что захочешь, — хрипло, выдыхая ей прямо в губы, отозвался он. — Всё, что угодно для тебя, слышишь?

И в следующую секунду Илья накрыл её рот своими губами. Поцелуй был невероятно нежным, бережным и осторожным, словно он боялся побеспокоить её разбитую губу. Но в этой ласке было столько сдерживаемой страсти, тепла и отчаяния, что София мгновенно, всем своим существом ответила ему. Она подалась вперёд, тесно прижимаясь своим обнажённым телом к его груди.

И в этот момент Громова первая поддалась внезапному, безумному порыву адреналина и нахлынувших чувств. Её пальцы судорожно легли на резинку его чёрных боксёров, уверенным движением избавляя парня от последней одежды. Химия между ними в этой тесной кабинке вспыхнула как сухой порох.

Илья на секунду замер, его дыхание перехватило. Он перехватил её тонкие запястья, пытаясь удержать остатки контроля, и хрипло, тяжело дыша, проговорил: — Софи... Стой. Я не уверен, что это сейчас уместно. Ты сейчас на чистом адреналине после боя, у тебя шок... Ты не соображаешь, что делаешь.

Но София не собиралась отступать. Ей до смерти нужно было почувствовать себя живой, доказать самой себе, что она не пепел и не мясо. Она упрямо качнула головой, прижалась своими пухлыми губами к его губам и горячо, властно прошептала прямо в его дыхание: — Заткнись, Грач... Просто завали пасть. Или мне... мне пойти и позвать кого-то другого?! Руслана позвать, да?!

От этой хлесткой девчоночьей провокации у Ильи окончательно сорвало все тормоза. Внутренний зверь вырвался наружу.

— Я размажу его бошку об эти бетонные стены! — зверино, с бешеной яростью прорычал он ей прямо в губы.

Он резко, одним мощным движением подхватил её под бёдра, с силой приподнимая над полом и заставляя Софию обвить его талию ногами. Он со всего размаху впечатал её спиной в тёплую стену кабинки, а его ладони сжали её ягодицы.

— Хоть один ублюдок в этой казарме... хоть глазом на тебя пусть только попробует взглянуть — и он труп! Поняла меня, Веснушка?! Труп! Ты теперь только моя в этом грёбаном мире! Только моя!

И он с силой, безумно и страстно впился в её губы, окончательно сгорая в этой близости.

Илья всё сильнее вжимал её в тёплую стену душевой кабинки. Горячий пар окутывал их тела, а в ушах стоял сплошной шум не до конца перекрытой воды. В порыве этой бешеной страсти он уже не пытался сдерживаться — Грач окончательно признавал эту израненную фарфоровую девочку только своей в этом сером бункере Лимба.

— Возможно... возможно, я полный дурак, Громова, — тяжело, со свистом выдыхая ей прямо в губы, глухо рычал Илья, пока его мощные ладони до боли сжимали её бёдра. — Ненормальный, блядь, псих... Но я на стену готов лезть от одной мысли, что кто-то в этой казарме смотрит на тебя с желанием. Не позволю, слышишь? Никому не отдам.

София лишь судорожно, прерывисто стонала от его неистовой близости и резких, глубоких толчков. Она смотрела на него абсолютно затуманенным взглядом, напрочь теряя связь с суровой реальностью Системы.

Грач на секунду замер, шумно втянув носом влажный воздух. На его лбу прорезалась глубокая складка — остатки здравого смысла ещё отчаянно пытались подать голос в его затуманенной голове. Он заглянул в её искусанные губы и хрипло, прерывисто проговорил:

— Веснушка... Я не хочу, чтобы ты потом, когда адреналин схлынет, жалела об этом. Скажи слово — и я могу остановиться прямо сейчас. Слышишь? Могу всё прекратить...

Но София его даже слушать не желала. Разозлённая его внезапной правильностью, она просто со шлепком опустила свою влажную руку ему на плечо и, яростно притянув его за шею к себе, прошипела прямо в его приоткрытые губы:

— Да просто замолчи ты, Грач... Заткнись!

И, тихо, звонко хихикнув от абсурдности его сомнений, она сама потянула его на себя. С этим коротким девчоночьим смехом остатки их внутренних барьеров окончательно рухнули, и они с головой погрузились в эти чувства друг к другу. София жадно, до белых костяшек держала его за мокрые плечи, пока Илья с глухим, утробным рыком входил в неё снова и снова, утыкаясь лицом в её плечо.

— Всё это... всё это неправильно, Громова, — всё ещё пытался он зацепиться за остатки трезвого мужского рассудка, ускоряя темп, отчего шторка кабинки бешено трещала. — Мы в аду... нас фильтруют как мясо...

— Надеюсь... надеюсь, это твоё «неправильно» не про то, что сейчас происходит между нами, — отозвалась София со сладким, задыхающимся стоном, выгибаясь в его руках и крепче сжимая его талию своими бёдрами.

Когда их дыхание смешалось в один сплошной хрип, в тяжёлую входную дверь душевой зоны оглушительно, звонко постучали кулаком. По кафельным стенам раскатился грубый, яростный рык Руслана:

— Эй, Грач! Вы там, блядь, утонули, что ли?! Завязывайте уже со своим дерьмом!

София от этого внезапного бандитского окрика тихо, залиvisto хихикнула, испуганно утыкаясь носом в мокрую грудь Ильи, чтобы её смех не разнёсся по всей душевой. Она тяжело, прерывисто дышала, вжимаясь в его сильное тело, и от нового прилива чувств судорожно закусила собственную пухлую губу — снова до багровой крови, растревожив рану.

Илья, заметив выступившую алую каплю на её губах, полностью потерял контроль. Набывшись, он припал к её рту и начал жадно, сумасшедшим движением слизывать эту горячую кровь, покрывая её лицо быстрыми поцелуями и доводя их обоих до пика. Напряжение в кабине взорвалось ослепительной вспышкой, заставляя Софию издать последний, беззвучный стон, прежде чем они оба обессиленно обмякли в объятиях друг друга под давящий стук Руслана в железную дверь.

глава 13

Силуэты в зеркалах

Игла Эвелины с едва слышным, сухим хрустом раз за разом прокалывала нежную кожу на плече Софии, стягивая рваные края раны аккуратными медицинскими стежками. Девушка сидела неподвижно на краю стерильной кушетки, завернувшись по пояс в чистое простынное полотно. Она вела себя удивительно тихо. Боль больше не вызывала у неё паники — Лимб постепенно выжигал из неё способность реагировать на чисто физические страдания. София упрямо смотрела куда-то в пустоту перед собой, стараясь не пересекаться взглядом с человеком этой комнаты. Лишь изредка её глаза находили Илью. Он сидел напротив неё на низком металлическом стуле, расставив колени и положив на них руки. Каждый раз, когда их взгляды встречались, Грач едва заметно, мимолётно улыбался ей самым уголком губ — эта беззвучная, суровая поддержка действовала лучше любого обезболивающего.

София медленно прикрыла веки, откидывая голову назад и просто пытаясь немного передохнуть от зашкаливающего в крови адреналина. В наступившей темноте под веками её сознание мгновенно вычленило один-единственный звук. Ритмичный, сухой металлический скрежет.

Клик. Клик.

Эти неодимовые магниты Ильи, которые казались ей до безумия раздражающими и противными, теперь, после запредельного кошмара, стали для неё привычными. Они больше совершенно не бесили. Напротив, этот тихий стук металла в его ладони давал ей чёткое понимание: Илья здесь, он рядом, и она в той или иной степени находится в безопасности.

В её уставшей голове всё ещё непрерывной лентой крутились его недавние, бешеные признания в душевой кабинке. Его хриплый, утробный рык, его сильные пальцы на её бёдрах и слова о том, что он считает её своей. Только своей в этом бетонном мешке. С одной стороны, Софии это казалось даже немного смешным, почти нелепым. Ну кто он такой, этот хмурый парень, чтобы вот так бесцеремонно присваивать её, и пытаться распоряжаться её телом и жизнью? Она ведь не вещь, не пачка сигарет и не трофей из подворотни. Но с другой стороны... это было так чертовски правильно. Так до безумия приятно.

Она никогда в жизни не думала и уж точно не хотела заводить здесь, на пороге смерти, какие-то любовные отношения. Романтика в Лимбе казалась абсурдом. Но после того тёмного тоннеля, после склизких когтей, рвущих её плоть, Софии до боли в груди хотелось чувствовать себя нужной. И даже, наверное... любимой. Ей необходим был этот якорь. Да, она прекрасно понимала, что вся их внезапная, сумасшедшая ситуация в душе — это больше про минутное влечение, про дикую вспышку страсти и судорожную попытку зацепиться за живого человека в этой мёртвой системе, нежели про настоящую, осознанную любовь. Но тогда почему... почему её сердце так глухо и быстро начинало стучать при одной только мысли о нём? Почему дыхание перехватывало от его случайного взгляда или ленивой улыбки? От того, как бережно он слизывал кровь с её разбитой губы и называл своей? Что сам Илья чувствовал в этот момент? Для него это тоже был просто животный порыв страсти на адреналине, или он действительно так считает? Действительно готов размазать чужую голову об стены за неё?

София прервала свои мысли и тяжело, прерывисто приоткрыла глаза. Первое, на что она наткнулась, был хмурый, давящий взгляд Германа.

Старший инструктор Лимба неподвижно стоял в паре метров от кушетки, скрестив руки на широкой груди. Он контролировал процесс операции лично, по приказу Системы, но его

волевое лицо без маски сейчас казалось бледнее обычного. В его ледяных глазах застыло странное, тяжёлое оцепенение.

Грач тоже это видел. Парень сидел на своём стуле, набычившись и низко надвинув козырёк чёрной кепки, но его зрачки периодически, с откровенной угрозой сверлили силуэт инструктора. Илья бдительно следил за каждым выражением лица Германа, за тем, как именно этот мужик смотрит на Софию. Магнитные сферы в кулаке, то судорожно сжимались, намертво замолкая, то снова с сухим треском разжимались, но Илья упрямо, не отрываясь, продолжал вести эту молчаливую дуэль взглядов.

Грач со своим обострённым чутьём сразу понял: инструктор смотрит на Софию по-особенному. Не так, как на Камилу, Олю или Марата. В этом взгляде не было усталости надсмотрщика — там сквозила какая-то личная, разрывающая его изнутри драма. И в этот момент в голове Ильи впервые закралась по-настоящему гнилая, ревнивая мысль. Его челюсти сжались до хруста в суставах. Что, чёрт возьми, произошло между этой девочкой и Германом за то время, пока её мариновали в санчасти после первого испытания? Неужели они за эти несколько циклов и правда как-то... сблизилась? Неужели случилось что-то такое, из-за чего София, вернувшись из бокса, просто на диком адреналине и отчаянии отдалась ему в душе, лишь бы заглушить чужое влияние в своей голове?

Илья не хотел и не собирался мириться с этой мыслью. Внутри него всё клокотало от собственнической ярости, кулаки чесались, а глаза были готовы колоть бетон. Но, проследив за ответной реакцией Софии, Илья заметил, что Громова смотрит на инструктора с абсолютным, выжженным безразличием. Она не искала у Германа защиты, не заигрывала, как Камила — она смотрела на него как на пустое место.

Парень шумно выдохнул сквозь зубы, заставляя шарики в ладони окончательно затихнуть. Он принял решение. Он не будет уподобляться Камиле с её гнилыми сплетнями. Хватит с него этих интриг за её спиной в этой проклятой казарме. Самое лучшее, честное и правильное, что он может сделать для своей Веснушки — это дождаться окончания перевязки, увести её подальше от чужих глаз и просто спросить у неё обо всём напрямую. Без наездов, без понтов. Прямо в глаза. Чтобы не обидеть её, не разрушить то хрупкое, горячее доверие, которое они только что скрепили своими телами.

Эвелина аккуратно перерезала медицинскую нить, затягивая последний узел на плече Софии, и наложила поверх свежих швов стерильную повязку.

— Громова, — Герман даже не взглянул на неё, продолжая изучать показания датчиков на настенном экране. — Как только Эвелина закончит с санобработкой, явишься в мой кабинет. Нам нужно завершить оформление протоколов по четвёртому боксу.

Он медленно повернул голову к Илье, и его глаза сузились:

— А

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.